

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

У

Р5/ав 318.10

~~Р5/ав 318.10~~

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

³¹⁴
ЧАСТЬ СССХІV.

1897.

НОЯВРЬ.

№ 8208

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

Printed in USSR

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СИКУЛОВЪ,

НА ОСНОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ.

Не такъ давно на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*¹⁾ мы говорили объ образованіи римской расы, то-есть о главныхъ народностяхъ, изъ которыхъ она составилаь. Но у этихъ народностей — латинской, сабинской и этрусской — на римской территоріи, какъ и вообще въ Лаціумѣ, были предшественницы. Жилъ тамъ народъ, племени котораго мы не знаемъ, но который, какъ у римскихъ историковъ, такъ и у греческихъ, писавшихъ о начальныхъ временахъ Рима, называется аборигенами. Древнѣе аборигеновъ на почвѣ Лаціума римскіе писатели никого не знаютъ, считая ихъ автохонами, о чемъ въ ихъ глазахъ свидѣтельствовали и этимологическій смыслъ самого названія (ab origine), очевидно, однако, присвоеннаго древнѣйшему населенію Лаціума со стороны, всего вѣрнѣе писателями²⁾, а не бывшаго дѣйствительнымъ именемъ самого первобытнаго населенія мѣстности, въ которой впоследствии возникъ городъ Ромула. Кто же были эти аборигены, какой

¹⁾ Май, 1896 г.

²⁾ Правда, первый изъ известныхъ историковъ, считающійся употребившимъ названіе аборигеновъ для обозначенія первобытнаго населенія Лаціума, былъ сицилійскій историкъ Каллія, писавшій въ первую четверть III вѣка до Р. Хр. Но вѣрна ли ссылка на него у Діонисія (I, 72), это еще вопросъ, тѣмъ болѣе, что Діонисій въ этомъ случаѣ расходится съ Фестомъ (*Роман*, p. 266 ed. M.). Естественное предполагать, что это названіе было пуцено въ ходѣ римскими по-вѣствователями. У греческихъ писателей встрѣчается взаимно этого термина слово Βορείωνοι (см. *Lucan.*, v. 1253). По этому поводу высказывалось не мало ученыхъ комбинацій, хотя и не привели ихъ къ какому положительному результату. См. ихъ у Шлегера въ *Röm. Geschichte*, I, p. 198 сл., у Эд. Мейера, въ *Geschichte der Alterthums*, II, p. 526, и у Манса въ *Storia della Sicilia e della Magna Grecia*, I, Torino-Palermo, 1894, p. 475 сл.

народъ, или, по крайней мѣрѣ, какое племя они собой представляли, это вопросъ темный и едва ли когда-нибудь рѣшимый, если его рѣшать на основаніи заявленій древнихъ писателей. По господствующему представленію римскихъ писателей, это просто древніе латинцы, которыми управлялъ царь Латинъ въ то время, когда въ Лаціумъ прибылъ Эней съ своими спутниками по разрушеніи Трои. Такъ именно и начинается свою римскую исторію Т. Ливій, служащій для насъ главнымъ представителемъ историческихъ преданій, распространенныхъ въ образованномъ римскомъ обществѣ времени Августа. Съ нимъ не расходятся въ существѣ дѣла и другіе латинскіе писатели¹⁾. Наука однако никакъ не можетъ считать латинявъ, хотя бы и подъ названіемъ аборигеновъ, первобытными обитателями Лаціума. Какъ бы ни было отдаленно время, когда италійское племя, часть котораго составляютъ латиняне, прибыло на Апеннинскій полуостровъ, но оно застало тамъ обитателей, у которыхъ была совсѣмъ другая культура, выражавшаяся въ особомъ типѣ жилищъ, въ особомъ типѣ могилъ, въ другихъ погребальныхъ обрядахъ, въ другихъ орудіяхъ домашняго быта. культуры еще каменнаго вѣка, тогда какъ италійцы, еще живя въ терремарахъ долины По, то-есть въ первый періодъ своего пребыванія на полуостровѣ, имѣли культуру бронзоваго вѣка, принесенную ими изъ мѣсть (Средней Европы), гдѣ они обитали раньше. Мало того: и эти предшественники италійцевъ, люди неолитической культуры, не были въ Италіи аборигенами въ буквальномъ смыслѣ слова, автохтонами, а были пришельцами въ страну, которая была обитаема еще въ такой періодъ времени, когда долина Тибра была еще подъ водою и когда, по крайней мѣрѣ въ Лаціумѣ, человекъ ютился по горамъ, имѣя своимъ домашнимъ кровомъ пещеры и удовлетворяя несложныя потребности своего быта съ помощью каменныхъ орудій, лишѣнныхъ всякой обдѣлки²⁾. Такимъ образомъ, говорить объ аборигенахъ, въ страну которыхъ будто бы пріѣхалъ съ своими спутниками Эней изъ Трои, какъ о первобытныхъ латинянахъ, нѣтъ никакого основанія. Да и вообще говорить объ аборигенахъ, какъ о чемъ-нибудь въ этнологическомъ смыслѣ положительномъ, на основаніи сообщеній римскихъ или греческихъ писателей, нѣтъ возможности. Ничего сколько-нибудь осязательнаго, такого, за что можно бы было уцѣпиться, эти

¹⁾ См. ссылки на нихъ у Шwegлера loc. cit.

²⁾ Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ сдѣланы мной въ вышеуказанной статьѣ „*Журн. Мин. Нар. Просв.*“, составлявшей отрывокъ моихъ публичныхъ лекцій о Римѣ древнемъ и новомъ.

писателя не сообщаютъ, а поставленіе аборигеновъ въ связь съ прибытіемъ Энея изъ Трои и отнесеніе ихъ времени къ вѣку фавновъ ¹⁾, Яна и Сатурна ²⁾ заставляетъ разказы о нихъ относить къ области поэтической фантазіи и мифологическихъ вымысловъ.

Не такого рода данныя мы имѣемъ о народѣ, который также считался древнѣйшимъ въ Лациумѣ, а по преданію, приводимому Діонисіемъ Галикарнасскимъ въ первыхъ строкахъ его повѣствованія о *Римскихъ древностяхъ* ³⁾, даже предшествовалъ аборигенамъ, впоследствии его вытѣснившимъ. Народъ этотъ былъ Сикулы, Siculi, Σικελοί греческихъ писателей. Тутъ положеніе дѣла для изслѣдователя другое. Мы имѣемъ о Сикулахъ не только заявленія древнихъ писателей, но и дватри другихъ источника, и прежде всего кое-какіе остатки языка и данныя, добытыя археологическими раскопками. Послѣдній источникъ совершенно новый, открытый вниманію ученыхъ только въ самыя послѣдніе годы. Кроме того, теперь появляются и данныя антропологическія. Всѣ эти источники, вѣстѣ взятыя, представляютъ матеріалъ если не вполне достаточный, то во всякомъ случаѣ такой, который даетъ возможность взяться за дѣло и приступить къ рѣшенію вопроса: что за народъ были Сикулы?

Что же это былъ за народъ въ самомъ дѣлѣ?

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего слѣдуетъ рассмотретьъ свидѣтельства древнихъ писателей.

I. Данныя литературныя.

Хотя собственную территорію сикуловъ представляетъ островъ, Средиземнаго моря, которому они дали имя, Сицилія, но сохранившіяся у древнихъ писателей преданія представляютъ намъ этотъ народъ прежде всего на территоріи Рима и вообще Лациума. Мы уже упомянули, что, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, Сикулы были древнѣйшими обитателями Рима, какихъ только знаетъ преданіе ⁴⁾, и

¹⁾ Gell. V, 21, 7: tibi habeas anctoritates istas, ex Faunorum et Aboriginum saeculo repetitas; XVI, 10, 7: si jus Faunorum et Aboriginum didicissem.

²⁾ Virg. Aen. VII, 178: Italusque paterque Sabinus.. Saturnusque senex Janique bifrontis imago vestibulo adstabant aliique ab origine reges. Ср. примѣч. Сервія къ этому мѣсту.

³⁾ Ant. Rom., I, 9.

⁴⁾ A. R. I, 9: Τὴν ἡγεμόνα τῆς καὶ θαλάσσης πόλιν, ἣν νῦν κατοικοῦσι Ῥωμαῖοι, παλαιότατοι τῶν μνημονευομένων λέγονται κατασκευαῖν βάρβαροι Σικελοί, ἔθνος αὐθιγνές:

что заявленіемъ объ этомъ и начинается повѣствованіе о Римѣ этого греческаго писателя, прожившаго двадцать два года въ Римѣ и хорошо изучившаго его языкъ и литературу, особенно же историческую. какъ онъ объ этомъ сообщаетъ намъ, приступая къ своему сочиненію ¹⁾. Но Діонисій въ заявленіи объ обитаніи Сикулами Рима въ древнѣйшее время не стоитъ одиноко и не является отголоскомъ сообщеній греческихъ писателей. Еще раньше его говорилъ въ этомъ родѣ Варронъ ²⁾, который въ свою очередь ссылается на древнюю римскую лѣтопись. На то-же указываетъ и другой важнѣйшій изслѣдователь римской старины. Веррій Флаккъ, говоря объ изгнаніи лигуровъ и сикуловъ изъ Рима завоевателями, двинувшимися изъ Реатинской области ³⁾. Нѣтъ повода сомнѣваться, что то-же самое древнее преданіе воспроизводитъ и Виргилій, вводя въ свою поэму ⁴⁾, какъ обитателей древнѣйшаго Лациума, сикановъ, вѣроятно отождествля ихъ съ Сикулами, имя которыхъ по своему короткому предпоследнему слогу не подходило у него къ размѣру. Къ древнѣйшимъ народамъ Лациума причисляетъ Сикуловъ и Пляній Старшій, ставя ихъ рядомъ съ аборигенами, пелазгами, аркадянами, аврунками и рутулами, но присвоя каждому изъ этихъ народовъ свое время ⁵⁾. Сервій въ своихъ примѣчаніяхъ къ Энеидѣ Виргилія не разъ ⁶⁾ замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ теперь Римъ, жили сикулы, замѣняя ихъ въ другихъ случаяхъ сиканами, съ которыми онъ ихъ, очевидно, смѣшивалъ. Сикуламъ принадлежали, по преданію, кромѣ Рима, и разные другіе города въ Лациумѣ, какъ то: Ариція ⁷⁾.

¹⁾ Ibid. I, 7.

²⁾ De L. L. V, 101: a Roma quod orti Siculi, ut annales veteres nostri dicunt.

³⁾ Fest. *Sacrani* (p. 321 M.): Sacrani appellati sunt Reate orti, qui ex Septimontio Ligures Siculosque exegerunt.

⁴⁾ Aen. VII, 795: Auruncas manus, Rutuli veteresque Sicani; VIII, 928: Tum manus Ausonia et gentes venero Sicanae; XI, 316—317: Est antiquus ager Tusco mihi proximus amni, longus in occasum, fines super usque Sicanos.

⁵⁾ N. H. III, 9, 56: Latium antiquum... colonis saepe mutatis tenuere alii aliis temporibus: Aborigines, Pelasgi, Arcades, Siculi и т. д.

⁶⁾ Ad Aen. III, 500: Profecti Siculi ad Italiam, eam tenuerunt partem, ubi nunc Roma est, usque ad Rutulos et Ardeam; ad VIII, 795: Ubi nunc Roma est, ibi fuerunt Sicani (Siculi ?), quos postea pepulerunt Aborigines; ad XI, 317: Fines Sicanos, quos Siculi aliquando tenuerunt, id est usque ad ea loca, in quibus nunc Roma est; haec enim Siculi habitaverunt.

⁷⁾ Solin., 2, 10: Notum est, Ariciam ab Archilocho Siculo (constitutam), unde et nomen, ut Heminae placet, tractum.

Ценина ¹⁾, Антемы ²⁾, Габии ³⁾, Тибуръ ⁴⁾, Крустумерій ⁵⁾, а внѣ Лаціума—Фалеріи ⁶⁾, впоследствии главный городъ родственныхъ латинянамъ фалисковъ, въ юго-восточномъ углу Этруріи, и Фесценній ⁷⁾—немного къ сѣверу отъ Фалерій, городъ, прославившійся впоследствии вопедними въ Римѣ въ моду Фесценнинскими стихами, послужившими тамъ зародышемъ драматической поэзіи ⁸⁾. Преданіе идетъ дальше и предоставляетъ Сикуламъ весь Лаціумъ, по крайней мѣрѣ береговую полосу отъ Тибра до Лириса, такъ какъ Сервій ⁹⁾ приписываетъ къ ихъ владѣніямъ мѣстность древнѣйшихъ городовъ этой страны — Лавинія и Лаврента, а Фабій Пикторъ ¹⁰⁾ помѣщаетъ ихъ и въ той части юго-западнаго Лаціума, которая составляла потомъ территорию Вольсковъ. Этого мало: мѣстопребываніе сикуловъ отмѣчается и въ разныхъ другихъ частяхъ Италіи: въ землѣ сабинянъ ¹¹⁾ въ собственной Этруріи ¹²⁾, въ Ниценской области ¹³⁾, по берегу Адриатическаго моря. Наконецъ, нѣкоторые писатели, впрочемъ не придавая, повидимому, своимъ словамъ строгаго значенія, прямо выражаются такъ, что сикулы или—что въ ихъ глазахъ было одинаковымъ—си-

¹⁾ Dionys. II, 36: Ἀβοργίνες γὰρ αὐτὰς ἀφελόμενοι τοὺς Σικελούς κατέσχεον (Ценину и Антемы).

²⁾ Ibid.

³⁾ Solin. 2, 10: Gabios a Galatio et Blo Siculis.

⁴⁾ Solin. 2, 8: Catillus... in Italia procreavit Tiburtum, Corum, Catillum, qui depulsis ex oppido Siciliae veteribus Sicaniis a nomine Tiburti fratris natu maximi urbem vocaverunt. Діонисій, I, 16, говоря о нападении аборигеновъ на тибуртицевъ, замѣчаетъ, что часть города „и по сіе время“ носитъ названіе Σικελικόν, и что аборигены ни къ какому народу не относились съ такою неприязнію (μάλιστα λυπηροί), какъ къ Сикуламъ.

⁵⁾ Serv. ad Aen. VII, 631: Cassius Hemina tradidit Siculum quendam nomine uxoris suae Clytemestrae condidisse Clytemestrum, mox corrupto nomine Crustumerium dictum.

⁶⁾ Dionys. I, 21: Φαλέριον καὶ Φεσκένοιον... Σικελῶν ὑπάρχουσαι πρότερον.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ См. мои Лекціи по исторіи римской литературы, стр. 59 слд. изд. 1888 г.

⁹⁾ Ibi autem habitasse Siculos, ubi Laurolavinium est, manifestum est.

¹⁰⁾ У Петера въ *Historicorum Roman. reliquiae*. I, Leipz. 1870.

¹¹⁾ Serv. ad Aen. VIII, 638 (ссылаясь на Гигина): Sabini... a Sabo, qui..., expulsis Siculis, tenuit loca, quae Sabini habent.

¹²⁾ Dionys. I, 20, гдѣ говорится объ отнятіи аборигенами у сикуловъ многихъ городовъ, которые потомъ были отняты этрусками. Ср. Joh. Lyd.. De mag., Проет., гдѣ говорится впрочемъ о Сиканахъ, какъ древнѣйшихъ обитателяхъ Этруріи.

¹³⁾ Plin. N. H. III, 19, 112: Siculi et Liburni pluruma eius tractus tenuere, in primis Palmensem Praetutianum Hadrianumque agrum.

каны считаются древнѣйшими обитателями вообще Италіи, qui primi coluisse Italiam dicuntur, причемъ писатели эти указываютъ еще на аврунковъ и пелазговъ, какъ на народы, которые въ этомъ отношеніи могутъ быть поставлены на мѣсто сикуловъ или сикановъ. Таково именно заявленіе у Геллія ¹⁾ и Макробія ²⁾, какъ бы дающихъ понять, что они, высказывая это, движутся на почвѣ очень зыбкой и имъ неизвѣстной. Твердо стоитъ только преданіе о поселеніяхъ сикуловъ въ Лаціумѣ, гдѣ имъ основаны были будто бы извѣстные города и гдѣ указываются опредѣленно тѣ или другія мѣста ихъ поселеній.

Но рядомъ съ этимъ также твердо стоитъ и другое преданіе именно, что они, будучи изгнаны изъ Лаціума спустившимися съ Апеннинъ въ долину Тибра завоевателями, двинулись на югъ полуострова, но, вытѣсняемые и оттуда, рѣшили перебраться черезъ проливъ на о. Сицилію. Народъ, который выгналъ сикуловъ изъ Лаціума, былъ, по Діонисію, населявшіе Реатинскую область аборигены, вспомошествоваемые пелазгами ³⁾. Хотя преданіе объ изгнаніи сикуловъ аборигенами и находитъ себѣ нѣкоторую опору даже у Варрона ⁴⁾, но въ немъ очевидная путаница, вышедшая, какъ можно думать отъ стремленія помѣстить въ Лаціумъ аборигеновъ возможно раньше, по крайней мѣрѣ вслѣдъ за первыми его обитателями, которыми этимъ преданіемъ были признаны сикулы. Но аборигены, изгнавшіе сикуловъ, являются въ томъ-же преданіи народомъ, который и свои мѣста въ Реатинской области не занималъ, какъ indigenae, а долженъ былъ для этого изгнать оттуда Умбровъ ⁵⁾. Какіе же они были аборигены? Слѣдовательно, у Діонисія народъ, выбившій сикуловъ изъ долины Тибра, названъ невѣрно. У Верріа Флакка ⁶⁾ народъ этотъ названъ Sacrani, подъ именемъ которыхъ обыкновенно въ данномъ случаѣ разумѣютъ сабинянъ, которымъ между италійскими народами особенно былъ свойственъ обычай посвящать въ трудныхъ обстоятельствахъ богамъ „священную весну“ (veg sacrum) то-есть обычай, съ которымъ было соединено отправленіе молодежи извѣст-

¹⁾ N. A. I, 10, 1.

²⁾ Saturn. I, 5, 1; 7, 30.

³⁾ A. R. I, 9, 16, 20, 22.

⁴⁾ De l. L. V, 53: Palatium (dictum), quod Palatium Aborigines ex agro Reatino, qui appellatur Palatium, ibi consederunt.

⁵⁾ Dionys. I, 16.

⁶⁾ Feat. Sacrani (321 M.). Текстъ приведенъ выше. Къ приведеннымъ словамъ нужно прибавить слѣдующія за ними: nam vegere sacro patri erant.

наго возраста добывать себѣ съ оружіемъ въ рукахъ новыя мѣста для поселенія. Нужно замѣтить, что Діонисій ¹⁾ инициативу войны абorigеновъ съ сикулами также приписываетъ ихъ молодежи, посвященной богамъ въ священную весну. Но мы знаемъ, что сабиняне, хотя и были составною частью собственно римскаго населенія и оставались ближайшими сосѣдями Рима, никогда не занимали Лаціума, доставшагося еще въ доисторическое время въ удѣлъ латинскому племени, которое сумѣло отстоять свою территорию отъ упорныхъ покушеній на нее сабинянь точно такъ-же, какъ и отъ покушеній этрусковъ и вольсковъ. Какъ преданія объ изгнаніи сикуловъ изъ Лаціума были сбивчивы, доказываетъ еще заявленіе Сервія ²⁾, что сикулы были изгнаны лигурами. Этотъ совершенно новый элементъ преданія дополняется интереснымъ также по своей новизнѣ сообщеніемъ, что лигуры въ свою очередь были изгнаны сакранами, а уже эти послѣдніе абorigенами. Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ и вариантахъ преданія потому, что для нашего вопроса весьма небезъинтересно знать, кому сикулы должны были уступить свои владѣнія въ долину Тибра и Авіо. Съ разъясненіемъ этой задачи, въ нашихъ глазахъ нѣкоторымъ образомъ связано и разъясненіе занимающаго насъ вопроса о племенномъ происхожденіи самихъ сикуловъ. Но къ этому пункту нашего изслѣдованія мы еще не подошли. Намъ еще нужно прослѣдить до конца судьбу изгнанныхъ изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ въ Средней Италіи сикуловъ, по писателямъ.

Естественно предполагать, что какъ изгнаніе сикуловъ изъ Лаціума, такъ и странствованіе ихъ по Италіи къ южной оконечности полуострова не были событіями, совершившимися въ очень короткое время. Изъ городовъ и укрѣпленныхъ природою пунктовъ, какіе они занимали, они не могли быть выбиты сразу и, конечно, защищали свои очаги до тѣхъ поръ, пока у нихъ хватало на то силы. Но когда защищать свои поселенія въ Лаціумѣ сикуламъ не стало возможности, они, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго ³⁾, забравши съ собою женъ и дѣтей

¹⁾ I. 16.

²⁾ Ad. Aen. XI, 317: (Siculi) a Liguribus pulsati sunt, Ligures a Sacranis, Sacrani ab Aboriginibus.

³⁾ I, 22: Τέχνα καὶ γυναῖκες, καὶ χρημάτων ὅσα χρὸς ἢ ἀργυρὸς ἦν, ἀνασκευασάμενοι, μετέβησαν αὐτοῖς ἀπ'αὐτῆς τῆς γῆς.

и сколько было у нихъ золота и серебра, двинулись въ путь, оставивъ своимъ непріателямъ „всю землю“. Золото и серебро, которое забрали сикулы, принадлежить, безъ сомнѣнія, воображенію Діонисія или его источника, но едва ли также вѣроятно и то, чтобъ побѣжденные оставили свою землю всѣ до одинаго. Цѣлые народы не отправляются въ путешествіе, чтобъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Извѣстная и, можетъ быть, болѣе значительная часть побѣжденнаго народа остается на своихъ мѣстахъ частію вслѣдствіе хозяйственныхъ затрудненій, а главное—вслѣдствіе покоренія его непріателемъ. Побѣжденные и не покинувшіе своихъ очаговъ сикулы вѣроятно и составили ту часть населенія Лаціума, которая была обращена завоевателями этой страны въ крѣпостное состояніе, и изъ которой, какъ необходимо думать, образовался впоследствии классъ кліентовъ, игравшій такую важную роль въ римской хозяйственной, юридической, а отчасти и политической организаціи. Говоря это, мы какъ бы предупреждаемъ тотъ выводъ нашего изслѣдованія о сикулахъ, что побѣдителями сикуловъ было не какое другое племя, какъ латинское, и что побѣжденные въ Лаціумѣ сикулы и были тѣ аборигены, которыхъ нужно было латинянамъ покорить, прежде чѣмъ водвориться въ области, омываемой Тибромъ и Апіо въ ихъ нижнемъ теченіи. Но мы пока никакого вывода не дѣлаемъ, а только собираемъ данныя, которыя со временемъ должны насъ привести къ опредѣленному выводу о народѣ, одно время занимавшемъ Лаціумъ и принужденномъ оставить эту страну подъ напоромъ завоевателей съ сѣверо-востока. Діонисій далѣе говоритъ, что сикулы двинулись на югъ по гористымъ мѣстамъ и, прошедши всю нижнюю Италію, отовсюду прогоняемые, выстроили себѣ у пролива плоты (*συβίαις*) и дождавшись благополучнаго теченія, перенеслись на ближайшій островъ (то-есть, Сицілію). Шли-ли сикулы по гористымъ или по низменнымъ мѣстамъ, Діонисій этого, конечно, на самомъ дѣлѣ не зналъ, и было бы гораздо лучше, еслибъ онъ сообщилъ, съ какими народами сикулы сталкивались на пути къ Сицілійскому проливу. Онъ этого не сообщаетъ, но, приводя мнѣнія о сикулахъ греческихъ историковъ, указываетъ ¹⁾ на Гелланика, на Филиста сиракузскаго, на Антиоха сиракузскаго и на Фукидида, изъ которыхъ каждый, передавая фактъ прибытія сикуловъ изъ Италіи на о. Сицілію, освѣщаетъ его по своему. Такъ Гелланикъ считаетъ сикуловъ за одно съ авзонами, которыхъ

¹⁾ Ibid.

будто бы прогнали на Сицилію япиги, что произошло за три поколѣнія до троянской войны, въ двадцать шестой годъ жречества Алкіоны въ Аргосѣ. Филіастъ считаетъ перебравшихся на о. Сицилію сикуловъ лигурами, предводительствуемыми Сиколомъ, а лигуры, говоритъ онъ, были прогнаны изъ своей земли (въ данномъ случаѣ— изъ Лаціума) умбрами и пелазгами. Переселеніе въ Сицилію произошло, по его словамъ, въ восьмидесятомъ году до троянской войны. Антиохъ сиракузскій не сообщаетъ времени переселенія сикуловъ, но говоритъ, что они были прогнаны туда энотрами и опиками (то-есть осками). Наконецъ, Фукидидъ, какъ это до насъ дошло и въ собственномъ его сообщеніи ¹⁾, передаетъ, что сикулы удалились на о. Сицилію, убѣгая отъ опиковъ.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ у Діонисія свидѣтельствъ выходитъ, что сикулы на своемъ походѣ изъ Лаціума встрѣчались съ разными народами, которые не давали имъ поселиться у себя и прогоняли ихъ: съ япигами, съ опиками, съ энотрами. Япиги были иллирійское племя, очень рано занявшее юго-восточный уголъ южной Италіи, ту часть ея, которая въ римское время называлась Апуліей и далѣе къ югу Калабріей ²⁾. Ясное дѣло, что дойти до этихъ мѣстъ, прилегающихъ къ Адриатическому и Ионическому морямъ, сикуламъ нельзя было иначе, какъ проходя черезъ земли, обитавшіяся другими народами. Прямой и удобный путь къ югу для нихъ лежалъ черезъ Кампанію, непосредственно граничащую съ Лаціумомъ. Эта прекрасная и плодородная страна, въ которой была основана древнѣйшая изъ греческихъ колоній на Апеннинскомъ полуостровѣ (Кумы), была, конечно, обитаема съ незапамятныхъ временъ, но преданіе не знаетъ тамъ болѣе древняго народа, чѣмъ тотъ, который у грековъ называется опиками, а у римлянъ осками. Этотъ народъ, какъ мы видѣли, по сообщенію Антиоха сиракузскаго и Фукидида, и былъ тѣмъ народомъ, который прогналъ сикуловъ къ Сицилійскому проливу. Впрочемъ у Антиоха рядомъ съ осками называются, какъ враги сикуловъ, энотры. Но имя энотровъ не заключаетъ въ себѣ обозначенія какого

¹⁾ VI, 2. При этомъ нужно отмѣтить значительную неточность Діонисія въ передачѣ Фукидида относительно времени перехода сикуловъ черезъ Сицилійскій проливъ. Въ то время какъ, по Діонисію, Фукидидъ сообщаетъ, что это произошло „много лѣтъ спустя послѣ троянской войны“, самъ Фукидидъ заявляетъ, что это произошло почти за триста лѣтъ до прибытія грековъ въ Сицилію.

²⁾ Впоследствии, именно въ X вѣкѣ христіанской эры, названіе Калабріи было перенесено на юго-восточный уголъ Италіи.

либо дѣйствительнаго народа, не есть имя этнографическое, а есть, какъ это само собой бросается въ глаза, греческое названіе жителей юго-западнаго угла Италіи, данное имъ греками по странѣ вина (οἶνος), которую они назвали Энотріей (Οἰνώτρια) ¹⁾. Тотъ-же Антиохъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾ говоритъ, что страной, которая теперь называется Италіей (то-есть юго-западный уголь полуострова) въ старину обладали энотры, которые, когда ими управлялъ царь Италъ, стали называться италами, а когда ему наследовалъ Моргетъ, то — моргетами, когда же къ Моргету явился Сикулъ и основалъ тамъ свое особое царство, то управляемая имъ часть народа стала называться сиккулами. Свое разсужденіе объ этомъ Антиохъ заключилъ словами: „Такимъ образомъ стали сиккулами, моргетами и италами тѣ, которые были энотрами“. Изъ свидѣтельствъ Антиоха, слѣдовательно, такъ или иначе выходитъ, что сиккулы, слѣдуя изъ Лаціума къ югу, были встрѣчены въ Кампаніи враждебнымъ образомъ осками и, отброшенные ими въ юго-западный уголь полуострова, должны были выдерживать борьбу съ племенами, которыя у грековъ обозначались общимъ именемъ энотровъ. Эти послѣдніе заставили ихъ перебраться черезъ проливъ на островъ, получившій потомъ названіе Сициліи. Съ другой стороны нужно отмѣтить еще ссылку Страбона ³⁾ на такое мѣсто Антиоха, гдѣ онъ, говоря, что Кампанія обиталась опиками, прибавляетъ, что они-же назывались и авзонами. Авзонами называлъ жителей Кампаніи еще Гекатей, называющій, по цитатѣ у Свида ⁴⁾, Полу городомъ этого племени. Не безъ основанія думаютъ ⁵⁾, что авзоны есть греческая форма аврунковъ, имени народа, въ историческое время жившаго по нижнему теченію Лириса, на берегахъ Тирренскаго моря, между вольсками и осками; но въ древнѣйшее время авзоны, по указаніямъ греческихъ писателей были народомъ, занимавшимъ разныя мѣста нижней Италіи вплоть до южной оконечности юго-западнаго угла, обозначавшагося Греками общимъ именемъ Эн-

¹⁾ См. соображенія объ этомъ у Пауса въ его *Storia della Sicilia e della Magna Grecia*. Vol. I, 1894, p. 25—26.

²⁾ Dionys. I, 12; въ *Fragmenta histor. Graec.* Карл. и Теод. Мюллеровъ (*Parisii*, ed. Didot), I, p. 181, frgm. 3.

³⁾ Strab. V, p. 142 C. Въ *Fragment. hist. Graec.* p. 183, I, fr. 8: 'Αντιόχος μὲν οὖν φησὶ τὴν χώραν ταύτην Ὀπικόους οἰκῆσαι, τοὺτους δὲ λαὶ Ἀβζονας καλεῖσθαι.

⁴⁾ *Fragment. hist. Graec.*, I, p. 2, fr. 28.

⁵⁾ Такъ думалъ еще Нибуръ. См. *Röm. Geschichte*, p. 40 изд. въ одномъ томѣ (77—78 3-е изд. I части).

трии. Такъ, имъ принадлежали, по Страбону ¹⁾, Темса или Темеса. городъ съ мѣдными рудниками, упоминающійся еще Гомеромъ ²⁾; въ ихъ странѣ, позднѣйшемъ Бруттій, лежали Локры Эпизефирскіе, а по Діонисію Періэгету ³⁾, и самый Регій (Ρήγιον, Rhegium), главнѣйшая послѣ Кумъ Халкидская колонія въ Италіи. городъ, лежащій уже при Сицилійскомъ проливѣ, тоже является основаннымъ въ странѣ Авзоновъ ⁴⁾. Наконецъ, по Поливію и Страбону ⁵⁾, за которыми слѣдуетъ и Цинній Старшій ⁶⁾, само Сицилійское море (mare Siculum), какъ называлась часть Средиземнаго моря къ востоку отъ Сициліи, прежде называлось Авзонскимъ. Такимъ образомъ, по сохранившимся въ греческой литературѣ преданіямъ, которыя перешли отчасти и въ римскую, въ доисторическое время та часть южной Италіи, которая соотвѣтствуетъ нынѣшней Калабріи или древней странѣ Бруттіевъ, обиталась народомъ, носившимъ названіе авзоновъ. Такъ какъ авзоны—Auzones римскихъ писателей, и Антиохъ Сиракузскій (см. выше), а за нимъ и Аристотель ⁷⁾ считали опиковъ (осковъ) и авзоновъ за одинъ народъ ⁸⁾. то и выходитъ, что сикюлы, проходя изъ Лаціума черезъ Кампанію и затѣмъ Энотрію греческихъ писателей, имѣли дѣло въ сущности съ однимъ и тѣмъ же племенемъ. племенемъ италійскимъ, которое, будучи родственно изгнанному сикюловъ изъ Лаціума племени, не давало этимъ изгнанникамъ у себя

¹⁾ V, 255 C. Ἀυζώνων κτίσμα.

²⁾ Одысс. I, 184: ἐς Τερπέσσην μετα χαλκόν.

³⁾ Περ:ήγ. οἰκορρένης, v. 865.

⁴⁾ См. Diod. Sic. VIII, 52, 2.

⁵⁾ Plin. N. II. III, (10), 75: ultra Siciliam, quod est ad Sallentinos, Ausonium (mare) Polybina appellat. Strab. II, p. 123 128; VII, 324 C.

⁶⁾ N. H. III, 10 (15), 95: A Locris Italiae frons incipit Magna Graecia appellata, in tris sinus recedens Ausonii maris, quoniam Ausones tenuere primi (ed. Jan.)—Считаю нужнымъ замѣтить, что объ авзонахъ въ южной Италіи съ большою компетентностью говорить Плинь въ раньше упомянутомъ трудѣ: Storia della Sicilia e della Magna Grecia I, p. 31 — 34, трудѣ, который по этому вопросу былъ нашимъ руководителемъ.

⁷⁾ Polit VII, 9, 2—4: Ὀπίκοι τὴν ἐπωνομίαν Ἀύσονες κληθέντες.

⁸⁾ Похвиль у Страбона V, p. 232 C. видитъ въ опикахъ и авзонахъ два разныхъ народа, хотя они и жили на одной и той же землѣ у Кумскаго (нынѣ Неаполитанскаго) залива. Противъ этого мнѣнія знаменитаго греческаго историка рѣзко возставалъ еще Нибуръ (R. Gesch. I, p. 38 изд. въ одномъ томѣ, p. 73, 8-го изд.) но на него магче смотритъ Ниссенъ въ *Italische Landeskunde* I, 531, оправдывая заявленіе Поливія тѣмъ, что авзоны „ein besonderes Glied der Oskischen Familie gebildet haben“. Особенность авзоновъ въ осскомъ племени видѣлъ еще Аристотель (см. предыдущ. примѣч.).

пристанища, а старалось выжить ихъ изъ Италіи, чего и достигло, хотя остатки этого народа продолжали жить среди авзонскаго населенія еще долго въ историческое время. (Объ этихъ остаткахъ положительно говоритъ Фукидидъ ¹⁾, и о пребываніи ихъ въ мѣстности Эпизефирскихъ Локръ сохранилось живое преданіе еще ко времени Полювія, которому мѣстные жители сообщали ²⁾, какъ греческіе поселенцы, вышедшіе изъ Озольскихъ Локръ въ Авзонію и нашедшіе мѣстность у Эпизефирскаго мыса во владѣніи сикуловъ, провели этихъ послѣднихъ хитрою клятвою о вѣчной дружбѣ съ ними и при первомъ удобномъ случаѣ выпроводили ихъ вонъ.

Перебравшись въ главной своей массѣ на островъ, получившій, потомъ отъ нихъ свое имя, Сикулы не нашли его необитаемымъ. Тамъ жили сиканы, народъ, по заявленію Діонисія Галикарнасскаго ³⁾, поселившійся на этомъ островѣ не задолго раньше и прибывшій туда, какъ говоритъ тотъ-же историкъ, а раньше и опредѣленнѣе его Фукидидъ ⁴⁾, съ Иберійскаго полуострова. По имени этого народа, прибавляютъ указанные писатели, островъ, прежде называвшійся Тринакріей, сталъ называться Сиканіей. Съ этими сиканами новымъ пришельцамъ, какъ это и естественно предполагать, необходимо было выдержать борьбу. Такъ какъ Сицилія обращена къ оконечности Апеннинскаго полуострова сѣверо-восточною своею частью, то, понятно, что сикуламъ пришлось прежде всего здѣсь и встрѣтиться съ ихъ прежними обитателями. Они прогнали этихъ послѣднихъ на югъ и на западъ острова, завладѣвши такимъ образомъ наиболѣе плодородными его частями и сдѣлавшись главными его хозяевами, такъ что островъ, называвшійся прежде Сиканіей, сталъ называться по ихъ имени Сициліей, Σικελία отъ Σικελοί, какъ это ясно изъ греческихъ названій. Такъ намъ сообщаютъ главные изъ сохранившихся источниковъ—Фукидидъ въ началѣ 6-й книги (гл. 2) своей исторіи, гдѣ онъ даѣтъ описаніе и историческій очеркъ острова по поводу рѣше-

¹⁾ VI, 2: Εἰσὶ δὲ καὶ νῦν ἔτι ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Σικελοί.

²⁾ XII, 5—6.

³⁾ A. R., I, 22: κατεῖχον δ' αὐτὴν (νῆσον) Σικανοί, γένος Ἰβηρικόν, οὐ πολλῶ πρότερον συνοικισάμενοι Λίγυας φεύγοντες· καὶ παρεσκεύασαν ἀφ' αὐτῶν Σικανίαν κληθῆναι τὴν νῆσον, Τρινακρίαν πρῶτον ὀνομαζομένην, ἀπὸ τοῦ τριγώνου σχήματος.

⁴⁾ VI, 2: Σικανοὶ δὲ μετ' αὐτοῦς (послѣ киклоповъ и лестригоновъ) πρῶτοι φαίνονται ἐνοικισάμενοι, ὡς μὲν αὐτοὶ φασί, καὶ πρότερον διὰ τὸ αὐτοχθόνες εἶναι, ὡς δὲ ἡ ἀλήθεια εὐρίσκειται, Ἰβηρες ὄντες καὶ ἀπὸ τοῦ Σικανοῦ καταμοῦ τοῦ ἐν Ἰβηρίᾳ ὑπὸ Λίγυων ἀναστάντες. Καὶ ἀπ' αὐτῶν Σικανία τότε ἢ νῆσος ἐκαλεῖτο, πρότερον Τρινακρία καλουμένη· οἰκοῦσι δὲ ἔτι καὶ νῦν τὰ πρὸς ἑσπέραν τὴν Σικελίαν.

нiя лоннiяпъ покорить его, и Дiонисiй Галикарнасскiй въ I, 22 гл. разказывая о сикулахъ по поводу ихъ изгнанiя изъ Лациума абортгенами въ союзъ съ пелазгами. Оукидидъ при этомъ упоминаетъ и о баснословныхъ киклопахъ и лестригонахъ, которые, по сказанiямъ поэтовъ, населяли Сицилiю въ надревнiйшее время, и объ элимахъ, бывшихъ составною частью населенiя Сицилiи и въ историческое время и происходившихъ, по его словамъ, отъ троянцевъ, которые нашли здѣсь убѣжище послѣ взятiя и разрушенiя ахейцами Трон. Говорить, наконецъ и о финикiянахъ, которые будто бы также въ очень древнее время старались основаться на островѣ, пока, наконецъ, онъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ греческой колонизацiи. Но мы не пишемъ исторiи Сицилiи, а занимаемся сикулами и собственно ихъ происхожденiемъ. Поэтому для насъ изъ всѣхъ народностей, какъ населявшихъ Сицилiю до прихода туда сикуловъ, такъ и явившихся туда послѣ нихъ, важны только сиканы.

Что за народъ были эти сиканы, въ имени которыхъ такъ много сходнаго съ сикулами? Оукидидъ прямо и рѣшительно говоритъ, что они—Иберы (*Ἰβηρες ὄντες*) и были прогнаны съ мѣста своего прежняго жительства, именно отъ рѣки Сикана, что въ Иберiи, то-есть, въ Испанiи, лигурами. Это заявленiе великаго афинскаго историка въ его глазахъ есть настоящая правда о сиканахъ (*ὅς δὲ ἡ ἀλήθεια εὐρίσχεται*), которую онъ противопоставляетъ собственному мнѣнiю сикановъ, будто они первѣйшiе обитатели на этомъ островѣ и потому называютъ себя тамъ автохонами. Дiонисiй Галикарнасскiй съ такою же рѣшительностью называетъ сикановъ *γένος Ἰβηρικόν* и повторяетъ, какъ причину поселенiя ихъ на островѣ, то, что они были выгнаны съ прежнихъ мѣстъ поселенiя лигурами (*Δίχως φερόντες*). Дiонисiй повторяетъ о сиканахъ то, что онъ нашелъ въ литературѣ; но его заявленiе о происхожденiи сикановъ не было бы такъ рѣшительно, еслибъ у греческихъ писателей на этотъ счетъ было серьезное колебанiе. Дѣйствительно, у греческихъ историковъ иберiйское происхожденiе сикановъ было безспорнымъ фактомъ. Вслѣдъ за Оукидидомъ, главнѣйшимъ авторитетомъ греческой историографiи, историкомъ, который никогда не говоритъ на обумъ, совершенно въ томъ же родѣ высказывается сиракузскiй историкъ Филить (род. около 425 г. до Р. Хр.), цитуемый Дiодоромъ Сицилiйскимъ¹⁾. Пер-

¹⁾ Diod. Sic., V, 6 (Fragm. hist. Graec., I, p. 185, fr. 3; 193, fr. 2): Φιλίττος μὲν γὰρ φησὶν εἰς Ἰβηρίας αὐτοὺς ἀποικισθέντας κατοικῆσαι τὴν νῆσον, ἀπὸ τινὸς Σικανῶν ποταμοῦ κατ' Ἰβηρίαν ὄντος τελευχότας ταύτης τῆς προσηγορίας.

вымъ выразившимъ эту теорію о происхожденіи сакановъ былъ, по всей вѣроятности, древнѣйшій историкъ изъ сицилійцевъ, Антиохъ Сиракузскій, служившій въ томъ, что касается Сицилійской исторіи, источникомъ для Фукидида ¹⁾, его младшаго современника, историкъ, который свою исторію Сициліи, изданную имъ въ 9-ти книгахъ, началъ, по словамъ Діодора ²⁾ „съ Кокала, царя сикановъ“. Если впоследствии Тимей и наставлялъ на томъ, что сиканы—автохтоны Сициліи, упрекая при этомъ Филиста въ невѣжество ³⁾, то эта раздражительность тавроменійскаго историка, историческіе приемы котораго такъ жестоко порицаетъ Поливій, не поколебала установившагося мнѣнія. Его усвоили и римскіе писатели, какъ это видно изъ Силія Италика ⁴⁾. Конечно, тутъ много значилъ авторитетъ такого историка, какъ Фукидидъ, который говорилъ о сиканахъ, какъ о народѣ, еще въ его время сохранившемся въ Сициліи, поддерживая такимъ образомъ мнѣніе объ иберизмѣ этого племени какъ бы знаніемъ сходства ихъ съ иберами Пиринейскаго полуострова, что, повидимому, вытекаетъ также и изъ заявленія Филиста, видѣвшаго въ сицилійскихъ сиканахъ иберійскую колонію. О томъ, что древнѣйшее населеніе дали Сициліи иберы, говорилъ и такой старательный въ собраніи надежныхъ матеріаловъ историкъ, какъ Эфоръ, хотя онъ и не смѣшивалъ сикановъ съ иберами ⁵⁾. Объ иберійскомъ на-

¹⁾ О зависимости въ Сицилійской исторіи Фукидида отъ Антиоха Сиракузскаго говорилъ еще Нибуръ въ *Rom. Gesch.*, I, 28 (53) и затѣмъ доказывалъ эту зависимость на основаніи филологическихъ данныхъ Вельфлинъ въ своей диссертациіи „*Antiochos von Syracus und Coelius Antipater*“ (Winterthur, 1872) а за нимъ пошелъ и Бузольтъ въ *Griechische Geschichte*, I, p. 224; не разъ останавливается на ней въ своемъ 1-мъ томѣ „*Storia della Sicilia e della Magna Grecia*“ и Намъ (p. 24, прим. 2; p. 109), обѣщаясь подробнѣе говорить объ этомъ въ приложеніи, которое будетъ находится при 2-мъ томѣ и въ которомъ будетъ рѣчь объ источникахъ. Сдержанно говорятъ на эту тему Фриманъ въ своей „*Исторіи Сициліи*“, I, p. 398 нѣм. изданіи (Lpz., 1895), въ переводѣ Лупуса.

²⁾ *Diod.*, XII, 71.

³⁾ *Diod.*, V, 6. (*Fragm. hist. Graec.*, I, p. 185 и 193): Τίμαιος δὲ τὴν ἀγνοίαν τοῦτου τοῦ συγγραφέως (Филиста) ἐλέγξας, ἀκριβῶς ἀποφαίνεται αὐτὸχθονας εἶναι.

⁴⁾ XIV, 38 слд. гдѣ говорится о сиканахъ какъ о выходцахъ съ Пиринейскаго полуострова, *qui nomine ab antea adscitum patrio terrae imponere vocant*.

⁵⁾ *Strab.*, VI, p. 270 C. (*Fragm. hist. Graec.*, I, p. 246, fr. 51): Διατέλεσαν μέχρι δεῦρο Σικελοὶ καὶ Σικανοὶ καὶ Μόργγητες καὶ ἄλλοι τινὲς νεμόμενοι τὸν νῆσον, ὃν ἔσαν καὶ Ἰβήρες, ὅσπερ πρῶτους; φησὶν τῶν βαρβάρων Ἐφορος λέγεσθαι τῆς Σικελίας οἰκιστάς.

селеніи древнѣйшей Сициліи говорить и географическое описаніе, известное подъ именемъ Περίήγησις Скимна, приписывающее иберамъ и древнѣйшее названіе острова Тринакріей ¹⁾). Видно, что у греческихъ историковъ была сильная основанія выводить сикановъ съ Иберійскаго полуострова. Известную роль въ этихъ основаніяхъ играла рѣка Сиканъ въ Иберіи, при которой будто бы жили раньше сиканы. Гдѣ была именно эта рѣка на Припнейскомъ полуостровѣ, мы точно не знаемъ, но что она была тамъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Имѣя передъ глазами категорическое заявленіе о ней Фукидида и Филіста. О рѣкѣ этого названія въ Иберіи упоминаетъ еще, на основаніи какого источника—неизвестно, Стефанъ Византійскій, приурочивая ее къ слову Δηρά ²⁾). Важнѣе, впрочемъ, то его указаніе, гдѣ онъ, ссылаясь на Гекатея ³⁾, говоритъ объ иберійскомъ городѣ Сиканѣ, подъ словомъ Σικάνη. Существованіе города Сиканы на Иберійскомъ полуостровѣ, известнаго старѣйшему милетскому историку, можетъ подтверждать и существованіе тамъ рѣки, какъ существованіе города Гимеры въ Сициліи напоминаетъ о рѣкѣ, при которой онъ аходился и которой онъ обязанъ своимъ именемъ, или какъ страна Иберія и городъ Ибера свидѣтельствуютъ собой о рѣкѣ, которая на самомъ западномъ полуостровѣ Южной Европы дала имъ названіе. Рѣки древнѣе городовъ и народовъ, и названія, которыя онѣ разъ получили, обыкновенно переживаютъ не только существованіе городовъ, но и цѣлыхъ племенъ, которыя въ теченіе тысячелѣтій смѣняютъ одно другое въ известной мѣстности. Поэтому, когда говорится о рѣкѣ въ связи съ именемъ города, или народа, то мы естественно представляемъ себѣ эту рѣку, какъ основу именъ, съ нею связанныхъ. Переходя на новыя мѣста, народы перѣдко перелосютъ названія своихъ родныхъ мѣстностей въ новыя страны: такимъ

¹⁾ V. 264 слд.

ἐξῆς Σικελία νῆος εὐτοχεστάτη
ἦν τὸ πρότερον μὲν ἑτερόγλωσσα βάρβαρα
λέγουσι πλῆθη κατανέμεσθ' Ἰβηρικά,
διὰ τὴν ἑτερόπλευρον δὲ τῆς χώρας φύσιν
ὑπὸ τῶν Ἰβήρων Τρινακρίαν κλωμένην.

Изъ новыхъ слѣдователей исторіи Сициліи Фриманъ (lib. cit., p. 86 и 406 слд.) дѣйствительно приходитъ къ заключенію, что Тринакрія (=Тринакія) есть слово греческаго происхожденія.

²⁾ Δηρά γῆς Ἰβηρίας, ἣς ὁ Σικανὸς ποταμὸς.

³⁾ Σικάνη, πόλις Ἰβηρίας, ὡς Ἐκ. Εὐρ.

образомъ и рѣка Сиканъ является не только на Пиринейскомъ полуостровѣ, но и на Сициліи ¹⁾, и такъ, по мнѣнію Гейстербергка ²⁾. называлась именно Южная Гимера, въ чемъ согласны и нѣкоторые другіе новѣйшіе историки Сициліи ³⁾.

Вопросъ теперь въ томъ: гдѣ же текла рѣка Сиканъ на Иберійскомъ полуостровѣ? По соображеніямъ Гротефенда ⁴⁾, Сиканы наименоываютъ собою рѣку Секвану, нын. Сену, и Секвановъ, прилегавшихъ къ этой рѣкѣ при ея истокахъ. Вообще нужно замѣтить, что въ Германіи было одно время большое стремленіе приписывать кельтскому элементу важную роль въ образованіи италійской національности ⁵⁾: онъ былъ перенесенъ поэтому и на сиколовъ съ сиканами. Нѣкоторые, говоритъ Гольмъ ⁶⁾, думали избѣгнуть затрудненій, признавъ за Сиканъ Sicoris (нынѣ Сегре), притокъ Иберы (Эбро) съ лѣвой стороны. Мнѣніе это существовало еще въ древности, какъ видно изъ объясненія Сервія къ 328 стиху VIII книги *Энеиды*:

Tum manus Ausonia et gentes venero Sicanae ⁷⁾.

Но его рѣшительно оспариваетъ Паясъ ⁸⁾, принимая вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ ⁹⁾ за Сиканъ рѣку Сукронъ (Sugro), нынѣ Хукаръ. Основаніемъ для этого мнѣнія служитъ указаніе Авіена ¹⁰⁾ въ его не-

¹⁾ Steph. Byz. подъ словомъ Σικανία ἢ περίχωρος Ἀκραγαντίων καὶ ποταμὸς Σικανός, ὡς φησὶν Ἀπολλοδόωρος.

²⁾ Fragen der ältesten Geschichte Siciliens (Berlin, 1889), p. 27 слд.

³⁾ Такъ, напримѣръ, Паясъ „Storia“ etc., I, p. 87 и 93, гдѣ (въ прим. 4) приведены и свои соображенія по этому поводу. Но скептически относится къ существованію сицилійской рѣки Сикана Фриманъ въ „History of Sicily from the earliest times“ (Oxford, 1890—1892), I, въ нѣм. пер. Лууса (Lpz. 1895), p. 448, и совершенно отвергаетъ ее въ Италіи Гольмъ. См. его Storia della Sicilia nell' antichità, trad. dai professori Dal Lago e Graziadei, riveduta, corretta e aumentata dall' autore. Vol. I. (Torino, 1896), p. 132.

⁴⁾ Alt. Italien, II, p. 5.

⁵⁾ См. ссылки на Вахмута, Гротефенда, Клоца, Форбигера, Гераха и Бахофена, Геффера у Швергера, I, p. 210.

⁶⁾ Loc. cit.

⁷⁾ Sicani autem, secundum nonnullos, populi sunt Hispaniae, a fluvio Sicori dicti.

⁸⁾ Storia etc. I, p. 86.

⁹⁾ Deutsche Alterthumskunde (Berlin, 1890), I, 161 слд. Здѣсь вопросъ разбирается до мелочей.

¹⁰⁾ Rufi Festi Aveni carmina ed. Holder (Ad Aeni pontem, 1887), III, v. 479—480: Attollit inde se Sicana civitas, Propinquo ab amni sic vocata Hibericis.

риплѣ на рѣку Сиканъ и на *Sicana civitas* при описаніи восточнаго берега Пиринейскаго полуострова, берега, лежащаго противъ Питіузскихъ острововъ.

Такъ или иначе, изъ древнихъ свидѣтельствъ о сиканяхъ выходитъ, что народъ этого имени существовалъ еще въ историческое время въ Сициліи, и что народъ этотъ жилъ будто бы когда-то въ Испаніи, гдѣ была и рѣка Сиканъ, берега которой и были его мѣстопребываніемъ, предшествовавшимъ его переселенію на островъ Сицилію. Переселеніе же это, если оно когда-либо имѣло мѣсто,—въ чемъ есть серьезныя основанія сомнѣваться,—должно было произойти въ очень отдаленное время, отъ котораго у самихъ сицилійскихъ сикановъ не сохранилось никакого представленія, такъ какъ, по выше приведеннымъ словамъ Фукидида, они считали себя въ Сициліи автохтонами; да не сохранилось объ этомъ переселеніи и какихъ-либо преданій у другихъ народовъ, какія сохранились въ Италіи о сикулахъ. Говорится только у писателей, что будто ихъ прогнали отъ береговъ Сикана лигуры ὀπὸ Λιγύων ἀναστάντες (Фукидидъ), Λίγυας φερόυντες (Діонисій). Но это, очевидно, не преданіе, а неизвѣстно на чемъ основанное умозаключеніе Фукидида или его источника. Гдѣ, въ самомъ, дѣлѣ, могло возникнуть такое преданіе? Сами сиканы ничего такого не знали. Если же передавалось что-либо подобное лигурами въ Италіи, то у нихъ рѣчь могла идти развѣ объ изгнаніи сикановъ изъ Италіи, гдѣ лигуры были господствующимъ племенемъ до прибытія туда собственно италиковъ. Но пребываніе сикановъ въ Италіи также не имѣетъ для себя опоры въ какомъ-либо преданіи. Если же у латинскихъ писателей, какъ, напримѣръ, у Виргилія и даже у Плинія Старшаго ¹⁾ говорится о пребываніи сикановъ въ Лаціумѣ, то тутъ имя сикановъ или употребляется, какъ мы видѣли это раньше, въ замѣнъ сиколовъ, или же, по своей полной неопредѣленности, является пустымъ звукомъ, исчезающимъ безслѣдно, именно *sine vestigiis*, какъ Плиній выразился объ исчезновеніи изъ Лаціума 50 народовъ, къ которымъ онъ причислилъ и сикановъ, являющихся въ Лаціумѣ на самомъ дѣлѣ совершенно безпочвенными.

Но ясное дѣло, что такой темный вопросъ, какъ вопросъ о происхожденіи въ Сициліи сикановъ не можетъ быть рѣшенъ на основаніи древнихъ писателей. Приводятъ ли они намъ древнія преданія, или дѣлаютъ на основаніи новѣрки этихъ преданій личными наблю-

¹⁾ N. H. III, 5, 69.

деніями или свидѣтельствами географовъ и историковъ, свои заключенія, они не даютъ намъ доказательствъ, которыя были бы достаточны для того, чтобы мы такъ-же могли быть убѣждены въ происхожденіи сикановъ съ Пиринейскаго полуострова, какъ въ томъ были убѣждены Фукидидъ и Филістъ, или въ исконномъ ихъ пребываніи на островѣ Сициліи, какъ въ этомъ убѣжденъ былъ Тимей. Для насъ требуются еще другія данныя, другія доказательства, другія соображенія, чтобы получить ясность убѣжденія древнихъ писателей. Мы можемъ попытаться этихъ данныхъ, доказательствъ и соображеній поискать, поискать тамъ, гдѣ древніе писатели ихъ не искали: въ областяхъ филологіи, археологіи и даже антропологіи. Но это будетъ дальше, когда мы приступимъ къ рѣшенію вопроса объ этнологическомъ происхожденіи сикуловъ. А пока мы отмѣтимъ лишь, выставляемый почти всѣми древними писателями, затрогивавшими вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Сициліи, фактъ, что древнѣйшее населеніе этого острова составляли иберы, — признавали ли эти писатели, какъ Фукидидъ, Филістъ и ихъ послѣдователи, что этими иберами были сиканы, или они не смѣшивали иберовъ съ сиканами, какъ Страбонъ и его источникъ Эфоръ. Съ этимъ фактомъ связанъ, но не стоитъ съ нимъ въ противорѣчій вопросъ о томъ, были ли сиканы автохтоны на островѣ, какъ они сами о себѣ думали, или прибыли туда съ Пиринейскаго полуострова, какъ объ этомъ обыкновенно говорилось въ греческой и римской литературахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ они могли быть иберами, т. е. принадлежать къ тому-же племени, которое дало въ глубочайшей древности населеніе Пиринейскому полуострову. Замѣтимъ, однако, мимоходомъ, что прибытіе на островъ Сицилію иберовъ съ Пиринейскаго полуострова мало вѣроятно, но что все-таки иберы могли поселиться на Сициліи еще раньше чѣмъ ихъ соплеменники очутились на самомъ западномъ полуостровѣ Европы.

Теперь обратимся къ сикуламъ.

Итакъ сикулы, изгнанные изъ Лаціума, не нашедшіе себѣ пріюта у опиковъ и авзоновъ въ странѣ, которая назъвалась потомъ Кампаніей, и все болѣе и болѣе отгѣсняемые къ югу, не могли уѣхать прочно и въ юго-западномъ углу полуострова, который назывался въ древнѣйшее время Энотріей, и должны были, въ главной своей массѣ, перебраться черезъ проливъ на островъ, гдѣ и уѣлись, отодвинувъ прежнихъ жителей, сикановъ, на западъ и югъ называвшагося по ихъ имени острова. Обстоятельство, что сикулы ни въ одномъ

изъ италійскихъ народовъ, сдѣлавшихся обладателями Апеннинскаго полуострова подъ именемъ умбровъ, латинянъ, осковъ и другихъ вѣтвей италійскаго племени, не нашли себѣ поддержки, а были всюду изгоняемы, служить нѣкоторымъ указаніемъ на то, что они не были народомъ, родственнымъ вторгшимся на Апеннинскій полуостровъ и распространившимся на немъ „италикамъ“. Какъ-то сама собою навязывается картина, что въ очень далекое время, когда италійское племя еще не переходило Апеннинъ, а оставалось въ сѣверной Италіи, населяя съ своими свайными постройками долину По, жило на нѣжемъ Тибрѣ съ его притоками, отъ моря по Апеннинъ, племя, называвшееся Сикулами. Оно имѣло тамъ, если не города, то укрѣпленныя мѣста, по возвышенностямъ римскихъ холмовъ, албанскихъ и сабинскихъ горъ, владѣя и берегомъ Тирренскаго моря отъ Тибра до Лириса. Но вотъ на нихъ стали надвигаться непріатели съ сѣверо-восточныхъ сосѣднихъ Апеннинъ, гдѣ уже засѣлъ центръ крѣпкаго племени, начавшаго распространяться на югъ къ востоку и западу, и стали вытѣснять прожнихъ жителей изъ ихъ предѣловъ. Преслѣдуемый народъ послѣ долгаго сопротивленія бросаетъ насиженныя мѣста и ищетъ новыхъ мѣстъ для поселенія. Но разныя отрасли италійскаго племени, часть котораго стремилась отнять у Сикуловъ Лаціумъ, уже успѣли распространиться по Италіи. Сикуламъ пришлось биться въ равнинахъ Кампаніи, и въ горахъ Энотріи съ непріателемъ, который, занимая полуостровъ, естественно покорялъ или вытѣснялъ племена, раньше поселившіяся. Сикулы были настолько многочисленны, чтобъ выдержать тяжелую борьбу и не довести себя до истребленія; но оставаться въ Италіи, какъ самостоятельная община, не могли: новая раса, прорвавшаяся съ сѣвера черезъ Апеннины, твердо стояла за свое господство надъ страной, и разъ выбитый изъ своихъ предѣловъ народъ могъ быть или истребленъ, или покоренъ, или же долженъ былъ удалиться въ другія страны. Жившія въ восточномъ углу полуострова племена иллирійской вѣтви—лиги и мессаны удержали свои мѣста противъ натиска сабельской вѣтви италиковъ и только впослѣдствіи подпали владычеству сначала греческихъ колоній, а потомъ римлянъ, какъ долгое время сохраняли за собою свою стародавнюю территорію сѣверо-италійскіе лигуры, мѣста которыхъ къ сѣверу отъ По уже въ историческое время стали занимать Галлы, и которые въ Приморскихъ Альпахъ отстаивали свою независимость еще въ первый вѣкъ Имперіи. Но центральнымъ инородцамъ, каковы были Сикулы, древнѣйшіе обитатели Лаціума,—ино-

родцамъ, очутившимся со всѣхъ сторонъ во враждебномъ лагерѣ, среди племени, проявлявшаго въ ту эпоху подъ давленіемъ еще не выясненныхъ причинъ ¹⁾ всю завоевательную энергію, пришлось испытать другую судьбу. Мы сказали: *иностранцамъ*. Значить, Сикулы не принадлежали къ латинскому племени?

Да, мы пришли къ заключенію, что не принадлежали и что, скорѣе всего, они были Лигуры. Лигурами ихъ считали нѣкоторые и въ древности. Такъ о нихъ положительно говорилъ Филістъ ²⁾, именно что перебравшійся въ Сицилію народъ были Лигуры, предводительствуемые Сикуломъ. Мнѣніе это раздѣлялъ потомъ Силій-Италикъ. Въ связи съ этимъ стоятъ тѣ свидѣтельства, по которымъ народъ, изгнанный изъ Лаціума, были Лигуры. Таково именно у Феста раньше уже приведенное нами заявленіе: *Sacranī appellati sunt Reate ortī, qui ex Septimontio Ligures Siculosque exegerunt*. Хотя въ этомъ заявленіи, извлеченнымъ изъ Верріа Флакка, лигуры стоятъ какъ нѣчто особое отъ сикуловъ, но очевидно, что тутъ простое недоразумѣніе, происшедшее отъ неудачнаго формулированія преданія. Преданіе говорило, что было время, когда римская территория находилась въ рукахъ лигуровъ, стародавнихъ обитателей разныхъ мѣстъ полуострова въ эпоху, предшествовавшую населенію италиковъ. Другое болѣе опредѣленное преданіе говорило, что эти стародавніе обитатели римской территоріи и Лаціума, прогнанные выходцами изъ реатинской области, назывались сикулами. У Верріа Флакка, или, быть можетъ, у его сократителя Феста, вмѣсто одного народа явились два. Какая путаница была у позднихъ писателей по

¹⁾ По всей вѣроятности, оно двигалось подъ напоромъ новаго племени, нагвагнаго на него съ сѣвера, каковы Гельбингъ (*Italiker in der Poebene*, p. 99) нарасно считаетъ Этрусковъ, такъ какъ ихъ прибытіе въ Италію, относимое къ 9—10 вв. до Р. Хр., не можетъ совпадать съ періодомъ расселенія италійскаго племени по Апеннинскому полуострову, которое во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать задолго до начала перваго тысячелѣтія до Р. Хр. См. между прочимъ мою статью (отрывокъ изъ публичной лекціи) „Образованіе римской расы“ и проч. въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1896, май, стр. 3 слд., въ которой впрочемъ я еще не прочь былъ считать Сикуловъ за отрасль италійскаго племени. Племя, подъ напоромъ котораго двигались италики, было скорѣе всего Венеты, какъ это раньше высказалъ фонъ-Дунъ въ статьѣ „Ueber die archäologische Durchforschung Italiens innerhalb der letzteren acht Jahre“ въ *Neue Heidelberger Jahrbücher*, VI (1896), p. 32.

²⁾ Strab. VI, 2, 4 (p. 270 C.): Ἴβηρες, ὁμοῦ καὶ πρώτους φησὶν τῶν βαρβάρων Ἐφορος λέγειναι τῆς Σικελίας οἰκιστάς.

отношенію къ преданію о древнѣйшихъ обитателяхъ Лаціума, всего лучше показываетъ примѣчаніе Сервія къ 317 стиху XI кн. Энеиды: *Siculi.. a Ligurtibus pulsi sunt, Ligures a Sacranis, Sacrani ab Aboriginibus*. Здѣсь аборигены Лаціума, которыми у Варрона¹⁾ и Діонисія²⁾ именно и называются выходцы изъ Реатинской области въ священную весну, (*sacranis*), предпринявшіе изгнаніе сикуловъ, являются народомъ, прогнаннымъ изъ Лаціума сакрановъ. Но и въ этой путаницѣ все-таки удержана черта преданія, что народъ, прогнанный сакранами изъ Реатинской области, были лигуры (*Ligures a Sacranis*). Объ ихъ пребываніи въ Лаціумѣ Діонисій³⁾ говоритъ еще въ повѣствованіи о временахъ посвѣщенія этихъ мѣстъ Геркулесомъ, но онъ-же въ другомъ мѣстѣ⁴⁾ заявляетъ, что древнѣйшими обитателями римской территоріи считаются никто другой, какъ сикулы, ἔθνος αἰθιγενές. Такимъ образомъ преданіе о лигурійскомъ происхожденіи сикуловъ коренилось въ древности очень глубоко, хотя оно и не вылилось въ такія отчетливыя формы, какъ преданіе объ иберизмѣ сикановъ.

Но само собой разумѣется, что въ такихъ вопросахъ, какъ принадлежность того или другаго исчезнушаго въ древности народа къ той или другой расѣ, преданіе значитъ немного, если нѣтъ болѣе вѣскихъ данныхъ въ его подтвержденіе. Поэтому нечего удивляться, что историки и филологи держатся обыкновенно другаго мнѣнія о происхожденіи сикуловъ. Были между ними такіе⁵⁾, которые считали сикуловъ кельтами; были такіе⁶⁾, которые причисляли ихъ къ нелазгамъ: но обыкновенное мнѣніе то, что сикулы народъ одного корня съ латинянами, осками, умбрами, т. е. съ народами собственно такъ называемой италійской расы, и даже чуть-ли не одно съ латинянами. Въ своей прекрасной диссертациі „Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи“ (С.-Петербургъ, 1865), О. О. Соколовъ, разбирая вопросъ о племенной принадлежности сикуловъ, говоритъ (стр. 70): „сикулы принадлежатъ къ древней италійской расѣ вмѣстѣ съ латинами, сабинами, самнитами, осками. Это мнѣ кажется неопровержимымъ“. Нѣтъ ничего удиви-

¹⁾ De L. L., V, 58.

²⁾ A. R. I, 22.

³⁾ I, 40.

⁴⁾ I, 9.

⁵⁾ Вахомуть, Гротевендъ, Клодъ, Форбигеръ и въ послѣднее время D'Arbois de Jubainville.

⁶⁾ Нибуръ, Отфр. Мюллеръ, Шёманъ, Абенкъ.

тельнаго, что слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ рѣшалъ такимъ положительнымъ тономъ столь темный вопросъ молодой русской ученый, хотя и тогда или раньше болѣе осторожные люди (изъ представителей этой теоріи), какъ, на примѣръ, Шwegler¹⁾, высказывались съ гораздо меньшею рѣшительностью, считали эту точку зрѣнія лишь „относительно наиболѣе вѣроятною“. Удивительно то, что даже въ наши дни, когда данныя для рѣшенія этого вопроса необыкновенно увеличились, ближайшее родство сикуловъ съ латинянами провозглашается какъ наиболѣе вѣрное рѣшеніе задачи, относящейся къ ихъ происхожденію. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ историковъ Сициліи нашего времени, значеніе котораго въ этой области нѣкоторые ставятъ наравнѣ съ тѣмъ, какое имѣетъ Mommsenъ въ римской исторіи и Курциусъ въ греческой, бывший палермскій профессоръ Адольфъ Гольмъ, даже въ недавно вышедшемъ итальянскомъ изданіи своей „Исторіи Сициліи въ древности“, въ которомъ переводчиками указываются и изумительные результаты археологическихъ раскопокъ на островѣ, считаетъ возможнымъ утверждать²⁾, что сикулы были „по племени родственны римлянамъ“, что они были „италійской расы и по языку, и тѣсно родственны оскамъ и латинамъ“. Но еще рѣшительнѣе на эту точку зрѣнія становится Эдуардъ Фриманъ, гениальный авторъ „Исторіи Сициліи съ древнѣйшихъ временъ“³⁾ труда, неоконченнаго въ задуманныхъ авторомъ размѣрахъ, но писаннаго съ величайшею любовію и съ самою строгою тщательностью и восхитительно изложеннаго. Опираясь единственно на остатки такъ называемаго языка сикуловъ, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, онъ прямо считаетъ сикуловъ латинскимъ народомъ не только въ широкомъ, но и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. „Отъ ихъ языка“, говоритъ онъ, дошло до насъ немного; мы не обладаемъ никакими сикельскими книгами, никакими навѣрное сикельскими надписями; но въ нашихъ рукахъ находятся сикельскія слова, до того ослзательно латинскія, что едва-ли требуется приводить на то длинныя доказательства. Народъ, назвавшій рѣку по причинѣ холодности ея воды *Геласъ*, не позволяетъ относительно своего племеннаго родства находиться въ сомнѣніи.

¹⁾ Römische Geschichte. I, 211.

²⁾ Storia della Sicilia nell'antichità переведенная съ нѣмецкаго профессоромъ Даль-Лаго и Граціаден, пересмотрѣнная, исправленная и увеличенная авторомъ. I, (Torino, 1896), p. 144.

³⁾ The history of Sicily etc. (1890—1892), переведени на нѣм. языкъ Бериг. Лупусомъ, I, p. 107 (нѣм. изд.).

Ближайшимъ отношеніемъ италійскихъ сикеловъ къ латинянамъ, которымъ принадлежали тридцать городовъ, или къ римлянамъ, которые удержали за собой палатинскій холмъ въ борьбѣ съ этрусками и сабинянами, менѣе должна заниматься сицилійская, чѣмъ италійская исторія. Для насъ достаточно установить, что они были отпрыскомъ обще-италійскаго корня, что они принадлежали тому-же общему племени, какому принадлежали обитатели Рима и Тускула, словомъ, что они въ широкомъ смыслѣ слова были латинскій народъ¹⁾. Нѣсколько далѣе Фриманъ выражаетъ съ еще большею настойчивостью свое убѣжденіе въ латинскомъ происхожденіи сиколовъ. Онъ говоритъ: „если мы вообще можемъ чему нибудь вѣрить, что не стоитъ точно записаннымъ въ современныхъ лѣтописяхъ, то мы имѣемъ сильнѣйшія основанія для вѣры, что сикелы были италійскій народъ, даже латинскій народъ, который по всей вѣроятности былъ на этомъ островѣ первымъ пионеромъ арійскаго населенія. Они сохранили здѣсь характеръ латинскаго народа, нарѣчіе латинскаго языка, пока распространеніе греческаго завоеванія и греческаго вліянія мирнымъ путемъ не перевело ихъ шагъ за шагомъ, какъ усыновленныхъ членовъ, въ кругъ эллинизма“. По пятамъ за Фриманомъ слѣдуетъ Жоржъ Перро въ недавней своей статьѣ подъ заглавіемъ „Un peuple oublié, les Sikèles“²⁾. Въ статьѣ этой, умно, живо и талантливо написанной, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера дѣятельнаго члена парижской академіи надисей, поражаетъ то, что авторъ, такъ прославившійся споей „Исторіей искусства въ древности“³⁾ и такъ привыкшій двигаться на археологической почвѣ, совсѣмъ упустилъ изъ виду данныя, ему хорошо извѣстныя, и предпочелъ путь рѣшенія вопроса, достаточно уже избитый, но въ настоящее время небезопасный. Фриманъ, который такъ хорошо изучилъ древнюю литературу и такъ близко освоился съ топографіей Сициліи и съ тѣмъ, что находится на ея поверхности, совсѣмъ не считался съ раскопками некрополей древнихъ сиколовъ, предоставившими въ руки науки непосредствен-

¹⁾ Вопросомъ о происхожденіи сиколовъ Фриманъ подробнѣе занимается въ IV приложеніи къ I тому, гдѣ онъ входитъ и въ дальнѣйшій разборъ вопроса о племенномъ отношеніи сиколовъ къ сиканамъ, которыхъ онъ рѣшительно считаетъ иберами. Въ этомъ же приложеніи онъ занимается и разборомъ остатковъ языка сиколовъ (стр. 431 слд. нѣм. изд.).

²⁾ *Revue des deux mondes*, 1 Juin, 1897, p. 598.

³⁾ *Histoire de l'art dans l'antiquité*, par G. Perrot et Ch. Chipier (вышло 6 томовъ).

ныя данныя объ этомъ вопросѣ, о какихъ до послѣдняго времени и не думали. Правда, его исторія писалась тогда, когда эти данныя были или еще очень скудны, или только-что стали разрабатываться; но Перро былъ посвященъ въ археологическія работы въ Сицилію послѣднихъ лѣтъ непосредственно и даже сообщаетъ результаты раскопокъ Орея въ своей статьѣ съ свойственнымъ ему искусствомъ, и все-таки въ вопросѣ объ этническомъ происхожденіи сикуловъ онъ не пошелъ дальше того, что множество разъ было говорено другими. Онъ позволялъ себѣ даже отдѣлаться отъ него съ легкостью, недостаточною своей репутациі. Заявивъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, что сикулы пришли на островъ Сицилію изъ Италіи, что они, по свидѣтельству греческихъ и римскихъ писателей, „играли роль въ исторіи первоначальнаго Лаціума“, онъ заключаетъ: *Il paraît donc certain, que les Sikèles, comme toutes les autres tribus (?) qui ont peuplé l'Italie, sont de race aryenne, et l'on est fondé à les croire très étroitement apparentés aux Latins. Nombreux (?) sont les indices, qui donnent à cette conjecture un haut degré de vraisemblance. Il serait trop long de les énumérer; nous n'en citerons qu'un, qui est significatif* (р. 598). За этимъ слѣдуетъ указаніе употреблявшихся въ языкѣ сицилійскихъ грековъ словъ, общихъ съ латинскими, съ ссылкой на Фримана. У автора, видите-ли, есть *многочисленные* доказательства его теоріи, но ихъ было бы слишкомъ долго перечислять, и потому онъ приводитъ только *одно*. Право, это напоминаетъ одно мѣсто изъ Цяптовой комедіи, гдѣ весьма не почтенное лицо, на которомъ сосредоточивается комизмъ пьесы, на вопросъ объ его имени заявляетъ, что у него столько именъ, что еслибъ онъ сталъ ихъ съ утра перечислять, то не кончилъ бы до вечера ¹⁾. Нѣтъ, никакихъ другихъ доказательствъ въ пользу общности происхожденія сикуловъ съ латинянами или вообще съ италикками, кромѣ приведенныхъ авторомъ не имѣется. Все же остальное или не говорить ничего въ пользу этой общности, или говорить прямо противъ нея. Именно все дальнѣйшее продолженіе статьи самого г. Перро, начиная съ того пункта, гдѣ онъ вступилъ на археологическую почву, до конца (рр. 608—632), есть самое прямое опроверженіе теоріи общ-

¹⁾ *Триниттис*, дѣйствіе IV, сд. 2, ст. 884—886. Безъ сомнѣнія, мы употребляемъ это не совсемъ вѣжливое сравненіе, не думая причинить оскорбленіе ученому, имя и заслуги котораго слишкомъ важны и громки, чтобы мы могли относиться къ нему иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

ности происхожденія сикуловъ съ латинянами. Эпоха, къ которой принадлежатъ древнѣйшіе могильники сикуловъ, культура, въ нихъ открываемая, погребальныя обычаи и могильная обстановка—все это отъ начала до конца можетъ говорить о чемъ угодно, только не о родствѣ населенія этихъ могильниковъ съ могильниками латинскаго или другаго италійскаго племени.

Въ самомъ дѣлѣ, забудемъ на время тѣ разворѣчивыя и сбивчивыя сообщенія, какія мы находимъ о сикулахъ у древнихъ писателей, и обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя намъ оставилъ о себѣ самъ этотъ народъ на мѣстахъ своего жительства, на островѣ его имени, данныя, не выдуманныя, не искаженныя передачей и толкованіями, а подлинныя и дошедшія до насъ непосредственно.

II. Данныя археологическія.

Передъ нашими глазами книга: „Quattro anni di esplorazioni Sicule nella provincia di Siracusa“ (1880—93). Парма, 1894. Книга эта есть не что иное, какъ переплетъ вмѣстѣ оттисковъ статей, помѣщавшихся въ совершенно неизвѣстномъ у насъ и не находящемся ни въ одной петербургской библіотекѣ, но очень важномъ для этнологовъ и археологовъ журналѣ Пигорини *Bullettino di Paletnologia Italiana*, на который мнѣ такъ часто приходилось ссылаться въ своихъ статьяхъ за послѣдніе годы. Авторъ этихъ статей, Паоло Орси, директоръ археологическаго музея въ Сиракузѣ или, по древнему, въ Сиракузахъ. Хотя археологическія раскопки въ Сициліи дѣлались и раньше, но слабо, не систематично, такъ что ихъ нельзя ставить ни въ какое сравненіе по энергіи, а отсюда и по результатамъ съ раскопками, произведенными въ послѣднюю четверть столѣтія въ центрѣ и на сѣверѣ Апеннинскаго полуострова. Наиболѣ крупнымъ трудомъ за этотъ предыдущій періодъ времени въ области доисторической археологии Сициліи является работа нѣмецкаго антрополога Адриана „Praehistorische Studien aus Sicilien“ (Berlin, 1878) ¹⁾, въ которой, кромѣ собственныхъ изысканій автора, соединены результаты предыдущихъ раскопокъ и изслѣдованій. Эти раскопки и изысканія, направленные главнымъ образомъ на пещеры сѣверной и сѣверо-западной части Сициліи (въ окрестностяхъ Чефалѹ, Термини, Палермо, Карини и др.), но также и на находящіяся въ серединѣ острова, по ту и другую сторону Ги-

¹⁾ Помѣщена была работа въ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1878.

меры (Виллафрате, Каммарата, Кальтанисетта и др.), и на югъ его (Седжа, Модика) и на Липарскихъ островахъ, выяснили, что Сицилія была обитаема съ наидревнѣйшаго времени, что первоначальное население ея было троглодитское, то-есть обитало въ естественныхъ пещерахъ, что оно питалось охотой, рыбой и особенно моллюсками, что, далѣе, отъ неолитическаго періода остались слѣды многочисленнаго населенія, которое употребляло каменные орудія, въ обдѣлкѣ которыхъ уступало таковымъ же орудіямъ, находящимся въ дольменахъ средней Европы, и сосуды, которые своимъ орнаментомъ превосходили сосуды каменнаго вѣка за Альпами, что вообще культура, на которой стояло это населеніе, и могильная обстановка, которая больше всего свидѣтельствуетъ объ этой культурѣ, имѣетъ ближайшее сродство съ неолитическою культурой острова Сардиніи, Балеарскихъ острововъ а также и Лигурійскихъ пещеръ и поселеній, такъ называемыхъ *fondi di saranne*, наконецъ—Пиринейскаго полуострова и южной Франціи. Общее заключеніе, къ которому пришли на основаніи добытыхъ къ восьмидесятымъ годамъ данныхъ, было то, что первоначальное населеніе Сициліи составляли Иберы, какъ впрочемъ думали и древніе, даже независимо отъ мнѣнія о происхожденіи сикановъ съ Иберійскаго (Пиринейскаго) полуострова ¹⁾. Но всѣ эти выводы были сдѣланы изъ данныхъ, собранныхъ безъ плана и системы. Орси первый повелъ дѣло археологическихъ изысканій строго систематически, стараясь обследовать одинъ за другимъ пещерные могильники вокругъ Сиракузъ и изучить добытый тамъ богатый матеріалъ точнымъ археологическимъ методомъ, слѣдя за постепенными измѣненіями этого матеріала, указывавшими на стороннія вліянія, и выясняя такимъ образомъ одну за другою эпохи жизни обитавшаго въ этихъ мѣстахъ населенія.

То былъ, конечно, случай, что, принявшись за археологическія изысканія въ окрестностяхъ Сиракузъ, онъ своевременно попалъ на

---

¹⁾ Изъ статьи г. Жоржа Перро можно заключить, что до Каваллари, который въ 1877 г. обнародовалъ свой мемуаръ „*Opere di escavazioni anteriori ai Greci in Sicilia*“ (въ *Archivio storico Siciliano*), и отчета, обнародованнаго въ 1880 г. г. Салинасомъ въ *Notizie degli scavi*, о раскопкахъ въ могильникахъ Нарко и Каначи, къ западу отъ Палермо, какъ бы не было археологическихъ изслѣдованій о первобытныхъ обитателяхъ Сициліи. Но это невѣрно, да и самъ Перро едва-ли думалъ это сказать, говоря, что Каваллари и Салинасъ „*ont eu les premiers le merite*“ предпринять рядъ изслѣдованій о до-исторической эпохѣ своего отечества (р. 809).

мѣстность, археологическій матеріалъ которой представлялъ наибольшую древность. Но это случайность была счастливая, давшая возможность выяснить преимущество культуры этихъ мѣстъ съ той самой поры человѣческаго существованія въ Сициліи, къ которой относятся самыя первыя поселенія на островѣ, о какихъ только сохранилась память до образованія греческихъ на немъ колоній. Коринскіе греки, подъ предводительствомъ Архіи, заняли въ 734 г. до Р. Хр. островъ Ортигію, прогнавши оттуда сикуловъ, чѣмъ и было положено основаніе Сиракузамъ. Такъ говоритъ Фукидидъ, приступая къ исторіи греческихъ поселеній на Сициліи ¹⁾, изъ которыхъ Сиракузы были второю по времени. Такимъ образомъ греки отняли для постройки Сиракузъ территорію отъ сикуловъ. Но сикулы не были первобытными жителями на островѣ. Имъ, какъ мы знаемъ, предшествовали сиканы, которыхъ они, по словамъ того-же Фукидида ²⁾, отгѣснили въ южныя и западныя части острова, и сами, какъ это было и естественно, заняли восточную его половину, которая всего ближе къ Италіи, отдѣляясь отъ нея лишь Мессипскимъ проливомъ, и въ которую они прежде всего вторглись, когда переплыли на плотахъ (преданіе, отмѣченное Фукидидомъ) съ полуострова на островъ. Съ этого момента до прибытія грековъ восточный берегъ Сициліи и находился во владѣніи сикуловъ. Археологическіе памятники, предшествующіе греческимъ колоніямъ, слѣдовательно, и должны принадлежать народу, который обиталъ въ тѣхъ мѣстахъ непрерывно въ продолженіе многихъ столѣтій, пока не былъ отгѣсненъ отъ берега греческими колонистами. Но и народъ, который предшествовалъ въ тѣхъ же мѣстахъ самимъ сикуламъ, то-есть сиканы, также могъ оставить слѣды своего пребыванія. Случай, какъ раньше было сказано, навелъ Орси на слѣды этого первобытнаго населенія, называлось ли оно сиканами или иначе, все равно, но это было населеніе, культура котораго была мало похожа на культуру сикуловъ, какъ эта послѣдняя открывается намъ въ ихъ древнѣйшихъ могильникахъ, и обличаетъ ясныя точки соприкосновенія съ культурою дольменовъ Пиринейскаго полуострова и южной Франціи.

Археологическая станція неолитическаго періода, о которой идетъ рѣчь, называется Стентинелло, мѣстность по берегу моря къ сѣверу отъ верхнихъ Сиракузъ, въ двухъ километрахъ отъ таможенной

---

¹⁾ VI, 3.

²⁾ VI, 2.

станціи Стентино. Статьей о Стентинелло, съ приложеніемъ трехъ таблицъ съ фототипическими снимками образцовъ найденныхъ тамъ архаическихъ предметовъ и начинается необыкновенно богатая данными о доисторической жизни Сициліи книга Орси.

На мѣстѣ, которое было здѣсь занято населеніемъ неолитической эпохи, а въ особенности въ двухъ рвахъ, служившихъ мѣстомъ для его отбросовъ, найдены въ жирномъ черноземѣ кости животныхъ разсѣченныя вдоль, конечно для извлеченія оттуда мозжечка, обработанные или полуобработанные кремни, нѣсколько сломанныхъ базальтовыхъ топоровъ и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ огромное множество глиняныхъ осколковъ древнѣйшаго типа; значить тутъ хранились остатки пищи и промышленности когда-то существовавшего въ этихъ мѣстахъ населенія. Пищей его служили моллюски, отчасти рыба, остатокъ которой былъ также найденъ, но въ большой степени также и домашнія животныя, по костямъ и черепамъ которыхъ, изслѣдованнымъ пармскимъ профессоромъ Стробелемъ, можно было между ними съ достовѣрностью признать козу (*hircus aegagrus*), барана (*ovis aries*), быка малой (*bos brachyceros Rüttimeyer*) и большой расы (*bos taurus, bos primigenius*), свинью малой расы (*sus palustris Rüttimeyer*). Въ числѣ домашнихъ животныхъ была и собака двухъ видовъ, меньшаго (*canis Spaletti, Strobel*) и большаго (*canis palustris Rüttimeyer*). Никакихъ слѣдовъ дикихъ животныхъ среди съѣстныхъ отбросовъ въ раскопанномъ районѣ не нашлось. Да, по всей вѣроятности, первобытныи обитатель этихъ мѣстъ и не былъ охотникомъ. У него не было никакихъ потребныхъ для этого орудій: ни стрѣлъ, ни наконечниковъ копій и дротиковъ, никакихъ другихъ подобныхъ орудій, обыкновенно встрѣчающихся въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ мѣстахъ поселеній неолитической эпохи на материкѣ. Всѣ его орудія состояли изъ кремневыхъ ножей и отчасти изъ базальтоваго топора, которымъ онъ могъ защищаться отъ враговъ или дикихъ звѣрей, но который не годится для охоты. Наконецъ обломокъ чего-то похожаго на ручную мельницу изъ лавы вогнуто-выпуклой формы говорить, повидимому, объ употребленіи въ пищу и растертыхъ зеренъ, хотя, какъ вѣрно замѣчаетъ Орси, недостаточенъ для признанія этого человѣка земледѣльцемъ. Мельница такого рода могла ему служить для растиранія какихъ-нибудь дикихъ зеренъ или ягодъ, какъ это признано относительно другихъ станцій неолитической эпохи. Отсутствие разнообразія каменныхъ орудій и обладаніе почти исключительно кремневымъ ножомъ естественно приводятъ къ мысли, что

человѣкъ Стентинелло жилъ раньше, чѣмъ стали въ Сициліи дѣлаться искусственныя пещеры или гроты, въ которыхъ погребались трупы предшествовавшаго греческимъ колоніямъ населенія, то-есть, сиккуловъ. Онъ жилъ тутъ въ шалашахъ на поверхности земли, какъ можно судить потому, что вблизи этого населенія нѣтъ не только искусственныхъ, но и натуральныхъ гротовъ.

Культура первобытнаго обитателя Стентинелло была очень низка, ниже обыкновенной культуры неолитической эпохи въ южной и средней Европѣ во всемъ томъ, что касается орудій защиты, нападенія и добыванія средствъ къ существованію. Но этого нельзя сказать о керамикѣ и приложенныхъ къ ней художественныхъ способностяхъ человѣка. Тутъ обитатели Стентинелло обнаружили и разнообразіе формъ, и разнообразіе орнамента, какого нельзя было бы ожидать отъ обладателя столь несовершенныхъ орудій въ другихъ отношеніяхъ. У нихъ даже глиняная масса и ея приготовленіе (хорошее знаніе пропорцій примѣсей) отличалась рѣдкимъ для того времени совершенствомъ, чѣмъ достигалась замѣчательная прочность издѣлій, осколки которыхъ превосходно противостояли вліянію дождей и морской воды въ продолженіе тысячелѣтій. И въ обжиганіи глиняныхъ издѣлій обитатели Стентинелло были въ своемъ родѣ замѣчательные мастера, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности предполагать у нихъ существованія гончарной печи, какъ это ясно доказывается неоднобразнымъ обжигомъ разныхъ сторонъ сосуда, происходящимъ видимо отъ подверганія его дѣйствию открытаго огня. Они умѣли, кромѣ того, настолько отшлифовать сосудъ, что онъ иногда получалъ блескъ, похожій на поливъ. Какъ просты были геометрическіе орнаменты сосудовъ въ видѣ прямыхъ линій, отдѣльныхъ ли одна отъ другой, какъ это чаще всего, или связанныхъ между собою и образующихъ пятиугольники или ромбы, ломанныя линіи и въ исключительныхъ случаяхъ даже волнообразныя, или, наконецъ, въ видѣ маленькихъ сегментарныхъ кружковъ, во всякомъ случаѣ первобытные горшечники Стентинелло обнаруживали особый вкусъ къ изящному и умѣнье комбинировать декоративные элементы, какое рѣдко встрѣчается на этой степени неолитической культуры. Но что еще болѣе удивительно, это—попытки этихъ первобытныхъ обитателей восточнаго берега Сициліи къ пластикѣ,—къ изображенію фигуръ животныхъ, а можетъ быть и человѣка. Такія попытки столь необыкновенны для неолитическаго періода вообще и въ частности для того періода въ Италіи, что можно указать едва на два, на три случая подобныхъ находокъ,

и что для того, чтобъ имъ найти параллель, нужно обращаться къ *первому* городу на мѣстѣ Трои (у Шлимана, *Πίος*, p. 259), гдѣ былъ найденъ грубый образчикъ человѣческихъ фигуръ періода каменныхъ орудій, и къ гроту Карвайльгаль въ Испаніи¹⁾; да кромѣ того Орси указываетъ на два экземпляра въ атласѣ Морелли (тогда еще не появившемся въ свѣтъ), которые были найдены въ *Agene Candide* и облачаютъ большое сродство съ троянскими (уже втораго города), которые, какъ основательно замѣчаетъ Орси, „стоятъ во главѣ антропоморфическихъ созданій пластики“. Такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ въ керамикѣ искусственныхъ сицилійскихъ пещеръ (гrotto) и такъ какъ формы и орнаментировка сосудовъ также всецѣло различна отъ формъ и орнаментовъ керамики этихъ пещеръ, обличая между тѣмъ аналогію съ дольменами Португаліи, французскихъ Альпъ, Пиринеевъ, и Прованса, то Орси заявляетъ, что эта связь формъ и орнаментовъ съ вѣд-сицилійскими странами указываетъ на связь этническую, на распространеніе по всѣмъ этимъ мѣстамъ одной и той-же вѣтви рода человѣческаго, что неоднократно высказывалъ раньше Пигорини²⁾, на котораго Орси въ данномъ случаѣ опирается, и на что особенно, только въ болѣе широкомъ масштабѣ, напираетъ теперь Серджи, извѣстный римскій антропологъ, о теоріи котораго мы будемъ говорить ниже. Въ отличіе отъ той расы сицилійскаго населенія, которая содержитъ тамъ искусственные гроты, и въ которой по разнымъ основаніямъ надо видѣть сиколовъ, Орси считаетъ столь отличное отъ нихъ по своей керамикѣ населеніе Стентинелло иберо-лигурійскимъ, родственнымъ населеніямъ, создавшимъ южно-европейскіе дольмены.

Остатки неолитической эпохи, найденные въ мѣстности Стентинелло, такъ важны для вопроса о древнѣйшихъ обитателяхъ Сициліи, что на нихъ, какъ и на изслѣдованіи ихъ, сдѣланномъ Орси, нужно

¹⁾ См. у Картамалка въ „*Agos préhistoriques de l'Espagne et du Portugal*“, p. 118.

²⁾ Въ данномъ случаѣ Орси ссылается лишь на статью Пигорини въ его *Bullettino di paleontologia italiana* 1882. Тотъ-же взглядъ, именно, что сходство въ разныхъ особенностяхъ сосудовъ, находимыхъ на островахъ Сардиніи и Сициліи, съ сосудами дольменовъ и погребальныхъ гротовъ южной Франціи, Португаліи и пр. указываетъ не только на единство культуры, но и на единство этническое, на иберовъ, которые были обитателями всѣхъ этихъ странъ, Пигорини развиваетъ въ *Atti академіи Линчеевъ* 1881—1882. (*Transunti*. vol. VI, p. 166 слд.) въ замѣткѣ „*Sulle tombe eiazioni di famiglie Iberiche esistenti in Italia* и затѣмъ въ *Rendiconti* той же академіи, vol. III, 1887, p. 296, въ статьѣ „*Antichità Ibero-Liguri dell' età neolitica, scoperte nelle provincia di Brescia*“.

было бы остановиться дольше и изложить дѣло подробнѣе, если бы это не отклоняло насъ отъ нашей прямой задачи—отысканія народности сикуловъ. Въ данномъ случаѣ можно удовольствоваться тѣмъ выводомъ, что населеніе, которое предшествовало сикуламъ на островѣ Сициліи и по твердо стоящему у древнихъ писателей преданію называется сиканами, было неоднородно съ сикулами, такъ какъ памятники жизни, оставленные этими послѣдними, обличаютъ не только другой археологическій слой, какъ принято въ подобныхъ случаяхъ выражаться, то-есть другой періодъ времени, но и другія типическія особенности, не стоящія ни въ какой органической связи съ тѣмъ, что оставлено сиканами (будемъ такъ называть населеніе, оставившее намъ столь интересныя отбросы въ мѣстности Стентинелло, такъ какъ это самое вѣроятное предположеніе въ данномъ случаѣ). О связи же этихъ сикановъ,—или того сицилійскаго населенія, которое предшествовало населенію сикуловъ и было отодвинуто этими послѣдними отъ восточнаго берега Сициліи,—съ „италиками“, то-есть, съ умбросабелло-латинскимъ племенемъ, не можетъ быть никакой рѣчи уже потому, что ландшафтнѣйшія поселенія италиковъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, къ которымъ относятся ихъ постройки въ терремарахъ долины По, всецѣло принадлежать бронзовой эпохѣ, тогда какъ, копаясь въ отбросахъ, оставленныхъ намъ древнѣйшимъ населеніемъ Стентинелло, мы находимся въ полной глубинѣ каменнаго вѣка, который обитателями терремаръ былъ пережитъ гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, а не въ южной Европѣ.

Но и древнѣйшіе остатки культуры сикуловъ, то-есть, того населенія, съ которымъ пришлось грекамъ прежде всего придти въ столкновение, также гораздо древнѣе той культуры, какую италики имѣли еще раньше своего перехода черезъ Апеннины. Эти древнѣйшіе остатки культуры сикуловъ вводятъ насъ хотя также въ эпоху еще каменныхъ орудій, но зато въ такой ея періодъ, когда въ нее уже начинаютъ проникать и бронзовыя орудія, хотя бы въ самомъ маломъ количествѣ, хотя бы только въ видѣ исключенія. Такую эпоху Орси, безъ сомнѣнія, имѣлъ право назвать *неолитическою*, то-есть, мѣдно- или бронзо-каменною. Эпоха эта принадлежитъ въ Сициліи народу, который умѣлъ строить искусственныя пещеры, а въ нихъ устраивать погребальныя камеры для своихъ усопшихъ. Предметы, которые характеризуютъ жизнь этого народа и найдены почти исключительно въ этихъ пещерахъ или гротахъ рядомъ съ костяками покойниковъ, трупы которыхъ, помѣщавшіеся въ устроенныхъ для того камерахъ.

клялись часто въ скорченномъ видѣ¹⁾, что въ свою очередь, заставляють думать о томъ, что они прежде погребенія скальпировались и клялись уже въ видѣ скелетовъ. Древнѣйшіе пещерные могильники такого рода въ окрестностяхъ Сиракузъ представляетъ горная мѣстность близъ Мелилли, къ сѣверо-западу отъ Сиракузъ, на которой стоялъ сикульскій городъ Гибла, повелитель котораго по имени Гиблонъ, позволилъ грекамъ изъ Мегары основать на ближайшемъ морскомъ берегу городъ, получившій названіе Мегары Гиблейской²⁾. А между разными могильниками Мелилли наиболѣе типическимъ по устройству могилъ и ихъ архаическому характеру представляется тотъ, который находится въ мѣстности, называемой Бернардина. Онъ былъ тщательнѣйшимъ образомъ обследованъ Орси, который и далъ отчетъ объ этомъ въ *Bullettino di palenologia Italiana* 1891 (май—июль) въ статьѣ подъ заглавіемъ „La Necropoli Sicula di Melilli (Siracusa)“³⁾. Почти на одинаковой степени стоитъ и представляеть съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ наибольшее сходство также хорошо и подробно изслѣдованный имъ некрополь въ Кастеллуччо. Въ этихъ двухъ некрополяхъ, разработанныхъ систематически, Орси и видитъ наиболѣе древній моментъ сикульской культуры. Мы поневолѣ должны согласиться съ нимъ, такъ какъ болѣе древняго фазиса этой культуры до сихъ поръ нигдѣ не найдено.

Этотъ древнѣйшій, извѣстный намъ, фазисъ культуры сикуловъ характеризуется прежде всего устройствомъ самихъ пещерныхъ могилъ. Типъ этихъ могилъ, устроенныхъ въ известковомъ камнѣ юго-восточныхъ горъ Сициліи въ общемъ одинъ и тотъ же: передъ вырытой въ стѣнѣ горы могилой съ печеобразнымъ отверстіемъ (a forno), нѣчто въ родѣ прихожей, закрытой снаружи камнемъ, входъ въ могильную камеру также закрытъ плитой, играющей роль двери; камера круглой или эллиптической формы со сводомъ; въ числѣ сосудовъ всегда есть большой для воды, въ которой нуждался покойникъ для утоленія жажды, и горшки для пищи; затѣмъ вещи, служившія для занятій покойника (ножи, скребки, лошिला и т. п.), или бывшія его любимыми, или служившія для его укра-

¹⁾ Обычай этотъ встрѣчается въ неолитической эпохѣ и въ другихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ южно-русскихъ кургановъ. См. статью Анучина *Могилы* въ *Энцикл. Словарь* Брокгауза и Ефрона (т. XIX, стр. 578).

²⁾ Thucid., VI, 4.

шенія. Но само собой разумѣется, что какъ самыя могильныя камеры, ихъ устройство такъ, и ихъ обстановка видоизмѣнялись вмѣстѣ съ прогрессомъ, съ увеличеніемъ культуры. При исключительномъ употребленіи каменныхъ орудій могильныя камеры устраивались и ниже, и тѣснѣе, входная дверь меньше, а съ періодомъ употребленія металлическихъ (бронзовыхъ и, наконецъ, желѣзныхъ) орудій помѣщенія для покойниковъ устраивались выше и удобнѣе, круглая форма (соотвѣтствовавшая формѣ древнѣйшаго жилища) уступала мѣсто все болѣе и болѣе квадратной (какую принимали жилища). То же слѣдуетъ сказать и о погребальной утвари: сосуды грубой работы, изъ дурно приготовленной глины, сдѣланные отъ руки, обожженные на вольномъ огнѣ, съ развитіемъ культуры, съ установленіемъ внѣшнихъ сношеній, становились изящнѣе по отдѣлкѣ, разнообразнѣе по формѣ, прочнѣе по матеріалу, орудія разнообразнѣе, украшенія цѣннѣе. Но при всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ, дающихъ намъ возможность прослѣдить ходъ культуры этихъ мѣстъ вплоть до вліянія греческихъ колоній, сикульскія пещерныя могилы сохраняли свой основной характеръ, характеръ могилъ одного и того же народа, того замога, который мы теперь изучаемъ, чтобы опредѣлить его этнологію или по крайней мѣрѣ выяснитъ его этническое отношеніе къ италійскому племени.

Орсен изслѣдовалъ тридцать пять пещерныхъ могилъ подлѣ Бернардинны, подробно ихъ описалъ и приложилъ къ описанію три таблицы, въ одной изъ которыхъ представилъ формы могилъ съ ихъ измѣненіями въ высоту, длину и ширину, а въ двухъ другихъ—найденную тамъ обстановку изъ сосудовъ, орудій и украшеній. Своды этихъ могилъ такъ низки, что наибольшая высота, въ нихъ встречающаяся, 90 сантиметровъ, такъ что для того, чтобы войти туда человекъ долженъ былъ ползти, а помѣстительность могильныхъ камеръ такъ мала, что діаметры ихъ въ среднемъ были менѣе полутора метровъ въ длину и ширину (отъ 0,92 до 2,00). Это не мѣшало имъ содержать трехъ и болѣе покойниковъ въ скорченномъ положеніи. Почти всѣ эти могилы были уже обшарены, повидимому, еще въ древности; но такъ какъ скелеты, кремневая орудія и грубые, а перфѣдко и битые сосуды никому не были нужны, то такого рода находкамъ предоставлялось могильными ворами оставаться въ прежнемъ положеніи до скончанія вѣка. И онѣ остались на мѣстѣ до девяностыхъ годовъ нашего столѣтія, покрытыя иломъ, который образовался изъ приносимой просачивающеюся водою земли, а не-

рѣдко и отбросами позднѣйшаго времени. На днѣ этихъ болѣе или менѣе засыпанныхъ могилъ находились разбросанные кругомъ покойника разные предметы, больше въ видѣ осколковъ или обломковъ, но не мало и цѣльныхъ или такихъ, порча которыхъ не вредила сохранности ихъ формы. Такимъ образомъ передъ нами: большіе сосуды съ одной и съ двумя ручками, маленькіе питейные сосуды, всѣ дурной выдѣлки, кремневые ножи, иногда превосходной выдѣлки, просверленные камни, раковины, зубы животныхъ для пошенія въ видѣ украшеній или въ видѣ амулетовъ, иногда бронзовыя спирали и нити для поддержанія извѣстной прически волосъ, бронзовыя или каменные зерна для ожерелья и т. п. Присутствіе бронзовыхъ издѣлій оказалось именно въ той двойной могилѣ, которая по видимымъ признакамъ оставалась до сихъ поръ не тронутою чужими руками и если тронутою, то лишь отчасти. Но это даетъ основаніе предполагать, что таковыя же или подобныя предметы находились и въ другихъ могилахъ или погребальныхъ камерахъ, и слѣдовательно, культура сикуловъ уже въ самую древнюю пору ихъ пребыванія на островѣ не была вполнѣ неолитическою, а дѣйствительно энеолитическою, какъ ее называетъ Орси, но такую, куда бронзовыя издѣлія входили въ видѣ роскоши и украшеній, а не сдѣлались еще потребностью обыденной жизни. Слѣдовательно, сикулы, пришедши на островъ, только прикоснулись къ бронзовой культурѣ, но не успѣли еще свыкнуться съ нею. Обстоятельство это для насъ очень важно, и мы отмѣчаемъ его съ удареніемъ, какъ такое, которое даетъ намъ возможность сдѣлать весьма серьезное соображеніе касательно ихъ столкновеній въ доисторическій періодъ. Но принося съ собой на о. Сицилію слѣды соприкосновенія съ бронзовою культурою, они въ то же время являются представителями древней неолитической культуры. Типъ ихъ древнѣйшихъ могилъ, какъ замѣчаетъ Орси, имѣетъ аналогію съ древнѣйшими могилами на о. Сардиніи, на о. Пьянозѣ, на о. Критѣ, въ Греціи, на берегахъ Малой Азіи. Керамика ихъ очень плохой выдѣлки и далеко уступаютъ керамикѣ болѣе древнихъ, чѣмъ они, обитателей Стептинелло, но нѣкоторыя формы ихъ сосудовъ, какъ напримѣръ; кубки съ съ двумя высокими ручками (что, соотвѣтствуетъ *δέπας ἀμφόκελλον* ¹⁾ Гомера), и даже шарообразный сосудъ, названный у Орси *la pisside*, а равнио и

¹⁾ См. объ этомъ сосудѣ у Гельбига въ „Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Leipzig, 1884, p. 260 сд. Ср. Шамманъ, Мукенае (Leipzig, 1878), fig. 339.

грушевидная вазочка, изображенія которой онъ не даетъ, ведутъ насъ за аналогіями въ Микены или Трою ¹⁾, а такія, какъ кубокъ съ двумя ручками, указываютъ на прямую связь съ микенскою культурой. На прямую или косвенную связь съ троянской культурой указываетъ, по Орси, и форма бронзовой спирали, и каменный привѣсокъ изъ кальцита, тождественные по формѣ и матеріалу ²⁾. Обстоятельства эти, по нашему мнѣнію, имѣютъ также большую важность, когда рѣчь идетъ о пародѣ, происхождение котораго нужно отыскивать. Важность эта тѣмъ значительнѣе, что ни одинъ изъ найденныхъ въ меллильскомъ некрополѣ предметовъ не указываетъ на какую бы то ни было торговлю съ греками или съ финиکیянами. Орси дѣлаетъ отсюда заключеніе, что культура, представляемая этимъ некрополемъ, заставляетъ отнести его далеко во второе тысячелѣтіе до Р. Хр., заключеніе естественное и законное, но едва-ли единственное, какое можетъ до нѣкоторой степени вытекать изъ приобретенныхъ тутъ данныхъ, или, по крайней мѣрѣ, готовится ими.

Что Гибла была для сиколовъ въ горахъ къ сѣверу отъ Сиракузъ, то Неэтъ (Νεάϊτον, Νέητον у Птолема), впоследствии Ното, былъ въ горахъ къ югу, между рѣками Анапо и Телларо. Это были ихъ горныя цитадели, мѣста, укрѣпленныя самою природою, и вмѣстѣ съ тѣмъ центры ихъ поселеній. Въ такихъ мѣстахъ естественно ожидать слѣдовъ исторіи древнихъ обитателей, и ихъ дѣйствительно не мало. Какъ въ горахъ кругомъ Меллили (древняя Гибла) находится много нещербныхъ могилъ, напоминающихъ своимъ входомъ печное отверстіе (tombe a forno), такъ въ горахъ, близкихъ къ Ното, ихъ еще больше. Вотъ въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, принадлежащемъ маркизу Коррадо дель Кастеллуччо и называющемся по имени владѣльца, въ долину Сава della Signora, Орси насчиталъ до 200 погребальныхъ пещеръ, вырытыхъ въ горахъ на подобіе тѣхъ, какія мы видѣли около Меллили. Этотъ некрополь оказался такой же или почти такой же древности, какъ и некрополь меллильскій. Но онъ важенъ тѣмъ, что лучше сохранился, хотя, конечно, и онъ не ускользнулъ отъ вниманія любителей могильной добычи еще во времена классической древности и, какъ предполагаетъ самъ Орси, быть можетъ еще во времена археологическія, и продолжалъ расхищаться до самаго послѣдняго времени. Многіе предметы, тамъ найденные, съ одной стороны до-

¹⁾ См., напр., у Шлимана, Ilios (Leipzig. 1881), fig. 44.

²⁾ Шлиманъ, Ilios, fig. 710.

полняютъ, съ другой подтверждаютъ то, что оставили сиккулы первой стадіи энеолитическаго періода въ горахъ Гиблейскихъ. Орси описалъ его въ *Bullettino di paletnologia italiana*, 1892 г. (pp. 1—84), въ статьѣ „La necropoli Sicula di Castelluccio (Siracusa)“.

Въ Сиракузскомъ музеѣ еще до систематическихъ личныхъ изслѣдованій Орси уже находились изъ Cava della Signora интересныя вещи. Орси отмѣчаетъ изъ каменныхъ орудій между прочимъ большой базальтовый топоръ (135 мм. длины, 100 мм. ширины) типа, который встрѣчается довольно часто къ концу неолитической эпохи въ южныхъ провинціяхъ Италіи, и 60 кремневыхъ ножей также длинныхъ; изъ бронзовыхъ издѣлій — два ножевыхъ клинка въ формахъ, встрѣчающихся среди микенскихъ орудій и въ terremарахъ и, что было новостью для изслѣдователя сиккульскихъ могилъ, особый видъ издѣлій изъ костей трубчатой формы съ рельефнымъ узоромъ изъ кружковъ вдоль всей вещи, внутри которыхъ идутъ иногда новые узоры или въ видѣ звѣздочекъ, или завитковъ и другихъ фигурокъ, и съ рѣшетчатою насѣчкой по сторонамъ: работа тонкая и неожиданная въ этомъ археологическомъ слоѣ, лишенномъ годныхъ для нея металлическихъ орудій, такъ что Орси не повѣрилъ бы подлинности находки, еслибъ не встрѣтилъ самъ такихъ-же предметовъ въ одной нетронутой могилѣ. Онъ, конечно, съ полнымъ основаніемъ считаетъ такого рода издѣлія привозными; но едва ли онъ правъ, такъ смѣло приписывая ихъ ввозу финикіянамъ ¹⁾. О финикійской торговлѣ вообще въ это отдаленное время, примѣрно за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр., мы ничего не знаемъ: тѣмъ болѣе трудно допустить ее для этой эпохи относительно Сициліи. Но несомнѣнно господство въ отдаленную пору въ Средиземномъ морѣ микенской торговли, которая, какъ это въ одной замѣткѣ ²⁾ отмѣчаетъ и самъ Орси, ссылаясь на отчетъ о раскопкахъ Флиндерса Петри въ Египтѣ, привозила

¹⁾ Abbiamo quindi davanti un articolo d' importazione orientale che risale certo ai primi e più remoti commerci dei Fenici sulle coste dell' isola; la semplicità dello stile, che è ancora il puro e semplice stile geometrico, conferma quest' alta antichità“ (Bullett. 1893, p. 25). Но даже Гельбигъ говоритъ не съ увѣренностью о финикійскомъ происхожденіи этихъ костяныхъ издѣлій въ своемъ походѣ за финикіянь, въ трактатѣ „Sur la question Mycénienne“. (Par. 1896), p. 67. Впоследствии и самъ Орси въ статьѣ о Фаусѣ въ *Monumenti Antichi*, IV, высказалъ взгляды, не совсѣмъ согласныя съ мнѣніемъ о столь раннемъ вліяніи финикійской торговли на о. Сицилію.

²⁾ См. въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1891, p. 174—177 его статью: „Ancora sulla fibula a Micene e nelle terremare“.

туда издѣлія микенской культуры въ гораздо болѣе отдаленное время. Во всякомъ случаѣ, какъ это замѣчаетъ и Орси, единственная мѣстность, гдѣ были находимы такія же издѣлія изъ костей, есть Троя (2-й городъ) ¹⁾. Наконецъ, въ числѣ находившихся въ Сиракузскомъ музеѣ предметовъ изъ Cava della Signora были и глиняные сосуды. Они, какъ и сосуды изъ Меллини, были сдѣланы изъ другой пасты, плохо обдѣланы и обожжены, но, какъ и тамъ, со слѣдами грубой болшею частью землянистаго тона раскраски полосами по красному кирпичнаго цвѣта. Что касается до формъ, то и онѣ соотвѣтствуютъ прежде отмѣченнымъ. Были между ними экземпляры той же гомеровской чаши съ двумя ушками (*δέκας ἀμφικόκαλλον*), кубки или кружки съ однимъ длиннымъ ухомъ, шарообразный горшокъ и т. п. Систематическія раскопки, сдѣланныя самимъ Орси въ Кастеллуччо, не только подтвердили принадлежность означенныхъ предметовъ этимъ мѣстамъ, но и дали новыя вещи. Къ такимъ надо отнести видъ янтаря, употреблявшагося для бусъ, оказавшійся по химическимъ изслѣдованіямъ ²⁾ скорѣе суррогатомъ янтаря, чѣмъ настоящимъ янтаремъ. Къ новымъ предметамъ относятся также нѣкоторыя бронзовыя издѣлія очень тонкой выдѣлки, какова, напримѣръ, вещичка похожая на коромысло отъ вѣсовъ (*un giogo di bilancia*), отмѣченная Орси на таблицѣ V подъ № 7, съ такъ хорошо обрѣзанными краями, что присутствіе ея въ могилѣ среди каменныхъ орудій было бы невѣроятно, еслибы Орси самъ не нашелъ ее въ могилѣ, до него не тронутой (*tomba vergine*). Воцъ, очевидно, привозналъ, какъ и тамъ же найденныя четыре тончайшихъ пластинки неизвѣстнаго назначенія, такъ какъ подобнаяковка металла была для механическихъ средствъ сикуловъ той отдаленной эпохи совершенно недостижима. Далѣе—сосуды изъ хорошей глины, выдѣланные на гончарномъ станкѣ и хорошо обожженные, съ орнаментами греческаго геометрическаго стиля, сосуды, находимость которыхъ среди каменныхъ орудій, напримѣръ, рядомъ съ базальтовымъ топоромъ, какъ та ваза, что отмѣчена на таблицѣ III, 1, 3, невольно поражаетъ ³⁾, хотя самая могила видимо

¹⁾ Шлимманъ, *Ilion*, fig. 564—565 (франц. изд.).

²⁾ Впрочемъ химическія изслѣдованія, сдѣланныя докторомъ Остеромъ въ Ахейѣ, не рѣшили вопроса о качествѣ и происхожденіи этихъ янтарныхъ зеренъ окончательно. См. у Орси прим. 22 на стр. 19.

³⁾ Здѣсь идущія по ясному фону темныя ливія и концентрическіе кружки соединены съ зооморфическими изображеніями (утки). Не мѣшаетъ отмѣтить, что могила была уже обшарена чуждой рукой.

принадлежить не къ древнѣйшему періоду энеолитической эпохи. Вообще въ керамикѣ могилы Кастеллуччо доставили болѣе разнообразныхъ формъ, обнаруживающихъ связь съ троянско-микенскими издѣліями. Но особою новостью является появленіе скульптуры на двухъ камняхъ, закрывавшихъ входъ въ могилу. Скульптура эта груба, но она указываетъ, во-первыхъ, на стремленіе къ декоративному искусству, появившееся, очевидно, вслѣдствіе уже прочно завязанныхъ сношеній съ культурными народами, а во-вторыхъ, уже на развитіе обычая пользоваться металлическими инструментами. Эти двойныя спирали, изъ которыхъ состоятъ барельефы указанныхъ камней, представляютъ явное подражаніе микенской скульптурѣ на могильныхъ плитахъ (стелахъ) въ микенскомъ акрополѣ¹⁾. Новое свидѣтельство усиливающагося микенскаго вліянія. Понятно, что въ могилѣ, къ которой относится одна изъ этихъ плитъ съ спиральными барельефами и которая была переполнена скелетами (числомъ 17), были обломки глиняныхъ сосудовъ, уже сдѣланныхъ на гончарномъ кругу, хотя тамъ же было не мало кремневыхъ клинковъ. Наконецъ, въ этой же могилѣ, вообще богатой количествомъ найденныхъ предметовъ, оказался изъ темнаго стекла пробуранный цилиндръ, который точь въ точь похожъ на подобные же цилиндры, найденные Шлиманомъ на микенскомъ акрополѣ въ первой могилѣ²⁾.

Мы не пойдемъ дальше въ разборѣ данныхъ, добытыхъ Орси въ очень интересномъ некрополѣ Кастеллуччо. Интересенъ этотъ сиккульскій некрополь тѣмъ, что онъ, начавшись съ отдаленнѣйшаго времени, соответствующаго археологическому слою некрополя Меллиди, представляетъ не мало данныхъ послѣдовательнаго развитія сиккульской культуры, отъ первыхъ начатковъ энеолитическаго вѣка до вліянія въ керамикѣ греческаго геометрическаго стиля, вліяніе на островъ котораго непосредственно предшествовало образованію на немъ греческихъ колоній. Но въ сущности этотъ некрополь очень древній, и Орси не безъ основанія причисляетъ его къ первому періоду „образованности“ сиккуловъ. Самая форма его могилъ, очень распространенная въ Сициліи, имѣетъ въ себѣ полныя аналогию на о. Сардиніи и Пьянозѣ, а что касается содержанія ихъ, то оно

¹⁾ Особенно велико сходство со стелами, изображенными у Шлимана въ „*Mykenae*“, fig. 140 и 141.

²⁾ См. *Шухардтъ*, „*Schliemanns Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenae, Orchomenos, Ithaca*“, 2-е изд., (Seipz. 1891), p. 218, fig. 167 (157 1-го изд.).

встрѣчается, какъ замѣчаетъ Орси, въ искусственныхъ гротахъ провинціи Базиликаты, то-есть, мѣстности, находившейся,—кстати прибавляетъ онъ,—въ сосѣдствѣ съ мѣстами, гдѣ также жили ¹⁾ сикулы. Но этимъ и ограничиваются извѣстныя, впрочемъ еще недостаточно установленныя, аналогіи съ италіанскимъ материкомъ; наиболѣе же прочныя и обширныя аналогіи, какъ въ устройствѣ могилъ, такъ и въ ихъ содержаніи ведутъ на Востокъ—въ Трою, на юго-западные берега Малой Азіи, на Кипръ, Критъ, острова Эгейскаго моря, въ Микены ²⁾. Обстоятельно, бесспорно, важное не столько со стороны шедшихъ оттуда вліяній морской торговли, сколько со стороны какой-то отдаленной связи съ доисторическою культурой тѣхъ мѣстъ, при отсутствіи великихъ точекъ соприкосновенія съ характеромъ древнѣйшихъ поселеній собственно италійскихъ народовъ и памятниками ихъ доисторической культуры. Но это мы замѣчаемъ пока мимоходомъ, тѣмъ болѣе, что мы еще не расстаемся съ памятниками, оставленными сикулами въ *Cava della Signora*.

Мѣстность Каstellуччо замѣчательна въ археологическомъ отношеніи еще тѣмъ, что кромѣ погребальныхъ пещеръ, большею частью разграбленныхъ, тамъ былъ открытъ тѣмъ-же Орси слой отбросовъ надревнѣйшей эпохи, подобно тому, какой мы встрѣтили во рвахъ Стентинелло. Это была очень счастливая находка, расхищать содержимое которой не было ни у кого большой охоты ни въ древности, ни въ новое время, и которой Орси посвятилъ особую статью подъ заглавіемъ: „*Scarichi del villaggio Siculo di Castelluccio*“ въ *Bullettino di paleol. Ital.* 1893 (pp. 30—51).

Тамъ, гдѣ находятся отбросы, была по близости и жилища. Но слѣдовъ древнихъ поселеній Орси тамъ не нашелъ, основательно предполагая, что постройки сикуловъ древнѣйшаго времени были хижаны, состоявшія изъ древесныхъ прутьевъ, тростника и тому подобнаго непрочнаго матеріала. Что же касается до сохранившихся по мѣстамъ на отлогости горы не связанныхъ цементомъ каменныхъ глыбъ, то онъ полагаетъ, что это могли быть жилища главарей на-

¹⁾ Орси имѣетъ, конечно, въ виду нынѣшнюю Калабрию или древнюю Эпюрию. Г. Antonio Taramelli въ статьѣ „*Appunto per lo studio delle stoviglie arcaiche esistenti nel museo di Taranto*“ въ *Bullettino di paleol. Ital.* 1894, p. 20, сообщаетъ, что въ Тарентскомъ музеѣ, составленномъ, повидимому, изъ мѣстныхъ или окрестныхъ археологическихъ предметовъ, находится множество сосудовъ, сходныхъ или тождественныхъ съ сосудами Каstellуччо.

²⁾ См. литературу предмета у Орси, p. 79—80.

рода и притомъ болѣе поздняго происхожденія. На площади, равняющейся гектару, лежалъ слой жирной земли, humus, образовавшійся отъ разложенія органическихъ веществъ, покрытый костями, черепками, кремнями и по мѣстамъ компактною массой остатковъ отъ полутора до 3 метровъ глубины. Прежде это были большія кучи всякаго рода отбросовъ, которыя отъ времени распозлились и образовали слой разной земли, то жирной, то сухой изъ пыли и пепла. Видно, что время отъ времени жители свозили сюда пепелъ изъ своихъ очаговъ съ остатками угля, а рядомъ съ этимъ сваливали нечистоты, куда бросалось также все, что въ глазахъ жителей было ненужною дрянью. Вотъ тутъ-то и находится настоящая пожива для археолога. Совершенно кстати Орси замѣчаетъ, что тутъ жилъ народъ, у котораго было нѣкоторое чувство чистоты, въ отличіе отъ жителей терремаръ, которые, какъ извѣстно, не вывозили нечистотъ въ сторону отъ своихъ поселеній, а жили среди нихъ, и только когда уже дальнѣйшее увеличеніе ихъ было не возможно, сжигали ихъ вмѣстѣ съ своими жилищами. Къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить: обыватели терремаръ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, были именно предками умбродатино-сабелльскаго племени, то-есть тѣхъ самыхъ „италиковъ“, съ которыми историки связываютъ ближайшимъ родствомъ сикуловъ. До сихъ поръ между этими двумя племенами мы, однако, встрѣчали только различія...

Интересно теперь посмотрѣть, что даютъ намъ эти отбросы для заключеній о древнѣйшемъ бытѣ и культурѣ сикуловъ. *Кости* въ нихъ по изслѣдованію раньше упомянутаго профессора Стробеля, принадлежатъ: собакамъ, свиньямъ, быкамъ (большой и малой породы), овцамъ, козамъ и лошадямъ. Все это были животныя, употреблявшіяся въ пищу. Впрочемъ въ матеріалѣ, который былъ изслѣдованъ покойнымъ Стробелемъ, собака была представлена двумя костями, а лошадь только однимъ зубомъ. Сверхъ того, были кости оленя и лани. Въ сравненіи съ фауной отбросовъ Стентинелло, принадлежащихъ, по предположенію сиканамъ, есть разница. Тамъ не было ни лошади, ни оленя, ни лани. Уже это показываетъ, что тутъ дѣло идетъ о двухъ разныхъ народахъ, изъ которыхъ одинъ добывалъ себѣ пищу и охотой, а другой не зналъ ея. Заключение это дѣлаетъ здѣсь и Орси, который нѣсколькими годами раньше ¹⁾, когда у него еще не

¹⁾ См. его статью „Contributi all'archologia preellemica Sicula“ въ *Bullettino di paleont. ital.* 1889 (ann. XV), p. 219. Впрочемъ, о племенной разности сику-

было этихъ и многихъ другихъ данныхъ, думалъ о сикулахъ и сикангахъ иначе. Ему тогда казалось, что тотъ и другой народъ очень близки по племени (*molto affini per razza*) и отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что пришли на островъ въ два разныхъ періода. Теперь же, указывая на разность отбросовъ фауны между Стентинелло и Кастеллуччо и видя въ этомъ причину говорить объ этнологической разности народовъ, которымъ принадлежать эти отбросы, онъ ударяетъ съ особенною силою на разность состоянія ихъ промышленности, обличающую „два населенія глубоко различныя“ (р. 33). Но сикулы не только бросали кости, но и приготовляли изъ нихъ орудія и предметы небольшой домашней утвари, дѣлая изъ нихъ лопатки, ложила, иглы, бурава, шила, наконечники стрѣлъ и копій, вѣчто въ родѣ кинжала и др.; но замѣчательнѣе всего то, что тутъ нашлась такая же кость съ скарабеобразными (пятью) шариками и съ рѣшетчатымъ узоромъ, какія были находимы въ погребальныхъ пещерахъ. Кость эта, конечно, не мѣстной обработки и обстоятельство, что она находится среди предметовъ, обличающихъ культуру, гдѣ почти совершенно отсутствуютъ металлы, свидѣтельствуеетъ о связяхъ Азіи съ сикулами въ отдаленнѣйшую эпоху. Орси говоритъ по этому поводу о торговыхъ сношеніяхъ или, чтобъ употребить его выраженіе, о „существованіи торговаго теченія, дѣйствующаго отъ береговъ азіатскихъ до сикульскихъ“. Такъ ли это относительно поры, соотвѣтствующей еще троянскому періоду, куда самъ Орси относитъ древнѣйшую культуру Кастеллуччо, называя ее культурою перваго періода сикуловъ на островѣ и относя этотъ послѣдній къ первой половинѣ втораго тысячелѣтія до Р. Хр. (р. 51)? Но если эти, обработанныя въ троянскомъ вкусѣ, кости пришли въ Сицилію не коммерческимъ путемъ, то какимъ же? Вопросъ законный, но не легкій для отвѣта. Быть можетъ, мы къ нему возвратимся впослѣдствіи, когда намъ отвѣчать на него будетъ легче.

Изъ матеріала пещерныхъ могилъ Мелилли и Кастеллуччо мы знаемъ, что сикулы въ самую первую пору своего пребыванія на островѣ не были чужды знакомства съ бронзою, но матеріалъ, оставленный намъ въ отбросахъ Кастеллуччо, переноситъ насъ въ полный

ловъ Орси высказался еще въ заключеніи своей статьи о раскопкахъ въ Мелилли въ *Bull. di paleon. ital.* 1891 (ann. XVII), p. 75. Но затѣмъ—новое колебаніе въ *Bullettino* 1895 (ann. XXI), въ статьѣ: „Vasi Siculi della provincia di Girgenti“, p. 84.

каменный періодъ. Оно и понятно, такъ какъ бронза была тогда слишкомъ драгоценнымъ матеріаломъ, чтобъ ее выбрасывать въ поле вмѣстѣ съ объѣдками и нечистотами. Передъ нами въ большомъ количествѣ изношенные базальтовые топоры или клинья, базальтовые мельницы, не говорящія еще, конечно, о земледѣльческихъ занятіяхъ сикуловъ, какъ и мельница, найденная въ Стентинелло, не говорила намъ ничего о земледѣльской культурѣ сикановъ. Далѣе, между разными кремневыми обломками не мало клинковъ кремневыхъ ножей, двѣ стрѣлы въ формѣ равносторонняго треугольника, а также нѣсколько зубчатыхъ скребковъ. Орси отмѣчаетъ полное отсутствіе въ этихъ отбросахъ, равно какъ и въ погребальныхъ пещерахъ Кастеллуччо, обсидіана, — вулканическаго минерала (стекла), присутствіе котораго въ издѣліяхъ было замѣтно среди каменныхъ остатковъ въ Мелилли и особенно въ Стентинелло, и который находится въ изобиліи на островѣ близъ Этны¹⁾. Наконецъ найденъ пирамидальный кусокъ сѣраго желѣзняка (лимонита) и кусокъ красноватой желѣзистой охры, служившій, какъ замѣчаетъ Орси, быть можетъ, для извлеченія оттуда красной краски, употреблявшейся при раскраскѣ сосудовъ, выдѣлка которыхъ была, повидимому, очень развита у сикуловъ этой мѣстности.

Дѣйствительно, тысячи обломковъ глиняныхъ сосудовъ служатъ вѣрнымъ доказательствомъ развитія этой промышленности, хотя работа производилась и безъ гончарнаго круга, и безъ печи для обжиганія. Замѣчательно однако, что при плохой работѣ и при дурной пастѣ, изъ которой эта посуда гнѣпилась, сикулы *Cava della Signora* имѣли большую охоту ее раскрашивать, чего не было въ употребленіи у жителей Стентинелло, которые, живя въ болѣе древнюю эпоху, выдѣ-

¹⁾ А также и на Липарскихъ островахъ.—Въ Геологическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго университета есть оригинальное, почти овальной формы, колые изъ обсидіана, найденное на Алеутскихъ островахъ. См. графа Уварова, „Археологія Россіи. Каменный переріодъ“ II (Приложеніе), стр. 7 и табл. 5, фиг. 99. Въ курганахъ Закавказья и Крыма встрѣчаются наконецники изъ обсидіана. Уваровъ, *ibid.* стр. 142 и 143.—Орси дѣлаетъ заключеніе, что сикулы Кастеллуччо энеолитическаго періода, до которыхъ достигала морская торговля, не вели торговыхъ сношеній съ „собратьями“ мѣстностей, примыкавшихъ къ Этнѣ. Заключеніе во всякомъ случаѣ смѣлое и мало обоснованное. Трудно думать, чтобъ такіе близкіе сосѣди оставались совершенно чужды другъ другу, если бы даже они и не были „*compatelli*“. Они не употребляли обсидіана просто потому, что не нуждались въ немъ, какъ и на русской территоріи издѣлія изъ него встрѣчаются лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находится.

лывали лучшіе сосуды и умѣли составлять для нихъ болѣе чистую глину, а о раскраскѣ не думали, довольствуясь узорами, сдѣланными острымъ орудіемъ. На основаніи разсмотрѣннаго имъ матеріала Орси опредѣляетъ пропорцію расписанныхъ сосудовъ къ нерасписаннымъ такъ: 7:3. Собственно эта пропорція больше, такъ какъ у многихъ сосудовъ окраска была, но не сохранилась. Не раскрашенные сосуды, обыкновенно не большіе (миски, чашки), обличаютъ употребленіе лощила, нѣкоторые имѣютъ даже глазурь, достигавшуюся, замѣчаетъ Орси, быть можетъ, черезъ употребленіе небольшого количества графита или другаго суррогата. Для узоровъ употребляли иногда ноготь или конецъ пальца, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ по краямъ сосудовъ идутъ треугольники или просто полосы, сдѣланныя острымъ орудіемъ по мягкому еще фону точками. Ничего общаго съ керамикой Стентинелло. Раскрашенные сосуды здѣсь или одного цвѣта, или двухъ цвѣтовъ. Раскрашенные въ одинъ цвѣтъ — обыкновенно сосуды большихъ размѣровъ (кадки для воды). На яркомъ фонѣ желтоватаго или розоваго оттѣнка сосудъ принимаетъ украшенія бѣло-желтаго, розоваго, рѣже ярко-краснаго цвѣта, состояція изъ лентъ или фестоновъ, а иногда завитковъ. Въ двухцвѣтныхъ сосудахъ слегка зернистая глина большею частью хорошаго обжига, хотя въ звучности тѣмбра¹⁾ и уступаетъ гончарнымъ издѣліямъ Стентинелло. Употреблялись для раскраски три цвѣта: для внутренней стороны блѣдно-желтый или грязно-бѣлый и красный то яркій, то блѣдный, съ рядомъ посредствующихъ оттѣнковъ; темный также съ рядомъ градаций, зависѣвшихъ отъ разнаго обжига (черный, каштановый, кофейный, изрѣдка кровавый) для наружныхъ узоровъ. Между формами сосудовъ, такъ раскрашиваемыхъ, есть такія, какія не встрѣчались въ погребальныхъ пещерахъ, а по размѣрамъ есть и большіе, и средніе, и малые, то-есть для храненія жидкостей и для питья. Къ первымъ относятся лузатые кувшины слишкомъ въ полметра вышиной, ко вторымъ — очень многочисленное семейство чашъ, съ трубчатой ножкой, которыя въ развитомъ видѣ напоминаютъ микенскія чашы¹⁾. Приблизительная величина такихъ сосудовъ отъ 30 до 40 сантиметровъ. Такія чашы, съ широкимъ устьемъ, могли служить для фруктовъ; къ малымъ сосудамъ принадлежатъ почти исключительно чашки съ двумя ушками гомерическаго типа, цилиндрическіе кубки, расширенныя къ верху, съ высокою ручкой, или расширенныя къ низу.

¹⁾ Шляманъ, „Mykenae“, fig. 846; ср. Helbig, „Das Homerische Epos.“, p. 272.

Ручки у сосудовъ Кастеллуччо, кромѣ рѣдкихъ ручекъ кольцомъ. длинныхъ ушей, уже извѣстныхъ, являются еще въ новой формѣ, въ формѣ лопаточекъ, встрѣчающихся на сосудахъ лигурійскихъ пещеръ, иногда въ формѣ трапеціи; встрѣчаются также ручки носообразныя и даже начатки ручекъ въ видѣ коническихъ ушей,—форма потомъ (во 2-мъ періодѣ) очень развитая.

Что касается орнаментаціи сосудовъ, то она часто, особенно въ чашахъ, прилагается какъ къ внутренней, такъ и къ наружной сторонѣ и слѣдуетъ, какъ и нужно было ожидать, самому простому геометрическому стилю, представляющему, по вѣрному замѣчанію Орси, въ своихъ наиболѣе сложныхъ комбинаціяхъ подражанія плетенкамъ изъ соломы и ивы, что заставляетъ предполагать значительность развитія у сикуловъ энеолитической эпохи плетеночной промышленности.

Между предметами глинянаго производства въ отбросахъ Кастеллуччо Орси нашелъ такъ называемыя фузероли, очень извѣстныя и на Апеннинскомъ полуостровѣ просверленные кружки, назначеніе которыхъ еще не достаточно выяснено, а также и глиняные рога, также не выясненнаго значенія, хотя самое вѣроятное объясненіе ихъ то, что это дѣйствительно символы охраненія домашняго очага, съ каковою цѣлью и теперь еще, по замѣчанію Орси, употребляются бычачьи рога въ Средней и Южной Италиі.

Орси, описанію котораго мы до сихъ поръ поневолѣ слѣдовали, дѣлаетъ изъ матеріала, полученнаго закъ изъ отбросовъ, такъ и изъ некрополя Кастеллуччо, выводы о первоначальной сикульской культурѣ главнымъ образомъ на основаніи керамики. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что фактъ значительнаго развитія расписной посуды у сикуловъ въ разныхъ мѣстахъ острова ¹⁾ при культурѣ еще каменнаго или только еще начинающагося энеолитическаго періода, хотя и поразителенъ, но не новъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ центральной и южной Америкѣ, еще до знакомства съ гончарнымъ станкомъ была развита гончарная живопись, не только въ геометрическихъ линіяхъ, но и съ зооморфическими и даже антро-

---

¹⁾ Въ спракузской провинціи: въ Мелилли, въ Кастеллуччо, въ Кава Секкьера, на Монте Тарбутто близъ Рагузы, въ гротѣ Ладзаро близъ Модикки; въ провинціи Джирдженти: въ Монтедоро, въ Колина да Монсеррато, въ Grotta di pietra Роза между Ливатой и Кампобелло, въ Пьетралонга близъ Ракамутьо; въ провинціи Палермо: въ Виллафратти и Каначи близъ Палермо.

поморфическими фигурами вплоть до изображенія сценъ дѣйствительной жизни. Но если не для Орси, то для насъ гораздо интереснѣе тотъ фактъ, что съ одной стороны расписные сосуды, именно темнымъ по бѣло-желтоватому фону, встрѣчаются въ чисто неолитическихъ и энеолитическихъ гротахъ лигурійскаго берега (въ Finalese), съ другой, что расписная керамика встрѣчается среди каменныхъ орудій на островахъ Эгейскаго моря (на о. Эерѣ, нынѣ Санторинъ, на Милосѣ). Особенно же важны явныя точки соприкосновенія съ древнѣйшею Троею, которыя проявляются не только въ формѣ и орнаментации сосудовъ, но и въ находеніи въ томъ и другомъ мѣстѣ, то-есть на Гиссарликѣ и у сикуловъ Каstellуччо особымъ образомъ обработанныхъ и орнаментированныхъ трубчатыхъ костей, о которыхъ у насъ шла рѣчь выше, и происхождение которыхъ намъ неизвѣстно. Но эти связи съ троянскою культурой предшествуютъ микенскому вліянію, образовавшему уже 2-й періодъ доисторической эпохи сикуловъ. Слѣдовательно, въ сикульскомъ періодѣ, находящемъ себѣ соотвѣтствіе въ Троѣ и на о. Кипрѣ, обнаруживается параллель съ культурой Передней Азіи, какаю тамъ была въ до-финикійскій и въ до-микенскій періодъ. Орси не желаетъ дѣлать отсюда какого либо этнологическаго вывода: онъ дѣлаетъ только хронологическій, относя, какъ мы уже говорили, 1-й періодъ до-исторической эпохи сикуловъ къ первой половинѣ втораго тысячелѣтія до Р. Хр., куда относятся, по Шрадеру, два вавилонскихъ цилиндра съ клинообразными надписями, найденные на о. Кипрѣ въ некрополѣ св. Параскевы.

Но это лишь хронологическій минимумъ троянской культуры. Эпоха, къ которой относятся древнѣйшіе остатки Гиссарликскаго холма, когда Малая Азія едва-едва была затронута вліяніями восточной культуры, безъ сомнѣнія заходитъ далеко въ 3-е тысячелѣтіе до нашей эры, особенно если мы примемъ во вниманіе почти невѣроятныя открытія Флиндерса Петри относительно проникновенія издѣлій микенской культуры въ Египетъ, еще въ 25 столѣтіи до Р. Хр. ¹⁾ Микенская культура, какъ мы знаемъ, не предшествуетъ троянской, а слѣдуетъ за нею. Для насъ впрочемъ достаточно просто фактъ совпаденія перваго періода до-исторической эпохи сикуловъ съ наибольшими древностями Гиссарлика и до-финикійскаго Кипра.

¹⁾ См. его статью въ *Journal of Hellenic Studies*, Oct., 1890, p. 271 — 277; ср. *Archäol. Anzeiger* 1891, p. 87 слд. и *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte*, 1891, p. 476 слд.

Но прежде чѣмъ мы сдѣлаемъ изъ этого факта выводъ, какой изъ него вытекаетъ относительно происхожденія сикуловъ, намъ необходимо, хотя въ самомъ краткомъ видѣ, представить послѣдовательныя археологическія данныя о теченіи всего до-историческаго періода жизни этого народа. Эти данныя служатъ живымъ свидѣтельствомъ того, какой длинный рядъ столѣтій сикулы жили на своемъ островѣ и подъ какими вліяніями развивались вплоть до того времени, когда стали на немъ селиться греки. Это же послѣднее событіе, которымъ начинается для сикуловъ исторія, совпадаетъ съ временемъ основанія Рима въ центрѣ Италіи, откуда сикулы, по преданію, когда то двинулись къ югу и, не найдши себѣ прочнаго мѣста на полуостровѣ, переплыли проливъ и заняли восточный берегъ плодоноснаго острова.

На полуостровѣ, окаймляющемъ Сиракузскую бухту съ юга и называвшемся въ древности Племмиріемъ (Πλεμμύριον), а теперь *Penisola della Maddalena*, находятся въ скалѣ также искусственные гроты, въ которыхъ были устроены такія же могилы а *foro*, какія мы видѣли въ Мелилли и Кастеллуччо. Только могилы эти устроены лучше: онѣ правильнѣе въ линіяхъ и въ архитектурномъ выполненіи, что видимо указываетъ на усовершенствованныя инструменты, которыми онѣ устраивались. Существованіе ихъ было извѣстно и раньше и отмѣчено еще прежнимъ директоромъ сиракузскаго музея Каваллари, а до него еще нѣмецкимъ археологомъ-топографомъ Шубрингомъ, объѣздившимъ Сицилію въ 1865—1866 годахъ и написавшимъ рядъ цѣпныхъ монографій по топографіи древнихъ городовъ знаменитаго острова. Но систематически эти погребальныя гроты были изслѣдованы Орси весной 1891 года. Такихъ погребальныхъ гротовъ онъ нашелъ до 40, не считая нѣкоторыхъ полуразрушенныхъ каменоломщиками; но почти всѣ они были болѣе или менѣе расхищены, а нѣкоторые изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что послужили во второй разъ мѣстомъ погребенія, именно для грековъ въ періодъ пелопонезской войны и всего вѣроятнѣе для солдатъ Пиків, осаждавшихъ Сиракузы въ 413 г. до Р. Хр., какъ это высказываетъ Орси, приступая къ описанію племмирійскихъ погребальныхъ гротовъ въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1891 (ann. XVII), p. 115—139, въ статьѣ „La necropoli Sicula del Plemmirio (Siracusa)“.

Орси описываетъ тридцать одну могилу. Особенность ихъ, кромѣ вообще болѣе правильнаго и болѣе просторнаго устройства камеръ, состоятъ въ устройствѣ нишъ, которыхъ не было въ могилахъ ранняго періода, заисключеніемъ нѣкоторыхъ, попадающихся тамъ, помѣ-

щений для дѣтей. Содержимое этихъ камеръ богаче прежнихъ. Здѣсь уже полное господство бронзоваго вѣка ¹⁾, не исключющее впрочемъ нѣкотораго употребленія и каменныхъ орудій, каковы ножи изъ кремня и обсидіана, найденные въ двухъ могилахъ. Здѣсь уже попадаются бронзовые мечи и кинжалы привозные и притомъ дѣрогіе.

Въ гончарной технику прогресса мало: все еще нѣтъ ни станка, ни нечи. По раскраска сосудовъ исчезаетъ; тамъ, гдѣ является потребность орнамента, раскраску замѣняетъ нарѣзка узоровъ съ употребленіемъ внутри бѣловатаго порошка для большей ясности рисунка. Это такъ называемое *decorazione a stacco*, вообще рѣдкій орнаментъ въ сицилійскихъ сосудахъ. Но прекращеніе расписнаго орнамента представляетъ явленіе очень интересное. Оно показываетъ, что произошелъ глубокій переворотъ въ культуру народа, раньше его употреблявшаго и любившаго. Явленіе это можно было бы объяснить упадкомъ вкуса, если бы вся остальная культурная обстановка не показывала прогресса въ культуру. Художественный вкусъ у сикуловъ не упалъ, а только намѣнился. Измѣнился же онъ, конечно, подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ вліяній. Этими же культурными вліяніями могли быть только вліянія путемъ торговли. Торговля, значить, принесла не только новыя формы посуды, но и новый стиль. Керамика представляетъ постоянныя аналогіи съ троянскою и микенскою керамикой, хотя сохраняются и специально сикельскіе формы большихъ сосудовъ для храненія жидкостей. Но торговля вводила въ употребленіе не только глиняную, но и бронзовую посуду. Если мы не находимъ ея въ могилахъ Племирія, то развѣ потому только, что она расхищена. Видъ бронзовой посуды, привозимой туда финиціанами или, скорѣе, микенцами ²⁾, прочной, удобной и красивой, такъ понравился людямъ, не знавшимъ еще хорошей техники въ выра-

¹⁾ Г. Жоржъ Перро дѣлаетъ крупную ошибку, приписывая Орси причисленіе некрополей Племирія, Коццо Пантано (у Перро *ошибочно*: Поццо Кантано), Молинелло и Тапса къ *энеолитической эпохѣ*, когда Орси прямо причисляетъ эти некрополи къ бронзовой эпохѣ (*viamo in piena età del bronzo*). Также ошибочно г. Перро видитъ въ Кастеллуччо каменный вѣкъ *вм.* энеолитическаго. См. *Revue des deux mondes* 1-er juin 1897, p. 621—624.

²⁾ Въ Тапскомъ некрополѣ, въ которомъ яснѣе сказывается бронзовый періодъ (2-й періодъ сикульской культуры), нѣтъ почти и слѣда финиційскихъ предметовъ. Орси высказался по этому поводу еще въ статьѣ о Племирійскомъ некрополѣ (р. 143. въ текстѣ и примѣч. 3), но еще рѣшительнѣе послѣ подробныхъ раскопокъ на этомъ островкѣ, результаты которыхъ имъ изложены въ статьѣ „Tharros“, помѣщенной въ Monumenti antichi, VI, p. 145 слд.

боткѣ глиняныхъ сосудовъ, что они могли взять ихъ за образецъ для подражанія и въ приготовленіи глиняной посуды. Металлическіе сосуды не знаютъ раскраски, а производители ихъ употребляютъ въ видахъ украшенія рѣзецъ, производя рельефъ или углубленіе. Нѣчто подобное сикулы стали примѣнять и къ глинѣ. Къ вліянію металлическихъ сосудовъ на перемѣну декораціи въ керамикѣ у сикуловъ прибѣгаетъ и Ж. Перро ¹⁾, хотя онъ раньше и говоритъ, что „la raison de ce changement nous echarpe“. Намъ кажется, что другаго объясненія придумать нельзя. Во всякомъ случаѣ перемѣна эта несомнѣнно стоитъ въ связи съ привозомъ на островъ предметовъ микенской торговли, начавшей измѣнять потребности, промышленную технику и вкусъ туземцевъ.

Такія выдающіяся въ море мѣста, какъ полуостровки Племиріи и Ксифонія и островокъ Фапсъ, естественно должны были раньше столкнуться съ иноземной торговлей, чѣмъ поселеніи, лежащія дальше отъ морскаго берега. Но вліяніе этой торговли не заставило себя долго ждать и на внутреннія части острова, что между прочимъ доказывается присутствіемъ такого-же археологическаго матеріала, какъ на Племиріи, въ Коццо дель Пантано и даже еще въ ббльшей степени въ Панталикѣ, гдѣ мы встрѣчаемся уже съ 3-мъ періодомъ сикульской образованности.

Но этотъ 3-й періодъ разработанъ Орси на двухъ могильникахъ: небольшомъ могильникѣ Тременцано въ долинѣ Cava della Signora и на обширномъ некрополѣ Финоккито близъ Ното. Первый описанъ имъ въ *Bullettino di Paleon. Ital.* 1892 (а. XVIII), р. 84—94, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Le Sepolcreto di Tremenzano“; 2-й въ томъ же *Bullettino* 1894 (а. XX), р. 23—26 и 38—71.

Могилы Тременцано, вырытыя въ отвѣсныхъ скалахъ, — такъ что доступъ къ нимъ могъ быть въ древности только посредствомъ лѣстницы, — съ перваго раза отличаются отъ могилъ 1-го и 2-го періода самою формой, именно строго квадратною, и къ нимъ ведетъ не простое отверстіе, а настоящая дверь достаточной высоты, чтобы, наклонившись, можно было войти человѣку. Трупы клались въ нихъ не скорченными и не въ сидячемъ положеніи, а распростертые, съ головой на каменной подушкѣ. Сводъ совершенно ровный. Во всемъ этомъ видна новая эпоха, которую и доказываетъ содержимое. Сосуды

¹⁾ Въ упомянутой статьѣ въ *Revue des deux mondes*, р. 624.

тамъ геометрическаго стиля, выдѣланные на гончарномъ станкѣ, обожженные на закрытомъ огнѣ. Одни изъ нихъ приготовлены изъ очищенной и блѣдной глины, другіе изъ болѣе обыкновенной, смѣшанной съ вулканическими кусочками. Последніе, очевидно, мѣстнаго производства. Но и въ нихъ теперь воскресаетъ раскраска, утраченная во 2-й періодъ. По бѣловатому фону идетъ темная живопись съ переходами въ темно-красный и въ кирпичный цвѣтъ, въ зависимости отъ степени обжига. Между сосудами выдается эпоха съ длинною шейю и черными полосами, другая горбатая, у которой по брюху идутъ тонкія и частыя нити, по плечамъ тригрифы съ подобіемъ метоповъ въ промежуткахъ, наполненныхъ сцѣпленными ромбами, а по шейю косыя связки изъ угловъ. Орси указываетъ на тождественность геометрическихъ мотивовъ на эпохахъ, найденныхъ въ Вульчи ¹⁾. Обращаетъ на себя вниманіе большой тазъ съ одною ручкой съ лентами по брюху, волнистой линіей по шейю и связными по краю. Онъ, какъ это показываетъ и его нечистая глина, и форма, мѣстной фабрикаціи, но геометрической стиль орнамента указываетъ на связь съ древнегреческой культурой. Между бронзовыми издѣліями въ первый разъ встрѣчается фибула въ двухъ видахъ—простою дугою, форма, встрѣчающаяся въ другихъ некрополяхъ Сициліи, и лодочкой, столь обычная въ италійскихъ (фалисскихъ, латинскихъ) могильникахъ, но совершенно новая въ Сициліи, изрѣдка встрѣчающаяся и въ Греціи; кольца, бусы, похожія на находимыя въ древнегреческихъ некрополяхъ; колесики. Въ неразграбленной могилѣ Орси нашелъ еще остатки фибулы лѣвкою, двѣ бусинки изъ янтара, экземпляръ эпохи изъ очищенной пасты цвѣта сѣше на поверхности, съ темными поясами по брюху, съ триглифами и метопами, наполненными волнообразными линиями по плечамъ и болѣе крупною волнообразною линіей по шейю.—орнаментъ, встрѣчающійся въ Этруріи и въ Греціи эпохи стиля Дипилона, но только въ сицилійской керамикѣ еще не встрѣчается при этомъ фигуръ животныхъ и человѣческихъ,—замѣчаетъ Орси въ своемъ объясненіи, прибавляя, что такіе сосуды могутъ быть современны лишь наиболѣе древнимъ дипилонскаго стиля (8—9 ст. до Р. Хр.). Но рядомъ съ экземплярами привозными встрѣчаются и грубые сосуды домашней работы, сдѣланные отъ руки и дурно обожженные, но съ подражаніемъ геометрическому орнаменту, выше

¹⁾ См. Fouilles dans la nécropole de Vulci, exécutées et publiées par *Stéph. Gaell* (Paris, 1891), fig. 89, 94, 96, 101.

описанному или даже съ геометрическими украшеніями нарѣзными. обличающими до нѣкоторой степени подражаніе рисункамъ раскрашенныхъ сосудовъ.

Могильникъ Тременцано, характеризующійся древне-греческими вліяніями, предшествующими однако непосредственному вліянію греческихъ колоній на островѣ, Орси относитъ къ началу желѣзнаго вѣка, хотя въ могилахъ его желѣзо и не найдено. Почтенный археологъ имѣетъ тутъ конечно въ виду то обстоятельство, что самое устройство могилъ въ томъ видѣ, какъ оно есть, требовало орудій болѣе совершенныхъ, чѣмъ бронзовыя. Какъ въ Племмирійскомъ некрополѣ мы присутствовали при вліяніи на сикуловъ микенской культуры, что дало Орси основаніе отнести его, среднимъ числомъ къ XII ст. до Р. Хр., такъ здѣсь передъ нами древне-греческая культура послѣ микенской эпохи. Въ немъ, значить, погребались сикулы X — VIII столѣтія до Р. Хр.

Теперь передъ нами гораздо болѣе обширный некрополь 3-го періода, некрополь горы Финоккито, въ которомъ культура послѣдняго до-историческаго періода жизни сикуловъ сказалась съ наибольшею рельефностью. Онъ состоитъ изъ трехъ группъ, въ которыхъ заключается до 300 могилъ, а между ними изслѣдованныхъ Орси 71. Не находя для нашей цѣли нужнымъ входить въ подробности, мы ограничимся лишь заключеніемъ, выведеннымъ Орси изъ своего изслѣдованія.

Могилы Финоккито уже „чувствительно“ отличаются по формѣ отъ могилъ 1-го и 2-го періода. Это, за малыми исключеніями, прямоугольныя камеры, безъ дромоса и антикамеры, а входъ въ нихъ прямо въ дверцу, предшествующую небольшимъ павильонамъ. Для постройки этихъ могилъ потребовался не базальтовый и даже не бронзовый топоръ, а топоръ и долото желѣзные, бывшіе тогда уже въ употребленіи. Въ помѣстительныхъ камерахъ, съ каменистыми подушками, подъ черепъ клались одинъ, два, много три покойника, въ видѣ труповъ, а не скелетовъ, какъ прежде. Въ этихъ камерахъ помѣщалось много утвари въ видѣ сосудовъ съ водой и питьемъ и въ видѣ предметовъ личнаго украшенія. Матеріалъ этотъ позволяетъ хорошо изучить вліяніе иноземной торговли. Мѣстная керамика, все еще не знающая гончарнаго круга, или плохо имъ пользующаяся, и хорошаго обжига, рѣзко отличается отъ прежней и въ орнаментѣ представляетъ ухудшеніе, сравнительно со 2-мъ періодомъ, хотя въ этотъ орнаментъ входятъ и меандры въ подражаніе греческимъ образцамъ. Видно, что чисто

сикульское гончарное искусство вырождалось отъ конкуренціи прото-эллинской керамики, распространявшейся все болѣе и болѣе. Геометрическій стиль сосудовъ иностраннаго привоза—тотъ, который предшествуетъ прото-коринтскому стилю древнѣйшихъ колоній, какъ это показываютъ некрополи Сиракузъ и Мегары Гиблейской. Это стиль Дипилона, чисто геометрическій, который, съ одной стороны, соприкасается съ послѣдними произведеніями микенскаго искусства, съ другой—сталкивается иногда съ прото-коринтскимъ. Бронзовыя издѣлія имѣютъ сходство съ умбро-италійскими, но проникли въ Сицилію независимо, изъ общаго источника, которымъ могли быть Греція и Востокъ. Таковыя фибулы съ двумя спиралями, которыхъ не знаетъ Лаціумъ и Этрурія, но которыя находятъ въ Венгріи, на Балканскомъ полуостровѣ и по берегу Адриатическаго моря въ Италіи; фибулы змѣеобразныя, между которыми шесть экземпляровъ изъ желѣза и семь изъ бронзы, и фибулы лодочкой, которыхъ больше половины изъ всѣхъ, найденныхъ въ Финоккито (32 на 50), и которыя распространены были также и по Италіи. Браслеты изъ тонкой бронзовой нити являются у сикуловъ здѣсь въ первый разъ, какъ и скарабен изъ лазуреной пастили, а равно ножи изъ желѣза. Ножи эти, съ лезвіемъ на одной сторонѣ, не имѣютъ ничего общаго съ бронзовыми клинками 1-го и 2-го періода. Все это предметы иностраннаго ввоза—греческаго и отчасти финикійскаго. Орси полагаютъ, что древнѣйшая часть некрополя Финоккито относится къ IX ст. до Р. Хр., главная къ VIII, а нѣсколько могилъ, можетъ быть, даже къ началу VII, т. е. ко времени уже греческихъ поселеній на островѣ Сициліи. Этимъ оканчиваются данныя до-исторической эпохи сикуловъ. Вмѣстѣ съ греческими колоніями начинается уже историческая эпоха на островѣ, насъ теперь занимающемъ.

Изъ литературныхъ свидѣтельствъ о сикулахъ мы могли вывести то заключеніе, что италійское племя относилось къ этому народу враждебно, какъ къ чужому. что, изгнавши его изъ Лаціума. оно въ лицѣ опиковъ или осковъ, авзоновъ или аврунковъ и, наконецъ, тѣхъ разновидностей племени на югѣ полуострова, которыя у греческихъ писателей называются энотрами, не позволило имъ, крайнейшей мѣрѣ главной массѣ ихъ, усѣсться гдѣ-нибудь въ Италіи, гнало ихъ все дальше и дальше, пока они не переплыли пролива и не очутились на островѣ, получившемъ потомъ имя Сициліи. Лишь

часть ихъ могла остаться среди энотровъ и продолжала тамъ существовать до временъ Фукидида. Но, какъ народъ, сикулы съ того отдаленнаго времени принадлежали Сициліи, съ которою до-историческая и историческая судьба ихъ неразрывно связана.

Археологическія данныя, добытыя въ могильникахъ и отчасти въ отбросахъ юго-восточнаго края острова, приводятъ насъ къ убѣжденію, что между сикулами и италиками нельзя усмотрѣть никакой этнологической связи. Во всякомъ случаѣ теперь нельзя сомнѣваться въ томъ, что сикулы не есть вѣтвь италиковъ, отъ нихъ отдѣлившаяся и проникшая на островъ Сицилію. Древнѣйшіе италики и древнѣйшіе сикулы представляютъ собой два совершенно разныхъ археологическихъ слоя, двѣ совершенно разныхъ культуры, свидѣтельствующія о томъ, что эти народы съ самаго отдаленнаго времени жили отдѣльною жизнью, не имѣя между собой никакихъ точекъ соприкосновенія. Италики съ самаго момента проникновенія своего на Апеннинскій полуостровъ, были представителями бронзовой культуры¹⁾, которую они принесли въ долину По еще изъ своего прежняго мѣстожительства, бывшаго гдѣ-то въ средней Европѣ, быть можетъ въ земляхъ придунайскихъ. Сикулы же, прибывшіе на Апеннинскій полуостровъ гораздо раньше италиковъ, были тамъ представителями культуры еще каменнаго вѣка (неолитической), и въ ихъ древнѣйшихъ остаткахъ на островѣ можно замѣтить развѣ только начало знакомства съ кое-какими бронзовыми предметами, тогда какъ вся сущность ихъ культуры была неолитическая. Въ терремарахъ долины По, гдѣ жизнь италиковъ представляется въ древнѣйшей стадіи своего развитія, мы встрѣчаемъ совершенно особый бытъ, какого совсѣмъ не знали сикулы въ 1-й періодъ своей до-исторической жизни на островѣ. Италики строили дома на сваяхъ, —обычай, вывезенный ими изъ прежняго своего мѣстопребыванія, такъ какъ на сухомъ мѣстѣ не было необходимости возводить свайныя постройки, —выводили ихъ ряды по опредѣленному плану, проводя двѣ линіи, съ юга на сѣверъ и съ

¹⁾ Систематическое сочиненіе, характеризующее жизнь и культуру италиковъ въ долинѣ По и принадлежащее Гельбигу (*Italiker in der Poebene*, Ipr. 1879), въ настоящее время уже очень устарѣло, и потому желающіе ознакомиться съ современной разработкой вопроса о поселеніяхъ въ терремарахъ должны обратиться къ журналу Пигорини *Bullettino di paleologia Italiana*, въ которомъ нѣтъ выпуска безъ статьи или замѣтки, относящейся къ терремарамъ. Авторомъ этихъ статей является по преимуществу самъ Пигорини, важнѣйшій авторитетъ по этому вопросу.

постока на западъ (*cardo u decumanus*), какъ потомъ римляне строили свои лагеря, окружали свои селенія рвами, наполняемыми водою, и паломъ. укрѣплявшимися перѣдко палисадами. Ничего подобнаго этому устройству жилищъ и поселеній у сикуловъ мы не знаемъ, и никакихъ слѣдовъ чего-нибудь такого у нихъ не находимъ. Италики еще прежде перехода черезъ Апеннины, т. е. въ своихъ терремарахъ, занимались не только скотоводствомъ, но и земледѣльемъ. Остатки ихъ обѣдковъ ясно указываютъ на пшеницу, бобы, ленъ; они воздѣлывали виноградъ, занимались пчеловодствомъ. имѣли ручныя мельницы для размалыванія зеренъ. Между тѣмъ остатковъ земледѣльческой культуры у сикуловъ перваго періода мы не находимъ, и ихъ предполагаемая каменная мельница могли служить развѣ для раздавливанія дѣсныхъ зеренъ и ягодъ. Посуда у италиковъ, несмотря на то, что они находились въ періодъ бронзовой культуры, была проста и чужда всякой раскраски, которая характеризуетъ керамику еще 1-го періода сикуловъ. Особенно характеристическою принадлежностью ихъ сосудовъ была лунообразная ручка, долго державшаяся затѣмъ въ употребленіи и по переходѣ ихъ черезъ Апеннины у латинянъ и фалисковъ,—форма, въ сицилійской посудѣ совершенно отсутствующая. Изъ бронзовыхъ предметовъ у нихъ были уже серпы, пилы, шила, гребни, даже бритвы, а изъ боевыхъ орудій топоръ типа, называемаго у археологовъ и палеонтологовъ палаштабъ, сохранившійся и въ послѣдующій періодъ, такъ называемый у италійскихъ археологовъ періодъ Виллановы, но остававшійся навсегда чуждымъ Сициліи. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей, какою отличаются сикулы отъ италиковъ, заключается въ томъ, что италики сожигали мертвыхъ, а сикулы хоронили ихъ. Эта особенность погребальнаго обряда, до времени Римской Имперіи сохранявшаяся у латинянъ какъ господствовавшій типъ погребенія, но бывшая правиломъ въ терремарахъ, указываетъ на глубокое различіе между двумя племенами. Сикулы никогда не сожигали труповъ, но при погребеніи ихъ сохраняли черту, извѣстную разнымъ народамъ ¹⁾, но неизвѣстную италикамъ именно скальпированіе труповъ и отнесеніе въ погребальную камеру однихъ костяковъ, оставляемыхъ тамъ въ древнѣйшую эпоху еще въ скрѣпномъ положеніи.

¹⁾ По этому поводу писали: Hostmann, *Das skelettiren der Leichen* (не было у меня подъ руками), Pigorini, *Sul'costume dell'età neolitica di seppellire le ossa già scarnite*. Roma, 1884 (въ актахъ академіи Линчезь 1884) и др.

Словомъ, во весь древнѣйшій періодъ сикуловъ и италиковъ мы не встрѣчаемъ въ бытѣ ихъ ни одной черты, которая свидѣтельствовала бы объ ихъ общемъ происхожденіи; напротивъ все, что даютъ намъ археологическія данныя о бытѣ того и другаго племени, показываетъ ихъ различіе. Аналогіи, какія даетъ керамика и вообще утварь сикуловъ 1-го періода, ведутъ насъ, какъ это мы, согласно съ Орси, неоднократно замѣчали, съ одной стороны на востокъ—къ Троѣ и Кипру, съ другой—на острова Сардинію и Пьянозу и въ Лигурійскія пещеры, а также въ дольмены Прованса, только отнюдь не къ италикамъ. Аналогіи съ послѣдними, если не считать нѣкоторыхъ, еще не прочно установленныхъ пунктовъ соприкосновенія съ керамикой южной Италиі, гдѣ жили раньше и частью оставались позже сикулы, начинаются вступленіемъ сикуловъ въ бронзовый періодъ (длинные мечи, затѣмъ извѣстныя формы фибулъ); но эти аналогіи происходятъ изъ общаго тѣмъ и другимъ источника, какимъ была иноземная торговля, распространявшая въ то время свое вліяніе на всю западную часть бассейна Средиземнаго моря и заносившая тѣ-же фибулы и на сѣверъ отъ Балканскаго полуострова.

В. Медетовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХІV.

314 ²

1897.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	27
И. А. Рожковъ. Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ (окончаніе).	263
В. И. Модестовъ. О происхожденіи Овгуловъ (окончаніе)	320
А. С. Дашно-Данилевскій. Собраніе и оводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II (окончаніе)	365
М. А. Дьяконовъ. Задворные люди	391
Н. В. Волковъ. О не-новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, плеца Остромирова Евангелія	443
В. М. Меліоранскій. Новооткрытыя Λόγια 'Ιεροῦ, какъ церковно-историческій источникъ	447
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
Н. И. Веселовскій. Мухаммедъ Паршахи. Исторія Бухары. Пер. съ персидскаго Н. Лыксинъ. Ташкентъ, 1897.	466
Вл. Францевъ. Jana Amosa Komenského Theatrum Universitatis Regum. Z rukopisu podávají D-r. Jan V. Novák a Adolf Patera. V Praze, 1890.	468
И. М. Майковъ. Le duc de Richelieu en Russie et en France 1766—1822. Par Leon de Cronvaz-Crétet. Paris. 1897	474
С. С. Русское Экономическое Обзорѣніе. Май—сентябрь 1897 года .	479
С. А. А—въ. Матеріалы для біографіи Гоголя.—В. И. Шенрока.—М. 1898	487
Ив. А. Тихомировъ. О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. Исслѣд. А. А. Шахматова. Москва. 1897	488
Н. И. Ванстъ. Проф. Пр. Скорцовъ. Гигіена, со включеніемъ анатоміи и фізіологіи человѣческаго тѣла. Харьковъ, 1897 .	495
Кн. Е. Н. Трубецкой. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ профессору Визигни	501
С. Ю. Буличъ. Вынужденное объясненіе по поводу „доловъ, домовъ“.	508
— Книжныя новости	513
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	17
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
Наши учебныя заведенія: среднія и низшія школы Кіевского учебнаго округа въ 1896 году	39
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижъ	89
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
Н. И. Холоднякъ. О нѣкоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій	97

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го декабръ).

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СИКУЛОВЪ,

НА ОСНОВАНІИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ И
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ ¹⁾).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что археологическія данныя—наиболѣе фактическія и осязательныя — не даютъ намъ ни малѣйшаго основанія причислять сикуловъ къ италійскому племени и тѣмъ болѣе считать ихъ, какъ того желали бы нѣкоторые ученые, за передовой отрядъ латинянъ, занявшихъ въ Средней Италіи долину Тибра и Аніо. Ни неолитическая культура, съ какою пришли сикулы на островъ, едва соприкоснувшись съ бронзовою, которая была полнымъ достоиніемъ италиковъ еще раньше расселенія ихъ по Апеннинскому полуострову, ни погребальный обрядъ, радикально противоположный италійскому, ни форма и орнаментика древнѣйшихъ сосудовъ не даютъ намъ ровно никакихъ точекъ этнологическаго сближенія между сикулами и племенемъ, оставшимся хозяиномъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Единственное сближеніе, какое можно и какое, по нашему мнѣнію, необходимо сдѣлать, заключается въ томъ, что италики были то племя, которое выбило сикуловъ изъ Лаціума и, гоня ихъ все дальше и дальше къ югу, заставило ихъ совсѣмъ покинуть полуостровъ, на которомъ они основались еще въ очень отдаленную эпоху. Это заключеніе, вытекающее изъ сущности дѣла, именно, что племя, завладѣвшее землей другаго племени, заставило это послѣднее искать новой территоріи для поселенія и не позволяло ему упро-

---

¹⁾ *Окончаніе.* См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ.

читься и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ распространялось само, это, говоримъ мы, естественное заключеніе объ отношеніяхъ сикуловъ къ италикамъ, подтверждается и сохранившимися у древнихъ писателей преданіями. Такъ писалъ, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго ¹⁾, Антиохъ Сиракузскій; такъ говоритъ и Фукидидъ ²⁾. Разница между ними лишь въ томъ, что, по Антиоху, сикуловъ прогнали съ полуострова Энотры и Опикки, а, по Фукидиду, просто Опикки.

Фактъ, что сикуловъ прогнали на островъ Италики, позволяетъ сдѣлать, въ свою очередь, новое заключеніе. Оно—новое, не только въ смыслѣ послѣдовательности нашихъ аргументовъ, но и въ томъ, что оно до сихъ поръ еще никому не приходило въ голову. Сикулы, принужденные съ своими каменными топорами всюду отступать передъ нахлынувшими въ Среднюю и Южную Италію вѣтвями умбро-сабелло-латинскаго племени, въ распоряженіи которыхъ были и бронзовый мечъ, и боевой топоръ, такъ называемый у сѣверныхъ археологовъ палыштабъ, и конья съ бронзовыми наконечниками, и кинжалообразные ножи изъ того же металла, здѣсь въ первый разъ столкнулись съ бронзовой культурой, слабые слѣды которой они принесли съ собой и на островъ Сицилію, и до нѣкоторой степени успѣли познакомиться съ языкомъ своихъ побѣдителей. Мы не знаемъ, сколько времени тянулся этотъ періодъ отношеній отступающаго племени къ наступающему, но позволительно думать, что онъ не былъ слишкомъ коротокъ. Могли пройти десятки лѣтъ прежде, чѣмъ прежніе обладатели Лаціума, отступая, останавливаясь и защищаясь, дошли до Сицилійскаго пролива. А этого было достаточно, чтобъ узнать много названий предметовъ изъ языка противниковъ, превосходившихъ ихъ степенью культурнаго и гражданскаго развитія. Характеръ отношеній не допускалъ какого-либо болѣе глубокаго вліянія италиковъ на прогоняемыхъ ими инородцевъ, да и кромѣ того, для вліянія на вѣрванія, нравы и обычай требуется болѣе или менѣе мирное сожитіе, и притомъ продолжительное; но термины чужаго языка усвоиваются при всякомъ столкновеніи, и потому не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, если сикулы принесли съ собой на лежащій за проливомъ большой островъ не мало словъ, заимствованныхъ во время своего злополучнаго странствованія отъ береговъ Тибра къ южной

¹⁾ А. Р. I, 22.

²⁾ VI, 2.

оконечности полуострова. Мы не хотимъ этимъ сказать, что всѣ латинскія слова, вошедшія въ обиходъ сицилійскихъ грековъ, принадлежатъ сикуламъ, а лишь отмѣчаемъ фактъ, — не только возможный, но и несомнѣнный. если есть сколько-нибудь правды въ сказаніяхъ о переселеніи сикуловъ изъ Италіи на островъ Сицилію, — съ которыми въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи сикуловъ нельзя не считаться.

Остатки такъ называемаго языка сикуловъ, сохранившіеся у греческихъ сицилійскихъ писателей, или передаваемыхъ, какъ сицилійскія слова, латинскими писателями, и терминологія въ сицилійской монетной системѣ, равно какъ въ системѣ мѣръ и вѣсовъ, это, по мнѣнію нѣкоторыхъ, такія свидѣтельства принадлежности сикуловъ къ италійскому племени и даже тождественности ихъ съ латинянами, что эта принадлежность и эта тождественность черезъ эти свидѣтельства становятся очевидными. Такъ у насъ разсуждалъ въ своей диссертациіи Э. Э. Соколовъ ¹⁾, такъ въ европейской ученой литературѣ, не говоря о прежнемъ времени, еще недавно разсуждали наиболѣе авторитетные историки Сициліи, каковы Гольмъ ²⁾ и Фриманъ ³⁾. Но всѣ эти мнѣнія были составлены въ такое время, когда археологія еще не дала никакихъ или по крайней мѣрѣ достаточныхъ данныхъ для представленія о томъ, что такое были поселившіеся на островѣ сикулы. Поэтому странно, что Гольмъ удержалъ и въ итальянскомъ изданіи своего труда свое прежнее мнѣніе о близкомъ родствѣ сикуловъ съ римлянами; но, быть можетъ, еще страннѣе то, что подобное мнѣніе рѣшился, слѣдуя за Фриманомъ, высказать г. Жоржъ Перро въ статьѣ, на которую мы раньше указывали, въ статьѣ, въ которой онъ именно разбираетъ добытый Орси археологическій матеріалъ, признавая за нимъ всю его необыкновенную важность. Въ высокой степени удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ археологъ, кото-

¹⁾ Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи, стр. 70—71. „Это мнѣ кажется неопровержимымъ“; „они (сикулы) были коренные италики“; „такой выводъ совершенно подтверждается остатками языка сикуловъ“: въ такихъ выраженіяхъ авторъ закрѣпляетъ свою теорію.

²⁾ Storia della Sicilia nell'antichità, перев. съ нѣмецкаго подъ руководствомъ автора. Vol. I, (Torino, 1896), p. 144. „Essi erano affini di razza coi Romani; ne abbiamo una prova schiacciante nei pochi resti, che possediamo della loro lingua“.

³⁾ Geschichte Siciliens. Deutsche Ausgabe von Bernh. Lupus I (Leipzig, 1895), p. 107, 115, 117, 431—434, 455—457. „Die Sikelersprache erkläre ich ohne Bedenken für lateinisch oder wenigstens für nicht mehr verschieden vom Lateinischen, als eine griechische Mundart von der anderen war“ (p. 431).

рому древнѣйшіе памятники жизни сикуловъ на островѣ представили этотъ народъ еще съ культурой каменнаго вѣка ¹⁾), могъ счесть сикуловъ способными развить денежную систему, характеръ и терминологія которой потомъ была будто бы *отъ нихъ* заимствована сицилійскими греками. Въ тотъ періодъ, когда у сикуловъ не было еще никакихъ денегъ, ихъ заставляють не только имѣть монетную единицу, равняющуюся фунту мѣди, но и дѣлить ее на 12 частей (unciae) со всеми посредствующими подраздѣленіями этой единицы: decunx, semis, quincunx, triens, quadrans, sextans. То, что было едва по плечу римлянамъ ко времени законовъ XII таблицъ, возводять къ варварамъ каменнаго или полукаменнаго вѣка, передавшимъ будто бы потомъ всю эту систему мѣръ и вѣсовъ греческимъ колонистамъ, которые будто бы и образовали на *сицилійскій* ладъ свои: λίτρα, δεῦξιον, ἡμιλίτρον, πεντόξιον, τετράς, τριάς, ἑξάς, οὐχία. „Я принимаю, говорить Фриманъ ²⁾), что сицилійскіе греки систему вѣсовъ заимствовали непосредственно отъ своихъ сосѣдей сикеловъ“. Но смѣлость такого заявленія показала ему самому чрезмѣрною, коль скоро онъ вслѣдъ за этимъ счелъ нужнымъ оговориться: „Конечно, можно предполагать и какой-нибудь болѣе далекій обходъ“. Что хотѣлъ авторъ этою оговоркою сказать, въ точности неизвѣстно; но онъ дѣлалъ ее напрасно, такъ какъ приэтомъ заявляетъ, что его „предположеніе, безъ сомнѣнія, есть самое естественное“. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Главное заключается въ томъ, что *латинскія*, то-есть *сикельскія* (?) вѣсовыя названія перешли въ греческій языкъ“. Нельзя однако сквозь эти утвержденія не видѣть, что Фриманъ дѣлалъ ихъ не безъ внутренняго колебанія; такому свѣтлому уму, какимъ онъ былъ одаренъ, не могла не быть замѣтна въ нихъ недостаточность серьезной подкладки, тѣмъ больше, что онъ не встрѣчалъ для нихъ поддержки ни у древнихъ (знаменитый Варронъ ³⁾) и Поллукъ ⁴⁾), греческій лексикографъ конца II-го столѣтія до Р. Хр.

¹⁾ Мы замѣчали, что г. Перро дѣлаегь ошибку, отступая отъ Орси, установившаго энеолитическій періодъ уже въ первой стадіи жизни сикуловъ на островѣ.

²⁾ Lib. cit. p. 455.

³⁾ De lingu. lat., V, 173: In argento nummi: id ab Siculis (то-есть отъ сицилійскихъ грековъ).

⁴⁾ Όνομαστ., IX, 80 (въ примѣчаніи къ отрывку комедіи Дифила): ὁ δὲ νοῦμος δοκεῖ μὲν εἶναι Ῥωμαίων τοῦνομα τοῦ νομίσματος, ἐστὶ δ' Ἑλληνικὸν καὶ τὸν ἐν Ἰταλίᾳ καὶ Σικελίᾳ Δωριέων. Въ доказательство приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Эпихарма сицилійскаго комика VI—V столѣтія до Р. Хр., гдѣ употребляются не только νομος (νοῦμος) и λίτρα, но и ἡμιλίτρον и πεντόξιον. Мѣста приведены у Фримана, p. 456 нѣм. изд.

римскую монетную систему прямо выводила изъ Сициліи), ни у Бента 1), который, въ согласіи съ древними, выводилъ названія и виды римскихъ монетъ отъ дорическихъ колоній Сициліи и Италіи. Но вовсе никакого колебанія не чувствовалъ, слѣдуя Фриману, г. Жоржъ Черро 2), когда онъ говорилъ: „les mots (названія монетъ и соотвѣтствующія имъ названія частей вѣса), qui appartiennent au plus vieux fond de la langue du Latium, les colons grecs de l'île ne les ont pas empruntés aux Romains, avec lesquels ils n'ont pas eu (?) de relations suivies avant le III siècle. Au contraire, dès le jour où ils s'étaient établis en Sicile, ils s'étaient trouvés en contact quotidien avec les Sikèles; ils avaient été conduits à leur faire certains emprunts... et surtout les noms de poids et de leur multiples“ etc. Еще разъ повторяемъ, что заявленія подобнаго рода, особенно со стороны археолога, знакомаго съ послѣдними данными сицилійскихъ раскопокъ, поразительны по своей необдуманности.

Чтобы сикулы, пришедшіе на островъ съ каменными орудіями и нѣсколькими бронзовыми украшеніями въ родѣ бусъ, развили у себя систему бронзоваго вѣса и монетъ, какая потомъ была принята въ Сиракузахъ и какую мы видимъ въ Римѣ, это невѣроятно и невозможно. Такая система могла образоваться въ странѣ, гдѣ мѣдь и бронза были съ незапамятныхъ временъ принадлежностью культуры, какова была Италія со времени утвержденія въ ней умбро-сабелло-латинскаго племени. Если допустить, что италійскій фунтъ (libra) и основанная на немъ монетная единица (as) развились въ извѣстную намъ опредѣленную систему еще до греческой колонизаціи въ южной Италіи и на Сициліи, то для того, чтобы потомъ эта система со всѣми ея подраздѣленіями и названіями могла быть передана сикулами поселившимся на ихъ островѣ грекамъ, необходимо припятъ, что въ періодъ привоза на этотъ островъ сосудовъ микенскаго и динилонскаго стила происходили между Сициліей и Италіей дѣятельныя торговыя сношенія, сдѣлавшія тамъ вѣсовую и мѣдно-монетную систему италиковъ ходячею. Но о какихъ бы то ни было дѣятельныхъ сношеніяхъ между странами, раздѣленными сицилійскимъ (нынѣ мессинскимъ)

1) Phalaris, p. 474: It appears then from the whole account, that the ancient Romans had all their names and species of money from the Dorians of Sicily and Italy, and continued every word in its original sense. Цитата приведена у Фримана, p. 457 нѣм. изд.

2) *Revue des deux mondes*: 1-c Juin 1897, p. 599.

проливомъ, мы не знаемъ и въ археологическомъ матеріалѣ осязательныхъ слѣдовъ тому не находимъ. Для такого рода сношеній требовалось, чтобы то и другое населеніе вело морскую торговлю; но торговля въ этой части Средиземнаго моря развилась только со времени утвержденія тамъ греческихъ колоній, вступившихъ въ конкуренцію съ стремившимися утвердиться на Сициліи и въ разныхъ пунктахъ западнаго побережья Апеннинскаго полуострова финикіянами и этрусками. Слѣдовательно для того, чтобы ввести среди сицилійскаго населенія италійскій фунтъ и ассъ съ ихъ подраздѣленіями, требовалось посредство грековъ. Это и случилось, когда сиракузы ввели у себя и распространили въ большей части греческихъ колоній на островѣ литру съ ея подраздѣленіями, выше нами указанными. Въ виду прочной прививки этой системы на островѣ Моммзенъ въ своей Исторіи римской монеты ¹⁾, считалъ возможнымъ допустить, что, быть можетъ, система вѣсовъ и мѣдныхъ денегъ уже была вполне развита у „автохтоновъ“ Сициліи и что греческіе колонисты только слили съ всю драхмовую систему, привезенную ими съ родины. Само собою разумѣется, что онъ этихъ „автохтоновъ“ называетъ людьми „италійскаго племени“. Но уже въ 3-мъ изданіи своей „Римской Исторіи“ слѣдовавшемъ непосредственно за трудомъ о римской монетѣ, онъ молча отказывается отъ этого предположенія, приписывая связь римской вѣсовой и монетной системы съ сицилійскою прямо торговымъ сношеніямъ римлянъ съ греческими колоніями Сициліи ²⁾. По мнѣнію знаменитаго ученаго здѣсь былъ взаимный обмѣнъ понятій и названій. „Какъ, говорить онъ ³⁾, мѣстное дорійско-халкидское обозначеніе серебряной монеты νόμος и сицилійская мѣра ἡμίνα перешли въ Лациумъ въ видѣ *nummus* и *hemina* въ томъ же значеніи, такъ, наоборотъ, италійскія вѣсовыя обозначенія *libra*, *triens*, *quadrans*, *sextans*, *uncia*, которыя возникли въ Лациумѣ для вымѣриванія служившей вмѣсто денегъ по вѣсу мѣди, вошли въ испорченныхъ и гибридныхъ формахъ *λίτρα*, *τετράς*, *τριάς*, *ἑξάς*, *ὀβύχια* еще въ третьемъ столѣтіи города въ общее употребленіе въ Сициліи“. При этомъ Моммзенъ не сомнѣвается, что италійскіе мѣдные слитки въ древнѣйшее время ходили въ Сициліи какъ монета, изъ чего онъ выводитъ заключеніе, что латинская торговля съ Сициліей имѣла пассивный характеръ, сообразно съ кото-

¹⁾ Geschichte des Römischen Münzwesens (Berlin, 1860), p. 83.

²⁾ Römische Geschichte, 8-е, Aufl. I (Berlin, 1861), p. 198.

³⁾ Ibidem.

римъ „латинскія деньги утекали въ Сицилію“¹). Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ нѣтъ уже и тѣни предположенія о сиккулахъ, какъ источникѣ происхожденія литровой системы у сицилійскихъ грековъ. Источникомъ этой денежной системы у сицилійскихъ грековъ послужили оживленныя сношенія Сиракузъ съ Лаціумомъ въ очень древнюю эпоху. Чеканка денегъ въ Сиракузахъ началась въ концѣ втораго столѣтія Рима²), но ясно, что сама новая система, по которой въ Сиракузахъ стали чеканиться монеты, къ этому времени получила уже право гражданства въ Сициліи, что предполагаетъ уже развитіе сношеній съ мѣстами, гдѣ дуодецимальная система вѣсовъ и мѣръ была у себя на родинѣ. Мы знаемъ, что въ началѣ V столѣтія до Р. Хр. были уже оживленныя сношенія между Римомъ и Сициліей по вывозу изъ послѣдней хлѣба. По случаю голода, вызваннаго, по сообщенію римскихъ историковъ³), удаленіемъ плебеевъ на священную гору, вслѣдствіе чего поля остались необработанными, сиракузскій тиранъ Гелонъ прислалъ даже въ 492 (262 Рима) римлянамъ значительное количество хлѣба въ подарокъ. Можно оспаривать въ этомъ случаѣ вѣрность сообщенія, какъ относящагося къ извѣстному году и выставляющаго извѣстный поводъ къ посылкѣ въ Сицилію за хлѣбомъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать указываемаго этимъ сообщеніемъ самаго факта раннихъ сношеній Рима съ Сициліей⁴). Годомъ раньше этого событія былъ въ Римѣ посвященъ⁵) близъ большого цирка храмъ Церерѣ, при постройкѣ котораго участвовали греческіе ваятели и живописцы Дамофилъ и Горгасъ⁶), повидному, изъ Гимеры, колоніи Халкидянъ изъ Занклы и части Сиракузянъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе раннее вліяніе сиракузской архитектуры на римскую, именно въ постройкѣ городской стѣны, приписываемой Сервію Туллию, въ кладкѣ правильно обтесанныхъ параллелипедовъ попеременно рядами головой и бокомъ⁶), какіе виды и до сихъ поръ въ сохранившихся остаткахъ.

¹) Geschichte des Röm. Münzw., p. 70 и 81.

²) Liv. II, 34; Dionys. VII, 1; VIII, 70.

³) Данныя о сношеніяхъ Рима съ Сиракузами во время Гелона собраны у Пинса въ статьѣ: „Gli elementi sicelioti ed italoti nella più antica storia di Roma“, въ *Studi Storici* II (Pisa, 1893), которой впрочемъ у насъ въ рукахъ не было.

⁴) Tac. Ann. II, 49; Dionys. VI, 17; 94.

⁵) Plin. N. H. XXXV, 45, 154.

⁶) См. въ послѣднемъ выпускѣ (fasc. 3, Luglio—Settembre, 1897), *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, статью г. Джованни Пинца „Sulle mura Romane, attribuite all' epoca dei re“, p. 255 и 259 слѣд.

При оживленныхъ сношеніяхъ, какія рано возникли между Латіумомъ и греческими колоніями на Сициліи, особенно Сиракузами, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ языкъ сицилійскихъ грековъ вошло не мало словъ латинскихъ, а въ латинскій языкъ еще больше греческихъ, по преимуществу въ дорійской формѣ. Въ первомъ случаѣ: сюда прежде всего относится слово *lepus* (заяць), о которомъ Варронъ ¹⁾ говоритъ: „*Lepus, quod Siculi quidam Graeci dicunt λέπορος*“. Приводя это заимствованіе будто бы отъ сикуловъ, Фриманъ ²⁾ смущенъ однако тѣмъ обстоятельствомъ, что, по замѣчанію Поллука ³⁾, зайцевъ въ Сициліи до прибытія туда Анаксилая изъ Регіи, то-есть до начала V вѣка до Р. Хр., не было, и потому считаетъ возможнымъ, что сицилійскіе греки заимствовали слово *λέπορος* не отъ сицилійскихъ сикуловъ, а отъ италійскихъ. Это, конечно, возможно: только почему же непременно отъ сикуловъ, хотя бы и италійскихъ, а не отъ осковъ или латинянъ?.. Далѣе, изъ торговыхъ отношеній между латинскими и сицилійскими греками вошло у послѣднихъ въ юридическій обиходъ слово *μῶτον*, происшедшее изъ латинскаго *mutuum*. Оно вошло даже въ одну изъ комедій сиракузскаго мимографа (V столѣтія до Р. Хр.) Софрона, какъ объ этомъ мы узнаемъ также изъ Варрона ⁴⁾. „*Si datum quod reddatur, mutuum, quod Siculi μῶτον; itaque scribit Sophron: μῶτον ἀνθύμω*“. Также точно въ сицилійскій языкъ вошло слово *carcer* въ формѣ *κάρκαρον* ⁵⁾. Моммзепъ ⁶⁾ обращеніе въ языкъ сицилійскихъ грековъ словъ *mutuum* и *carcer* объясняетъ „частымъ пребываніемъ на островѣ латинскихъ мореходцевъ, которымъ приходилось тамъ занимать деньги и сидѣть за неплатежъ ихъ въ тюрьмѣ“: предположеніе остроумное и не лишнее пр.: подобія. Но сицилійцы не остались въ долгу, взявши у римлянъ слово *carcer*: они подарили имъ свое *λατομία*, давшее, на память о знаменитой тюрьмѣ сиракузскихъ каменоломенъ, римской государственной тюрьмѣ названіе *lautumiae*. Рядомъ съ этимъ въ языкъ сицилійскихъ грековъ попали нѣкоторыя латинскія слова, обозначающія виды столовой посуды, именно *catinus* и *patina*. Употребленіе перваго

¹⁾ De lingu. lat. V, 101.

²⁾ Op. cit., p. 481.

³⁾ V, 75.

⁴⁾ De l. l. V, 179.

⁵⁾ Phot. Lex., p. 132, 2.

⁶⁾ Röm. Geschichte, I, p. 157 3-го изд.

въ формѣ *κρίνον* отмѣчено Варрономъ ¹⁾ а другое въ формѣ *κατίνα* или *κατίνον* указывается, какъ употребленное Софрономъ, у Поллука ²⁾. Но безъ всякаго сомнѣнія не отъ римлянъ было заимствовано названіе одной изъ сицилійскихъ рѣкъ *Гѣла* или *Гѣлас* (нынѣ *Fiume di Giozzo*), по имени которой былъ названъ и городъ Гела, основанный при ея устьи колонистами изъ Родоса и Крита въ 689 г. до Р. Хр. Стефанъ Византійскій ³⁾ названіе этой рѣки приписываетъ тому обстоятельству, что она „порождаетъ много иней“, а иней, продолжаетъ онъ, „на языкѣ опиковъ и сикуловъ называется *γέλα*“. *Гѣла* имѣетъ видимое сродство съ латинскимъ *gelu*, которое значитъ впрочемъ не иней (*πάχυνη*) а ледяной холодъ, морозъ, какъ и самый ледъ. Названіе рѣки очевидно принадлежитъ туземцамъ, то-есть сикуламъ, которые принесли это слово изъ Италіи. Если оно не принадлежало также языку ихъ племени, не латинскаго, то было заимствовано ими у народовъ италійскаго племени, съ которыми сикулы нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время были въ сопряженіи. Но выводить изъ этого слова общность языка сикуловъ съ языкомъ италиковъ нѣтъ никакого основанія. Если греки заимствовали слова у латинянъ, то раньше ихъ могли заимствовать и сикулы. Интересно и характеристично при этомъ то, что она въ данномъ случаѣ заимствовали не какое-либо слово культурнаго быта, для чего у нихъ въ тотъ отдаленный періодъ не было достаточной восприимчивости, а слово, или выражавшее собой физическое ощущеніе, которое при холодномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, дующемъ съ Апеннинъ, *tramontana*, они испытывали одинаково съ своими противниками, или обозначавшее самый предметъ, служившій видимымъ выраженіемъ наступившаго холода и по своей рѣдкости въ тѣхъ мѣстахъ вызывающій невольное восклицаніе. Извѣстно, что ничто такъ при встрѣчѣ людей не просится на языкъ, какъ заявленіе о теплой или холодной погодѣ. Такъ какъ слова *жаръ* и *холодъ* въ обществѣ часто повторяются, то легко могутъ быть усваиваемы людьми другаго языка, ихъ слышавшими ⁴⁾. Слѣдовательно, и сикульское названіе рѣки сло-

¹⁾ De l. l. V, 120: Ubi pultem aut jurulenti quid ponebant, а capiendo *κατίνον* nominarunt, nisi quod Siculi dicunt *κρίνον*, ubi assa ponebant.

²⁾ VI, 13, 90; X, 24, 107.

³⁾ Ноуъ словомъ *Γέλα*:... καλεῖται ἀπὸ ποταμοῦ Γέλα, ὃ δὲ ποταμὸς, ὅτι πολλὴν *πάχυνη γεννᾷ*. ταύτην γὰρ τῇ Ὀπικῶν φωνῇ καὶ Σικελῶν γέλαν λέγουσιν.

⁴⁾ Мы, впрочемъ, разсуждаемъ такъ много по поводу слова *gelu* лишь потому, что придаемъ серьезное значеніе объясненію Стефана Византійскаго относительно названія рѣки Гелы. Но вотъ Павсъ (*Storia della Sicilia etc.*, I, p. 112) смѣется

вомъ италійскаго корня не даетъ серьезнаго повода къ тому, чтобы считать языкъ этого народа принадлежащимъ къ италійской семьѣ. Наконецъ, нѣкоторые слова были принесены въ Сицилію не сикулами и не латинянами, а осками или самнитами изъ Кампаніи, которые въ концѣ V столѣтія появились на островѣ въ качествѣ наемныхъ солдатъ, нанятыхъ греками халкидскихъ колоній въ пользу аонянъ, когда эти послѣдніе осаждали Сиракузы (412—411 гг. до Р. Хр.). На это обстоятельство обращаетъ вниманіе Пансъ¹⁾, который къ этому замѣчаетъ: „О вліяніи ихъ (то-есть, наемныхъ кампанскихъ солдатъ) на языкъ Сициліи во время Діонисія мы имѣемъ важное извѣстіе въ восьмомъ изъ приписываемыхъ Платону писемъ, § 353, гдѣ сказано, что греческій языкъ во всей Сициліи оставленъ и замѣненъ языкомъ финикіяня или осковъ (Φοινίκων ἢ Ὀσκήων)“. Это гиперболическое выраженіе указываетъ на то, что на островѣ Сициліи, послѣ упроченія на немъ греческой колонизаціи, чувствовалась близость Италіи, съ которою началось живое общеніе, столь естественное при такомъ географическомъ положеніи.

Языкъ народа, не оставившаго по себѣ письменныхъ памятниковъ, познается до нѣкоторой степени изъ сохранившихся названій его мѣстъ, городовъ, божествъ, выдающихся дѣятелей и т. п. Къ этому средству прибѣгаютъ и нѣкоторые изъ ученыхъ, видящихъ въ Сикулахъ отрасль италійскаго племени. Но если вообще съ этимологіей названій слѣдуетъ обходиться осторожно, то въ вопросѣ о названіяхъ, принадлежащихъ Сикуламъ, слѣдуетъ двигаться еще осторожнѣе. Дѣло въ томъ, что названія, напримѣръ, городовъ Сикуловъ извѣстны намъ лишь въ той формѣ, въ какой ихъ передали греческіе и латинскіе писатели, которые имѣли склонность придавать чужимъ названіямъ свою форму, нисколько не заботясь о точности выраженія туземнаго произношенія. Таковы приводимыя новыми учеными названія городовъ: Моргантія (Μοργάντιον у Страбона)²⁾, названіе, съ ко-

надъ этимологіей византійскаго лексикографа, говоря, что ее нельзя брать серьезно во вниманіе, когда дѣло касается рѣки, „расположенной въ самой жаркой и подверженной палающимъ лучамъ солнца половѣ острова“. Почтенный ученый не знаетъ, что такое положеніе рѣки не мѣшаетъ быть водѣ ей на самомъ дѣлѣ холоднѣе другихъ рѣкъ Сициліи. Тутъ дѣйствуютъ не географическія, а другія причины.

¹⁾ Storia della Sicilia etc., I, p. 112, прим. 1.

²⁾ VI, 1, 6 (p. 257 C). Страбонъ производитъ имя города отъ Моржетовъ, южно-италійскаго народа, принадлежавшаго къ энотрамъ и считавшагося Антиохомъ Сиракузскимъ (Dionys. I, 12) за одно съ Сикулами.

торымъ естественно сравнивается *Murgantia* въ Самніѣ ¹⁾; Галарина (*Γαλάρινα*) у Стефана Византійскаго ²⁾, съ которою ставятъ въ связь римскую *tribus Galeria* ³⁾; Сергетій или Эргетій (*Sergetium*, у Птолемея ⁴⁾ *Σεργέτιον*, обыкн. *Ergetium*) напоминаетъ, по мнѣнію Паяса ⁵⁾, не только *Ergetium* въ Апуліи ⁶⁾, но и троянскаго героя *Sergestus*, отъ имени котораго *Virgilius* ⁷⁾ производитъ имя рода Сергіевъ; Пезть (*Νέητον* у Птолемея ⁸⁾, у латинскихъ писателей ⁹⁾ *Нэтъ*, напоминаетъ, по Паясу ¹⁰⁾, Страбонъ ¹¹⁾ *Νήτιον* въ Апуліи; Касмены (*Κασμέναι* у Фукидида) ¹²⁾ или Касмена (*Κασμένη* у Геродота) ¹³⁾, напрашивается будто бы на сравненіе съ названіемъ у латинянъ музъ *Casmenae* ¹⁴⁾, а отсюда съ *сагмен* и *Sarmenta*, что и дѣлаетъ Паясъ ¹⁵⁾, прибавляя къ тому еще *Самесес*, имя мненческаго царя Италіи, управлявшаго вмѣстѣ съ Яномъ; наконецъ, Камарина (*Καμάρινα*), куда выведена была колонія Сиракузянами ¹⁶⁾, но, какъ сикульскій городъ, является и въ *Энеидѣ* *Virgilius* ¹⁷⁾ рядомъ съ Гелой и напоминаетъ собой, по Паясу ¹⁸⁾ древній латинскій городъ Ка-

¹⁾ Упомянуется у Ливія: X, 17. Паясъ ставитъ *Моргантий* Страбона и *Мургантию* въ Самніѣ въ связь съ латинскимъ именемъ *Магуса*, ссылаясь при этомъ на Моммзеново сопоставленіе въ мессапскихъ надписяхъ *Μορκος—Μαγυς* (*Unterit. Dialekte*, p. 81 и 84).

²⁾ Подъ словомъ: *Γαλάρινα*: πόλις Σκελίας κτίσμα Μόργου Σκελοῦ. λέγεται καὶ Γαλάρινα χώρα. Θ. Θ. Соколовъ приводитъ этотъ городъ въ форѣ Галарія; Паясъ тоже: *Galarina*. Форму эту даетъ Діодоръ: XVI, 67; XIX, 104.

³⁾ Это, дѣйствительно, одна изъ древнѣйшихъ римскихъ сельскихъ трибъ. См. у Моммзена въ *Römisches Staatsrecht*, III, p. 168; по связи ея названія съ городомъ Галарина въ Сициліи очень проблематична.

⁴⁾ III, 4, 13.

⁵⁾ *Storia della Sicilia etc.*, I, p. 113, примѣч. 2.

⁶⁾ См. у Моммзена въ *C. I. L.* IX, p. 24.

⁷⁾ *Аен.*, V, 121.

⁸⁾ IV, 3, 66, у Діодора XXIII, 5: *Νεακτίνοι*.

⁹⁾ *Cic. in Verr.*, IV, 26; V, 51. *Sil. Ital.* XIV, 268. *Plin. N. H.* III, 8, 91:

Netini.

¹⁰⁾ *Op. cit.*, p. 113, примѣч. 3.

¹¹⁾ VI, 3, 7, p. 282. У Плинія *N. H.* III, 11, 105: *Netini.*

¹²⁾ VI, 5.

¹³⁾ VII, 155.

¹⁴⁾ *Fest. ed. M.* p. 205: *Casmenas dicebant pro Camenis.*

¹⁵⁾ *Op. cit.*, p. 113, примѣч. 4.

¹⁶⁾ *Thucid.* VI, 5; *Herod.* VII, 154.

¹⁷⁾ *Аен.* III, 701.

¹⁸⁾ *Op. cit.*, p. 113, примѣч. 5.

мерію, основанный, по Діонисію ¹⁾, албанскими колонистами за долго до Рима, а когда-то, прибавляетъ послѣдій, это было очень видное мѣстопребываніе Аборигеновъ.

Что же даютъ все эти названія городовъ для теоріи родства Сикуловъ съ италиками? Даютъ очень мало. Во-первыхъ, это сходство названій сицилійскихъ мѣстностей съ италійскими мѣстностями или съ латинскими словами не говоритъ еще непремѣнно въ пользу тождества корней для того и другаго названія. Такъ Камарина и Камерія такъ же могутъ быть названіями родственными, какъ и совершенно чуждыми другъ другу. Камара былъ городъ на сѣверномъ берегу Крита, Камаракъ (Самгагасит) городъ въ бельгійской Галліи (нын. Самбрау), Камари островъ въ Черномъ морѣ, нын. Камаранъ, Самгаг было древнее названіе города Клузія въ Этруріи, теперь называются Камаринами двѣ провинціи на о — въ Люссонѣ, одномъ изъ филиппинскихъ; далѣе у грековъ было *κάραρα*, сводчатая крыша. и *κάραρος* (*κάραρος*), морской ракъ и т. д. Сколько изъ приведенныхъ названій ближе къ сикульскому городу Камарина, чѣмъ латинскій городъ Самегіа! На какомъ основаніи мы можемъ думать, что островъ Камари (Камаранъ) въ Черномъ морѣ и сицилійскій городъ Камарина менѣе родственны между собой, чѣмъ Камарина и Камерія? При ближайшемъ знакомствѣ съ происхожденіемъ Сикуловъ мы, быть можетъ, и нашли бы, что между этимъ островомъ и Камариной есть очень близкая связь. Во-вторыхъ, мы считаемъ не только возможнымъ, но и естественнымъ, что названія нѣкоторыхъ изъ сикульскихъ городовъ были прямо перенесены этимъ народомъ изъ мѣсть его прежняго обитанія, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ съ переселяющимися народами. Мы, такимъ образомъ, могли бы сказать, что Сикулы, древнѣйшіе обитатели Лаціума, перенесли отсюда на о. Сицилію названіе города Камеріи, если бы мы и тамъ встрѣтили не Камарину, а именно Камерію, о которой, какъ мы видѣли, Діонисій замѣчаетъ, что этотъ городъ былъ во время оно мѣстопребываніемъ Аборигеновъ ²⁾. Намъ неизвѣстно блужданіе Сикуловъ по Ита-

¹⁾ А. Р. II, 50 въ концѣ.

²⁾ Правда, Діонисій (1, 22) считаетъ Аборигеновъ виновниками изгнанія Сикуловъ изъ Лаціума, и названіе Камеріи ихъ мѣстопребываніемъ нельзя считать за какуюнибудь историческую истину. У историка было въ рукахъ лишь преданіе о глубокой древности этого города. Къ этому нужно прибавить, что Діонисій колеблется въ названіи этого города Лаціума и въ V, 49, видѣлъ его въ формѣ Камарина, такъ какъ жителей ея называетъ дважды *Καμαρινάιοι*.

ли со времени изгнанія ихъ изъ Лаціума до переправы на островъ, и мы не знаемъ, заходили ли они въ Апулію, но ихъ городъ Нетъ или Неэтъ (поздн. *Noto*) былъ названъ, по всей вѣроятности, по имени Апулійскаго города того же имени, переданномъ у Страбона въ формѣ *Nήτων*. Только вопросъ: какому народу принадлежитъ названіе этого апулійскаго города? Не лигурамъ ли, которые такъ были распространены по Апеннинскому полуострову? Въ-третьихъ, мы должны имѣть въ виду, что сходство именъ въ городахъ очень опасная вещь для заключенія о тождествѣ народа оставившаго ихъ въ томъ и другомъ мѣстѣ. Если судить по множеству сходныхъ, иногда тождественныхъ, названій, городовъ и мѣстностей въ древней Испаніи и въ Италіи, названій приведенныхъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ въ его трудѣ объ языкѣ басковъ ¹⁾, то Италія отъ сѣвера до юга была въ древнѣйшее время населена Иберами. Такъ на Пиринейскомъ полуостровѣ встрѣчаются города: *Agitium* (въ Италіи Ареццо, также родовое имя *Aretii*), *Iria* (*Iria* въ Лигуріи рѣка и городъ), *Urium* (*Uria* въ древн. Калабріи, *Urium*, гавань въ Апуліи), *Astura* рѣка, *Astures*, *Asturia* (*Astura* рѣка въ Лаціумѣ и *Astura* городъ въ Лаціумѣ), *Asta*, *Astigi* въ *Hispania Baetica* (*Asta*, нын. Асти въ Пиемонтѣ), *Norba* (*Norba*—вольскій городъ въ Лаціумѣ, мѣстечко въ Апуліи), *Basti* въ Тарраконской Испаніи (Басти—городъ Салентиновъ въ Калабріи), *Subur* гавань на Балеарскомъ морѣ (*Suburga*, кварталъ въ Римѣ), *Oscia* въ Тарраконской Испаніи (*Osci*, Оски, имя народа въ Италіи) и т. д. Мы не можемъ здѣсь войти въ ближайшее изслѣдованіе вопроса о племенномъ отношеніи иберовъ къ италикамъ, отношеніи, какъ мы увидимъ потомъ, очень далскомъ; но самое естественное заключеніе изъ этого сходства названій городовъ и мѣстностей на обоихъ полуостровахъ должно быть или то, что народы, населявшіе въ доисторическое время оба полуострова были близки по племени, чего между италиками и иберами не было, или то, что народъ жившій на Пиринейскомъ полуостровѣ, былъ когда-то распространенъ и на Апеннинскомъ, или, наконецъ, то, что иберы были близки къ тому населенію Италіи, которое предшествовало италикамъ, и имѣли тамъ наибольшее распространеніе, каковы были Лигуры. Мы здѣсь этого вопроса не рѣшаемъ, но надѣемся, что указаніемъ параллели древнѣйшихъ географическихъ названій Иберійскаго полуострова съ названіями Апен-

¹⁾ Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelt der Vaskischen Sprache. Berlin, 1824.

нинскаго, какъ и указаніемъ возможныхъ изъ нея выводовъ, мы до нѣкоторой степени поколебали мнѣніе тѣхъ, которые думали или думаютъ изъ сходства въ названіяхъ городовъ Италіи съ сикульскими поселеніями на о. Сициліи вывести заключеніе о принадлежности Сикуловъ къ одному племени съ италикками.

Наконецъ, мы можемъ допустить переселеніе на о. Сицилію въ до-историческое время какой либо части Ониковъ-Авзоновъ, то-есть, италиковъ южной части Апеннинскаго полуострова, которые хотя и слились тамъ съ болѣе кореннымъ населеніемъ, но все-таки оставили слѣды своего языка въ томъ или другомъ названіи. Строго говоря, въ предположеніи такой иммиграціи италійскихъ элементовъ въ періодъ между прибытіемъ на островъ Сикуловъ и основаніемъ финикіянами и греками на немъ колоній не имѣется надобности. Но трудно допустить, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій между островомъ и материкомъ, раздѣленными всего лишь узкимъ (въ 7-8 верстъ) проливомъ не происходило никакого сообщенія, никакого передвиженія въ населеніи. Орси ¹⁾ ставитъ вопросъ о новыхъ этнографическихъ элементахъ на островѣ, предшествовавшихъ прибытію грековъ и финикіянъ, для объясненія культурной перемѣны въ археологическомъ матеріалѣ некрополя Каstellуччо, имѣя въ виду ясныя влиянія съ восточной стороны Средиземнаго моря. Съ такимъ же, если не съ болѣе широкимъ, правомъ мы можемъ предполагать проникновеніе на Сицилію послѣ Сикуловъ этнографическихъ элементовъ съ Италійскаго полуострова. И нельзя сказать, чтобы преданія объ этихъ переселеніяхъ совершенно отсутствовали: таковы преданія о моргетахъ, жившихъ въ области Регіума, то-есть, на самомъ концѣ юго-западной части Италіи, и переселившихся черезъ проливъ на островъ, гдѣ они и основали городъ Моргантію. Конечно, преданія эти смутны до того, что этихъ моргетовъ какъ бы смѣшиваютъ съ Сикулами, и мы не можемъ на такихъ данныхъ строить никакихъ комбинацій; по все-же они служатъ свидѣтельствомъ представленій древнихъ о томъ, что сношенія этнографическихъ элементовъ южной Италіи съ сицилійскими не прекратились по удаленіи Сикуловъ. Новый приливъ этнографическихъ элементовъ съ полуострова на островъ въ теченіе этого долгаго періода склоненъ допустить и Пайсъ ²⁾, обращаясь къ факту подобныхъ передвиженій кампанскаго населенія туда „безъ значитель-

¹⁾ *Bullettino di paleontologia Italiana*, 1892 (A. XVIII), p. 84.

²⁾ *Storia della Sicilia etc.*, I, p. 144.

ныхъ промежутковъ“ въ послѣдующее за греческой колонизаціей время и дѣлая отсюда заключеніе, что то же самое могло происходить и раньше. Если же такой приливъ италійскаго населенія на о. Сицилію дѣйствительно происходилъ въ до-греческую и въ до-финикійскую эпоху, то съ нимъ приходили и элементы италійскаго языка, съ которыми намъ, говоря о Сикулахъ, по неволѣ приходится болѣе или менѣе считаться.

Впрочемъ, мы еще разъ должны сказать, что нѣкоторыя изъ названій, по виду совершенно латинскія, могутъ имѣть на самомъ дѣлѣ совсѣмъ другую этимологію. Сюда, безспорно, относится городъ Касмены (Κασμέναι и Κασμένη), основанный, какъ говоритъ Фукидидъ ¹⁾, Сиракузянами двадцатью годами позже Акръ, а Акры были ими основаны семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Сиракузь. Именъ городовъ и другихъ названій, начинающихся съ *Кас*, было не мало въ древности. Было мѣстечко *Casmonātes* (также названіе народа) въ Лигуріи ²⁾, былъ городъ *Κασκάτορος* на лѣвомъ берегу верхняго Инда, упоминаемый Геродотомъ ³⁾, и *Κασκάτορος*, упоминаемый Гекатеємъ ⁴⁾, *Cascantum* въ тарраконской Испаніи ⁵⁾, *Casria* въ азиатской Иберіи на лѣвомъ берегу Куры ⁶⁾ и много другихъ словъ простыхъ и сложныхъ ⁷⁾. По всей вѣроятности въ названіи *Casmene* мы имѣемъ дѣло со сложнымъ словомъ *Сас* и *шепѣ*. *Μεγαί* ⁸⁾ былъ сикульскій городъ къ югу отъ Герзѣйской гилы, столица знаменитаго вождя сикуловъ Дукетія, равно какъ и его родина ⁹⁾, а *cas*, очень распространенный корень, принадлежащій, по видимому, не однимъ индо-европейскимъ языкамъ, въ италійскихъ языкахъ значить *старый* (въ осскомъ *cas-naq*, въ лат. *cas-cus*). Корень этотъ, распространенный въ названіи городовъ и мѣстностей всякаго рода, отъ Инда черезъ Кавказъ до Испаніи включительно, могъ быть не чуждъ Сикуламъ и раньше и могъ быть ими усвоенъ отъ столкновенія съ италиками, и они могли сдѣлать изъ него знатеть къ ихъ старому городу или мѣсту, изъ котораго они вышли, чтобъ основать въ Герзейскихъ горахъ по-

¹⁾ VI, 5.

²⁾ Plin. III (7), 47.

³⁾ III, 102; IV, 44.

⁴⁾ Fragm. hist. Graec. (fr. 179) ed. Müll. Называется πόλις: Γενδαρτηή.

⁵⁾ Plin. III, 3 (4), 24 и на монетахъ.

⁶⁾ Tab. Peut.

⁷⁾ См. въ Энцикл. Науки.

⁸⁾ Ptol. III, 4, 13.

⁹⁾ Diod. XI, 88, 6.

вый городъ. Дукетіемъ были основаны въ 459 до Р. Хр. новыя Мезы, называемыя у Діодора ¹⁾ Μέγαλον. Такимъ образомъ за городомъ, куда была сиракузянами выведена, спусти 90 лѣтъ по основаніи Сиракузь, колонія, осталось названіе *Старыя* Мезы, данное-ли самими Сикулами, или греками, занявшими территорію стараго поселенія Сикуловъ. Мы сознаемъ, что давая такую этимологию городу Касмены, мы двигаемся на почвѣ не совсѣмъ твердой, но для насъ несомнѣнно, что такая этимологія гораздо естественнѣе, чѣмъ та, которая видѣть въ сиракузской колоніи латинское имя богини или богинь пѣнія и поэзіи, богинь, до представленія которыхъ самимъ латинянамъ было дойти не такъ легко, тѣмъ менѣе было свойственно называть такимъ именемъ свое древнее поселеніе Сикуламъ; во всего было бы страннѣе видѣть грековъ, дающихъ своей колоніи латинское названіе, если имя города Касмень принадлежитъ имъ, а не Сикуламъ. Наконецъ, невозможность признать въ городѣ Κασμένη (или Κασμένη) латинское слово Casmene открывается изъ того, что въ латинскомъ слогѣ *me* долгій, а въ греческомъ короткій. Между тѣмъ для Паиса ²⁾ не только Κασμένη и латинское Casmenae одно и то же, но и городъ Дукетія Μεγαί то же латинское названіе, такъ какъ съ его производной формой Μέγαλον стоитъ-де въ явной связи имя рода Мененіевъ и названіе одной изъ древнѣйшихъ сельскихъ трибъ въ Римѣ (tribus Menenia) ³⁾. Но не основательнѣе было бы въ данномъ случаѣ видѣть вліяніе сикульскаго языка на латинскій и слѣды пребыванія сикуловъ въ Лаціумѣ?

Къ италійскимъ словамъ въ языкѣ сикуловъ Паисъ относитъ еще названіе ихъ божествъ Паликовъ, сравнивая Παλιχοί съ Peligni, именемъ италійскаго народа, одинъ изъ героевъ-эпонимовъ котораго назывался Раелісисъ: сравненіе произвольное, на которомъ нѣтъ нужды и останавливаться. Ни у италійской мнѳологіи, ни у италійскихъ култовъ нѣтъ никакой связи съ Паликами. У Паиса, вообще говоря, трудолюбиваго и добросовѣстнаго ученаго, мы не въ первый разъ встрѣчаемъ стремленіе идти въ доказательствахъ дальше надлежащаго ⁴⁾. Это стремленіе къ излишеству въ доказательствахъ у Паиса

¹⁾ Diod. XI, 78, 5.

²⁾ Storia della Sicilia etc. I, p. 113, 114 примѣч. 3.

³⁾ См. у Момизена въ Röm. Staatsrecht, III, p. 168.

⁴⁾ См. мой разборъ его теорій о Коріолиановой легендѣ въ статьѣ „Поэзіи въ римской исторіи“, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ, 1897, стр. 36 слд.

проявляется и въ томъ, что онъ въ доказательство италійскаго происхожденія сикуловъ приводитъ городъ Сегесту. Но, во-первыхъ, Сегеста, по греческому правописанію, *Ἐγέστα* или *Αἴγυστα*, городъ не сикуловъ, а элимовъ, происхожденіе которыхъ представляетъ еще болѣе темный вопросъ, чѣмъ происхожденіе сикуловъ, а во-вторыхъ мы имѣемъ Сегесту на Лигурійскомъ берегу (нынѣ Сестри)¹⁾, другую въ Карніи²⁾, затѣмъ Сегестанцевъ (*Segestani*) въ Персидскомъ государствѣ³⁾, имѣемъ, наконецъ, Сегеста (*Segestes*) въ лицѣ одного херусскаго князька⁴⁾ въ Германіи; но ничего подобнаго въ Лациумѣ или среди вообще италійскихъ народовъ. Но самое важное то, что *Segesta* не можетъ происходить отъ *seges*, какъ это такъ яснымъ кажется Паису⁵⁾, а отъ *seges* можетъ быть *Segetia*, каковое и было имя богини посѣвовъ, одной изъ тѣхъ древнѣйшихъ латинскихъ богинь, относящихся къ земледѣлю, жертвенники и статуи которыхъ стояли у Большаго цирка въ Римѣ. Что же касается до имени *Segesta*, какъ имени богини, то, насколько оно упоминается у Плинія⁶⁾, оно есть искаженіе имени *Segetia*, дѣйствительно латинскаго имени богини, которою такъ „а *segetibus appellabant*“, по выраженію Плинія,—искаженіе, происшедшее отъ проникновенія въ римскую мифологію троянскихъ мифовъ, въ которыхъ одинъ изъ спутниковъ Энея былъ Акестъ, называемый иначе Эгестъ (*Αἴγυστος*)⁷⁾, сынъ Эгесты или Сегесты и сицилійскаго рѣчнаго бога Кримиса, *Trojanoque a sanguine clagus Acestes*, для котораго Энеемъ, по Діонисію⁸⁾, и былъ построенъ городъ Сегеста или Эгеста. При акклиматизаціи троянскихъ мифовъ въ Лациумѣ. благодаря давнимъ связямъ Рима съ Сициліей, имя Сегесты, созвучное съ *Segetia*, и могло иногда замѣнять имя древнѣйшей латинской богини, вписанной вмѣстѣ съ *Seja* въ *Индигитаменты*—священные книги Пумы⁹⁾. Повторяемъ, отъ *seges*,—*tis* не можетъ быть произведено ни имя города, ни имя лица *Segesta*, такъ какъ это послѣднее имѣетъ своимъ суффиксомъ *sta* (ср. *Sege-stus*,

¹⁾ Plin. III, (5), 48: *Segesta Tigulliorum*.

²⁾ Plin. III, 19 (28), 131: *Carnis Segeste et Ostra*.

³⁾ *Amm. Marcell.*, XIX, 2.

⁴⁾ *Tac. Ann.* 1, 58 слд.

⁵⁾ *Lib. cit.*, p. 114, примѣч. 2.

⁶⁾ XVIII, 2, 8.

⁷⁾ *Dionys.* 1, 52.

⁸⁾ *Ibid.*

⁹⁾ См. у меня въ „Римской письменности въ періодъ царей“, стр. 75—76.

Αἴγε-ς-τος, Ace-stes), а не *ta*, и суффиксъ именительнаго падежа (s) никогда не остается при производныхъ формахъ, въ которыхъ окончаніе прилагается непосредственно къ основѣ ¹⁾).

Мы довольно долго оставались на такъ называемыхъ остаткахъ языка сикуловъ и до сихъ поръ не нашли ни одного слова, въ которомъ бы было видна органическая связь языка сикуловъ съ языкомъ Лаціума или съ другими италійскими нарѣчіями. Но мы въ то же время допускали возможность заимствованія сикулами въ періодъ своего доисторическаго столкновенія съ италиками того или другаго слова, заимствованія, какія дѣлаются другъ у друга самыми разнообразными племенами при ихъ столкновеніяхъ, какъ напимѣрь у насъ заимствовано не мало словъ татарскихъ, хотя между русскимъ и татарскимъ языками, какъ и между самими народами, нѣтъ никакой родственной связи. Такъ мы допускаемъ возможность доисторическаго принесенія италійскаго слова *geli*, допускаемъ даже возможность заимствованія обще-италійскаго корня *cas* въ значеніи старей (*cas-nag, cas-cus*), хотя быть можетъ и такъ, что въ языкѣ самихъ сикуловъ, по нашему не арійскаго происхожденія, былъ также этотъ корень и съ тѣмъ же значеніемъ. Но есть одно слово, латинское или италійское происхожденіе котораго несомнѣнно. Это имя упомянутаго вождя Сикуловъ, противника Діонисія Сиракузскаго, Дукетія. Принесено ли это имя самими сикулами изъ Италіи, или оно проникло къ нимъ впослѣдствіи черезъ одно изъ предполагаемыхъ нами частныхъ передвиженій италійскаго населенія на островъ, сказать трудно. Но такъ какъ Дукетій появляется на сценѣ уже въ половинѣ V столѣтія до Р. Хр., а мы раньше говорили о сношеніяхъ Лаціума съ островомъ еще въ началѣ этого столѣтія, то образованіе этого имени могло произойти и въ историческую пору, въ пору разцвѣта греческихъ колоній на островѣ и при установленіи прочной связи Сициліи съ италійскими населеніями полуострова.

Этимъ устраняется послѣднее возраженіе противъ непринадлежности сикуловъ къ италикамъ. Фактъ полного отличія ихъ отъ этихъ послѣднихъ по археологическимъ даннымъ, установившимъ рѣзкую разность культуры, глубокую разность погребальнаго обряда, несходство въ образѣ жизни, въ постройкѣ домовъ, остается неопровержимымъ. Сикулы и италики—двѣ разныя расы, одна раньше пришедшая на Апенинскій полуостровъ, другая позже. Можетъ быть, и

¹⁾ Отъ *veges* (корень *veg*) происходятъ: *Seg-e-tia, veg-et-alis, seg-e-stre.*

было время, когда они могли считаться вѣтвями одного дерева, но это было время, совершенно теряющееся во мракѣ, такъ что въ концѣ концовъ раса, которую представляли собой сикулы, и раса, появившаяся на Апеннинскомъ полуостровѣ въ лицѣ италиковъ, были вполне чужды другъ другу. Онѣ слишкомъ рано разъединились одна съ другой, если допустить (что очень трудно), что когда-либо принадлежали къ одному цѣлому. Фриманъ ¹⁾ напалъ было на интересную, хотя и произвольную, мысль, говоря, что Сикулы были передовымъ отрядомъ арійскаго населенія на островѣ Сициліи; но онъ очень быстро повернулъ дѣло такъ, что это были, какъ онъ выразился, „не развившіеся латиняне“. Мы видѣли, что они *вовсе* не латиняне, но намъ пока еще ничто не стоитъ на дорогѣ, чтобы допустить, что они такъ-же, какъ и Сиканы, были арійцы, хотя и отдѣлившіеся раньше другихъ отъ общей вѣтви племени ²⁾. Но поименно-данныхъ, которыя могли бы насъ приблизить къ рѣшенію этого вопроса.

III. Данныя антропологическія.

Что языкъ и народность нерѣдко не совпадаютъ между собой, то-есть, что народы не всегда говорятъ языкомъ своего племени, или своей этнической разновидности, это фактъ общезвѣстный. Такъ, въ Европѣ испанцы, иберы по происхожденію, говорятъ языкомъ латинскимъ (въ общемъ смыслѣ этого слова); французы, народъ кельтскаго племени, говорятъ также латинскимъ языкомъ; ирландцы, будучи кельтами по крови, говорятъ по англійски; многія отрасли финскаго племени усвоили себѣ русскій языкъ, другія находятся еще въ процессѣ его усвоенія; полабскіе славяне усвоили себѣ языкъ нѣмецкій. Такимъ образомъ несомнѣнно, что языкъ не есть еще вѣрный признакъ племенной принадлежности, такъ какъ онъ можетъ быть заимствованъ отъ другаго народа, какъ близкаго въ этническомъ смыслѣ, такъ и отдаленнаго. Теперь вопросъ: народы, которые говорятъ арійскимъ языкомъ, распространеннымъ въ своихъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ отъ Индійскаго океана до Сѣвернаго Ледонитаго океана,

¹⁾ History of Sicily, I, нѣм. изданіе, р. 86 и 17.

²⁾ Такими арійцами ихъ именно считаетъ Г. Д'Арбуа де Жюбанвилль въ своемъ сочиненіи: Les premiers habitans de l'Europe, 2 éd. I p. Paris, 1889, 265 слд.

дѣйствительно ли принадлежитъ одному племени? Индеецъ и русскій, персъ и голландецъ, армянинъ и сѣверо-германецъ, грекъ и англичанинъ, римлянинъ и шведъ—неужели все это народы, принадлежащія физиологически къ одной расѣ, къ одному племени? Антропологъ, смотрящій на расы не съ точки зрѣнія языковъ, а по характеристическимъ признакамъ череповъ и скелетовъ, рѣшительно отвергаютъ племенное единство народовъ, говорящихъ языками арійскаго корня. Противъ этого единства рѣзко возставалъ еще Брокъ, возставали другіе и даже нѣкоторые лингвисты, а въ настоящее время едва ли не самымъ энергическимъ противникомъ арійскаго единства является профессоръ антропологии въ римскомъ университетѣ, Джузеппе Серджи, оспаривающій его на своихъ лекціяхъ, на международныхъ съѣздахъ натуралистовъ, въ ученыхъ трактатахъ специальныхъ изданій и въ статьяхъ общихъ журналовъ. Не обращая вниманія на науку сравнительнаго языкознанія, разработанную по отношенію къ индо-европейскимъ языкамъ съ такою тщательностью трудами Боппа, Шлейхера и множества другихъ ученыхъ на протяжении всего нашего столѣтія, онъ пришелъ къ твердому выводу, что ни греки, ни римляне не имѣютъ ничего общаго съ арійскимъ происхожденіемъ, но что они составляютъ вѣтви обширнаго средиземно-морскаго племени, къ которому на одинаковой съ ними степени принадлежатъ не только иберы и лигуры, но и египтяне, берберы, кабилы, нубійцы, абиссинцы и сродныя съ ними племена восточной Африки (сомалы, галласы и т. п.), и что родиной этого обширнаго племени или центромъ его распространенія была не Азія, а именно восточная, прилегающая къ Аравійскому заливу и частью къ Индійскому океану, Африка. Многочисленные народы, которые входятъ въ это обширное племя, раздѣляются у него на четыре главныхъ группы: на *либійцевъ*, куда относятся и египтяне, *пелазговъ*, къ которымъ относятся между прочимъ, греки, *лигуровъ*, составившихъ вмѣстѣ съ пелазгами первоначальное населеніе Аппенинскаго полуострова, и занявшихъ Ломбардію, Пьемонтъ, Приморскіе Альпы, восточную часть Южной Франціи и Швейцарію, и *иберовъ*, занявшихъ Пиринейскій полуостровъ и распространившихся отсюда черезъ Францію до Британіи и Ирландіи включительно. Но иберы, лигуры и даже пелазги составляютъ лишь *вѣтви* либійскаго племени, отъ котораго еще до распространенія этого племени по Европѣ отдѣлилась вѣтвь Гетеевъ или азіатскихъ пелазговъ, давшихъ въ до-финикійскую эпоху значительную часть населенія Сиріи, Малой Азіи и острову Кипру и позже выпустившихъ въ

Европу этрусковъ. Пелазги, населявшіе Грецію съ прилегающими къ ней островами, проникли черезъ Черное море (?) въ Крымъ и Южную Россію, тогда какъ лигуры вмѣстѣ съ иберами дали населеніе Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ, а иберы, распространившіеся съ Пиринейскаго полуострова на сѣверъ вплоть до Ирландіи, прошли также къ юго-западу Африки до Канарскихъ острововъ, которые и были крайнимъ западнымъ предѣломъ ихъ распространенія. Таково, по утверженію г. Серджи, происхожденіе и распространеніе племени, которое дало обитателей всей Южной Европѣ и въ частности Италіи и Сициліи. Теорія эта, развиваемая имъ во многихъ статьяхъ и ученыхъ трактатахъ, приведена въ систему въ книгѣ: „Origine e diffusione della stirpe mediterranea“ (Roma, 1895). Къ книгѣ приложена карта, которая графически изображаетъ распространеніе „средиземнаго“ племени отъ восточнаго берега Африки черезъ Египетъ (еще въ до-египетскую эпоху) къ Средиземному морю и далѣе. По берегамъ этого моря оно, съ одной стороны, движется въ переднюю Азію, съ другой, идя вдоль сѣвернаго берега Африки вплоть до Атлантическаго океана, оно сначала выдѣляется изъ себя часть, которая направляется моремъ на островъ Критъ, на острова Эгейскаго моря, въ Малую Азію и въ Пелопоннесъ. затѣмъ, дошедши до нынѣшняго Туниса, оно посылаетъ колонистовъ на островъ Сицилію, а черезъ Сардинію и Корсику въ Приморскія Альпы, Піемонтъ и Швейцарію, прошедши же далѣе до Гибралтарскаго пролива, переходитъ черезъ этотъ проливъ на Пиринейскій полуостровъ, откуда двигается далѣе къ сѣверу, не останавливаясь передъ Ламаншемъ и передъ проливомъ св. Георгія, въ то время какъ нѣкоторая часть его двигаясь вдоль берега Атлантическаго океана по территоріи нынѣшняго Марокко, выпускаетъ колонию на острова, называющіеся теперь Канарскими. Все это, такимъ образомъ, представлено наглядно и просто.

По просто ли это на самомъ дѣлѣ?

Для профессора Серджи и на самомъ дѣлѣ это просто какъ нельзя больше. Онъ основываетъ свои выводы на антропологическихъ фактахъ, подлежащихъ точному измѣренію и строго научной повѣркѣ. Онъ изучилъ тысячи череповъ древнихъ и новыхъ, происходящихъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ жило раньше или живетъ теперь его средиземноморское племя, обративъ особенное вниманіе на ту часть Африки, изъ которой племя это, хамитское по своему происхожденію, вышло. Въ недавно изданной имъ большой антропологической книгѣ

объ Африкѣ ¹⁾ онъ представляетъ болѣе сотни изображеній череповъ съ подробнымъ ихъ описаніемъ, начиная съ древнѣйшихъ египетскихъ и кончая канарскими, присовокупивъ къ нимъ болѣе шестидесяти фотографическихъ портретовъ нынѣшнихъ типовъ, между которыми многіе, принадлежащіе не только мароккинцамъ, но и сомаламъ, галласамъ, данакилямъ, особенно женщинамъ, обличаютъ вполне южно-европейское обличье, хотя другіе и сильно попорчены негрятянскою примѣсью.

Въ своемъ интересномъ рефератѣ, прочтенномъ въ 1892 г. на московскомъ международномъ съѣздѣ по доисторической археологіи и антропологіи „О первобытныхъ обитателяхъ Средиземнаго моря“ ²⁾, онъ, ссылаясь на свои прежнія работы ³⁾ по измѣреніямъ и изученію череповъ и представляя членамъ съѣзда въ цифрахъ ихъ характеристическія свойства и особенности, заявилъ, что онъ пришелъ къ заключенію, что „иберы, сикулы и лигуры были составлены изъ однихъ и тѣхъ же этническихъ элементовъ“ (р. 305]. Въ этомъ заключеніи не было ничего неожиданнаго. Неожиданнымъ могло показаться причисленіе этихъ народовъ къ одному племени съ египтянами, о которыхъ онъ говорилъ слѣдующее: „я могу доказать, что древніе египтяне представляютъ народъ, многіе изъ этническихъ элементовъ котораго имѣютъ общее происхожденіе съ этническими элементами Сициліи, Сардиніи и Южной Италіи, а слѣдовательно, съ иберами и лигурами. Это не такіе аргументы, которые всегда представляются историками и археологами, но это аргументы антропологическіе, вытекающіе изъ физической структуры древнихъ египетскихъ череповъ, которые, сохраняясь въ повязкахъ и балъзамѣ, являются теперь драгоценными документами для антропологическаго анализа“ (р. 308). Сдѣлавъ описаніе этихъ череповъ, онъ нашелъ, что изъ „15 египетскихъ разновидностей 12 находятся въ Южной Италіи и на двухъ островахъ: Сициліи и Сардиніи“ (р. 509). Мы нарочно приводимъ выводы автора въ буквальныхъ его выраженіяхъ, чтобы не брать на себя за ихъ формулировку никакой отвѣтственности. „Если же“,

¹⁾ Africa. Antropologia della stirpe camitica (specie Eurafricana). Torino, 1897.

²⁾ „Sur les habitants primitifs de la Méditerranée“ въ Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques. 11-ème session, à Moscou. T. II, Moscou, 1893, p. 305—310.

³⁾ „Crani siculi neolitici“ въ *Bullettino di paleontologia Italiana*, 1891; „Di alcune varietà umane della Sicilia“ въ *Atti академіи Линччевъ*, 1892; „Di alcune varietà umane della Sardegna“ въ *Bullettino dell' Accademia medica di Roma*, 1892.

продолжаетъ онъ, „выдѣлили Египетъ изъ западныхъ народовъ Средиземнаго моря, то сдѣлали это, основываясь на языкахъ и культурахъ (civilisations), но я тѣ и другія составляютъ предметъ ввоза, какъ ввозятъ товары: физическія же конструкціи череповъ не измѣняются черезъ перемѣну языковъ и культуръ. — Древніе египтяне суть либійцы, а либійцы—вѣтвь иберо-лигуро-либійской Средиземноморской семьи“ (р. 309).

Такъ какъ римскій антропологъ это говорилъ въ присутствіи специалистовъ не только своей страны, но и цѣлой Европы, то мы должны быть увѣрены, что его краниологическія данныя были вполнѣ серьезны, и выводы, изъ нихъ сдѣланные, вытекали естественно и необходимо. Продолжая этимъ вопросомъ заниматься съ особымъ усердіемъ, какъ показываетъ цитуемый имъ рядъ собственныхъ работъ, частью намъ неизвѣстныхъ ¹⁾, и обширная библиографія трудовъ другихъ ученыхъ, онъ въ указанномъ сочиненіи „*Origine e diffusione della stirpe Mediterranea*“, въ которомъ полученные имъ данныя сведены къ одному знаменателю, высказывается по данному вопросу слѣдующимъ образомъ: „Я прослѣдилъ народы съ ихъ этническими именами въ древней и новой исторіи, я изслѣдовалъ, гдѣ это оказалось возможнымъ, древній и новый черепъ въ каждой этнической вѣтви, или только одинъ или другой, и я увидѣлъ фактъ въ одно и тоже время очень поразительный и очень любопытный, именно что существуетъ десятокъ черепныхъ формъ, названныхъ мною разнообразностями, общихъ народамъ, именуемымъ иберами, лигурами, италиками центральной части, южнаго и островнаго районовъ Италіи, общихъ народамъ Греціи, Малой Азіи, древнему Египту, всей Сѣверной Африкѣ, занятой нынѣ берберами и кабилами. Сверхъ того находятся другія черепныя разновидности съ различными свойствами, но менѣе многочисленныя, въ разныхъ областяхъ Средиземнаго моря, примѣшивающіяся къ первымъ; онѣ тотчасъ заставляютъ думать, что это—этническіе элементы, чуждые первымъ и общіе во всемъ средиземноморскомъ бассейнѣ. Я могъ прослѣдить черепныя формы, сравнивая ихъ, отъ одной области до другой, отъ иберійскаго полуострова неолитической эпохи до доисторической Лигуріи, отъ Этруріи до Лаци-

¹⁾ Таковы напримѣръ: „*Studi di antropologia Laziale*“ въ *Bullettino dell' Accademia medica di Roma* 1895; „*Varietà umane della Russia e del Mediterraneo*“ въ *Atti della Società Romana di antropologia*. Roma, 1894; „*Crani di Creta di epoca Micenea*“. Ibid. 1895.

ума, до неолитической Сициліи, отъ Греціи до Троады въ Гиссарликѣ, на островѣ Критѣ въ могилахъ микенской эпохи; и сравнилъ эти формы съ древней серіей формъ Египта и Туписа, и я увидѣлъ, что (вездѣ) господствуютъ тѣже самыя формы, тѣже самыя разновидности съ ихъ подформами. Этотъ анализъ, сдѣланный по однообразному методу, мнѣ открылъ другой важный фактъ, именно, что древнія формы череповъ непремѣнно совпадаютъ съ новыми въ тѣхъ же областяхъ, лишь нѣсколько элементовъ чуждыхъ къ этимъ оказываются примѣшанными. Это подтверждаетъ устойчивость физическихъ свойствъ населеній впродолженіе временъ и въ разныхъ перемѣнахъ мѣста; а безъ такой твердой устойчивости свойствъ не было бы возможности науки. Этотъ самый фактъ даетъ результатъ, который кажется неожиданнымъ, именно что средиземноморское племя отъ своего начала осталось не искаженнымъ, что, не смотря на иностранныя нашествія въ различныя времена и въ разныхъ областяхъ, этнической составъ первобытныхъ народовъ не измѣнился и что проникшіе въ него новые элементы не могли его разстроить и измѣнить его сложную физиономію“ (р. 47—48).

Результаты антропологическихъ изслѣдованій г. Серджи были неожиданны и для него самого. Онъ говоритъ: „Мы открывали эти факты медленно, изучая то одну, то другую область Средиземнаго моря и посредствомъ сравненій разныхъ этническихъ элементовъ, преимущественно въ физическихъ свойствахъ скелетовъ. Наиболѣе насъ изумилъ тотъ фактъ, что мы нашли въ Восточной Африкѣ типическія формы племени, которое мы изслѣдуемъ; никому никогда не приходило въ голову подозрѣніе, что греки и римляне имѣютъ происхожденіе, общее съ египтянами и тѣмъ менѣе съ африканцами Эіопіи и Сомалии... Я могъ бы смѣшать вмѣстѣ подлинныя черепа древнихъ грековъ и римлянъ съ египетскими и иберійскими, древними и новыми, и съ африканскими черенами Абиссиніи, Тигре, Сомалии, подраздѣлить ихъ по типамъ и разновидностямъ согласно ихъ спеціальнымъ формамъ и пригласить наиболѣе опытнаго изъ краниологовъ, такого, который видѣлъ и изслѣдовалъ наиболѣе головъ человѣческихъ, съумѣть ихъ различить: почти невозможно, чтобъ между одними и другими нашлись типическія различія; это одно и то же тождественное человѣческое племя, сохранившее свои физическія свойства, начиная съ своей кокетитуціи, и не смотря на свои расцѣпленія и отдѣленія, не смотря на примѣси другаго племени, эти свойства продолжаютъ существовать неизмѣнно и свидѣтельствуютъ объ его происхо-

ждевія. У насъ есть вѣрныя доказательныя свидѣтельства, которыя будутъ изложены въ спеціальному трудѣ о великомъ племени¹⁾ (р. 76—77) ').

Какъ ни смѣлы или, быть можетъ, правильнѣе было бы сказать, какъ ни революціонны антропологическія заключенія г. Серджи о средиземноморской расѣ, гдѣ сваливаются въ одну кучу греки съ египтянами и эіопами, римляне съ кабылами, лигурами и иберами, мы должны съ ними считаться, коль скоро они добыты путемъ точнаго изслѣдованія краниологическихъ и скелетныхъ данныхъ. Только въ нихъ, такъ сказать, сведенъ счетъ безъ хозяина. Хозяиномъ этимъ было до сихъ поръ и пока еще остается сравнительное языковѣдѣніе. Гдѣ бы ни зародилось племя, давшее Балканскому полуострову и островамъ Эгейскаго моря грековъ, а Апеннинскому полуострову римлянъ, непреклоннымъ остается тотъ фактъ, что оно *оригинально* связало общностью праязыка съ аріями Ирапа и Индіи. Профессоръ Серджи неоднократно заявляетъ, что языкъ можно ввести, навязать, или заимствовать, но онъ нигдѣ ни одной строкой не показалъ, откуда произошла не только лексическая, но, что гораздо важнѣе, близкая грамматическая связь, на примѣръ греческаго съ санскритомъ, связь, которая виѣстѣ съ тѣмъ какъ у этого послѣдняго, такъ и у греческаго существуетъ со всѣми другими языками европейской семьи, съ однимъ въ большей, съ другимъ въ меньшей степени. Если греческій языкъ былъ навязанъ населенію Элады и Эгейскаго моря какимъ-нибудь народомъ, то этотъ народъ долженъ былъ навязать свой языкъ и индусамъ, и иранцамъ, и италикамъ, и литовцамъ, и кельтамъ, и германцамъ, и славянамъ. Кто же былъ этотъ народъ? Онъ долженъ былъ быть столь могучъ физически и интеллектуально, что еслибы онъ существовалъ, непременно оставилъ бы глубокіе слѣды въ исторіи. Восточная Африка произвела Египетъ, но Египетъ, оказавшій несомнѣнное вліяніе на культуру земель средиземноморскаго бассейна, всегда былъ чуждъ по языку и грекамъ, и римлянамъ. Ассиро-Вавилонская культура, рано оказавшая свое вліяніе на Малую Азію, не имѣла никакой связи съ арійскими языками, народы которыхъ разошлись въ разныя стороны какъ показываетъ формація этихъ языковъ, въ такое время, когда общій ихъ языкъ прошелъ уже длинную исторію культуры и былъ уже окончательно сложившимся, со всѣми своими характеристиче-

¹⁾ Авторъ, вѣроятно, имѣлъ при этомъ въ виду тотъ трудъ объ Африкѣ, который былъ нами указанъ выше.

скими особенностями. Профессоръ Серджи не думаетъ, чтобъ эта общая индо-европейская культура и ея богатый флексіями языкъ сложился въ Восточной Африкѣ, въ странѣ сомаловъ, галласовъ и абиссинцевъ, никогда не проявившихъ какой-либо общности съ культурой и съ языками индо-европейскихъ народовъ. А если общій индо-европейцамъ языкъ, то-есть ихъ праязыкъ, не сложился на ихъ общей родинѣ, то какъ могли народы, говорящіе индо-европейскими языками, усвоить себѣ всѣ основы этого языка уже по раздѣленіи, по переселеніи въ разныя мѣста Европы. Какой же народъ завоеватель, или какой народъ миссіонеръ разносилъ эти основы прекрасныхъ флексивныхъ языковъ по бѣлу свѣту? Въ засѣданіи одного петербургскаго ученаго общества, гдѣ занимались черепами, найденными у озера Ильменя, мы слышали мнѣніе, что представляемое этими черепами племя, жившее въ окрестностяхъ Новгорода, будто бы десять тысячъ лѣтъ назадъ, и было то племя, которое дало Европѣ языки, общіе съ славянскимъ ¹⁾). Почтенный римскій профессоръ такъ не думаетъ и не способенъ думать, такъ какъ онъ получилъ хорошее филологическое образованіе, знаетъ не только классическіе языки, но и санскритъ, и посвятилъ раньше не одно сочиненіе вопросамъ сравнительнаго языкознанія ²⁾). Если же онъ, посвященный въ тайны и законы языковѣдѣнія, не разрѣшаетъ недоумѣнія, какимъ образомъ греки и римляне, принадлежа къ одному племени съ египтянами, говорили языками, тѣсно связаннымъ съ санскритомъ и зендомъ, то значить, разрѣшить это онъ не въ силахъ. А если это такъ, то и торжествующій тонъ, какимъ онъ говоритъ о происхожденіи грековъ изъ Восточной Африки ³⁾ и съ какимъ онъ осмѣиваетъ „индогерманизмъ“ въ различныхъ фазахъ его развитія, не совсѣмъ умѣстенъ. Его теорію о средиземноморскомъ племени, не смотря на ея блестящее изложеніе авторомъ, мы считаемъ не доказанною, по крайней мѣрѣ въ ея цѣлости.

¹⁾ Впрочемъ это мнѣніе нисколько не страннѣе теоріи Пенки и Пёше о сѣверо-германцахъ, какъ распространителяхъ арійской рѣчи въ Европѣ, или ливонской теоріи Исаака Тайлора.

²⁾ Таковы: „Hecaton, çatam, centum“. Quale elemento predomini nella formazione dei numeri nelle lingue indo-europee“ въ *Rivista Sicula*. Palermo, 1872; И тема прonominalе di prima persona nelle lingue indo-europee въ *Scienza contemporanea*. Messina, 1873. Сочиненія эти значатся въ „Dictionnaire international des écrivains du jour de-Губернатиса. Florence, 1891.

³⁾ По его словамъ, греки прошли въ Европу черезъ Египетъ, „когда онъ еще не былъ Египтомъ, известнымъ въ исторіи, „прежде чѣмъ“ развилась великая египетская цивилизація“. „Origine“ etc., p. 64 и 75.

Но и въ ней есть для насъ точка опоры. Будучи не въ состояніи справиться съ арійскимъ происхожденіемъ языковъ грековъ и римлянъ, не понятная во многихъ пунктахъ и между прочимъ въ томъ, какъ греки, пришедши изъ восточной Африки долиной Нила къ Средиземному морю еще въ *до-египетскую эпоху*, прибыли цѣлымъ своимъ племенемъ по морю на Балканскій полуостровъ, теорія эта уясняетъ въ ту отдаленную эпоху прибытіе въ Европу народовъ не-арійскаго корня, каковы иберы и лигуры. Мы еще не знаемъ навѣрное, откуда вышли тѣ и другіе — изъ Азіи ли, какъ думали до сихъ поръ, или изъ глубины восточной Африки, какъ это стоитъ въ теоріи проф. Серджи; но путь, которымъ они шли въ Европу, былъ всего вѣрнѣе тотъ, который этою теоріей указывается, то-есть, это былъ путь по сѣверному берегу Африки. Это былъ путь для Пиринейскаго полуострова и для такой далекой эпохи наиболѣе удобный и естественный, такъ какъ неизмѣримо легче придти съ Востока на этотъ полуостровъ черезъ Гибралтаръ, чѣмъ черезъ Кавказъ или Балканскій полуостровъ. черезъ Альпы и Пириней. Только, по нашему мнѣнію, черезъ Гибралтаръ шли не только иберы, но и лигуры—два народа, которые, вѣроятно, обособились уже впоследствии, послѣ своего поселенія въ Европѣ. Въ такомъ случаѣ передовымъ отрядомъ въ этомъ передвиженіи былъ тотъ народъ, который занялъ Апеннинскій полуостровъ, то-есть, лигуры, а не тотъ, который упрочилъ за собой Пиринейскій. И въ началѣ историческаго времени лигуры занимали восточную часть южной Франціи, приморскія Альпы, Пьемонтъ, Ломбардію и всю ривьеру Генуэзскаго залива до Пизы. Собственно говоря, область ихъ распространенія шла отъ Пиринеевъ на Западъ, гдѣ они сталкивались съ иберами, простираясь къ Востоку далеко въ долину По, откуда они были вытѣснены къ восточной ея половинѣ италиками, а въ западной кельтами. Изъ долины По они спустились къ югу по берегу Адриатическаго моря, въ Умбрию, въ Пизенскую область, какъ это подтверждается могильными памятниками этихъ областей, и ниже. О пребываніи лигуровъ въ Лаціумѣ мы говорили раньше. Сюда они проникли скорѣе всего по берегу Тирренскаго моря, который и въ историческое время вплоть до Арно принадлежалъ къ ихъ поселеніямъ. Упоминаемые рядомъ съ эоіопами и скивами еще въ стихѣ у Гезіода¹⁾, лигуры вообще у древнихъ писа-

¹⁾ Приводится Страбономъ VII, 3, 7 (р. 300 С.). См. также въ *Hesiod. fragm.*, р. 63 ed. Didot; у Кинкеля *fragm.* 46.

телей считаются древнимъ ¹⁾ народомъ на земномъ шарѣ, съ которымъ нужно было сражаться еще Геркулесу ²⁾, народомъ могущественнымъ и распространеннымъ, хотя они и не заводили ихъ такъ далеко, какъ нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ, особенно г. Д'Арбуа-де-Жубэнвилль ³⁾, который населяетъ ими сверхъ извѣстныхъ историческихъ границъ Лигуріи, не только нынѣшнюю Францію, по рѣкамъ Гароннѣ, Луарѣ, Сѣнѣ, по берегамъ океана и Ламанша, но и заводитъ ихъ въ Бельгію, за Рейнъ, на Везеръ, Эльбу и Дунай, на британскіе острова, не говоря о Средней Италіи, островахъ Сициліи и Корсики и значительной доли Иберійскаго полуострова, который Эратоссеенъ ⁴⁾ даже и называлъ лигурійскимъ. Исаакъ Тайлоръ ⁵⁾ нѣсколько суживаетъ эти границы древнѣйшаго распространенія лигуровъ, но и онъ проводитъ ихъ отъ Пиринеевъ до долины Lesse въ Бельгіи къ сѣверу, и отъ южной Бретани до Ретійскихъ Альпъ включительно—отъ Запада къ Востоку, считая ихъ главной массой населенія территоріи Франціи и Швейцаріи. Значительно въ болѣе тѣсныхъ границахъ умѣщаетъ это племя Мюлленгофъ ⁶⁾, отдавая ему юго-восточную Францію по Севенны, всю долину Роны вверхъ до устья въ Рейна, а въ Италіи кромѣ Ривьеры и долины По до Пьявы, сѣверную Этрурію по восточную сторону Апеннинъ, и видя слѣды ихъ пребыванія въ южной Этруріи въ названіяхъ Сабатинскаго озера и Циминскаго озера и лѣса; изъ острововъ ведетъ ихъ на Корсику и Эльбу. Такимъ образомъ, оказывается, что ученые, основывающіе свои заключенія на лингвистическихъ соображеніяхъ идутъ въ расширеніи границъ распространенія племени лигуровъ гораздо дальше, чѣмъ проф. Серджи, который, въ силу своихъ краниологическихъ изслѣдованій помѣщаетъ ⁷⁾ лигуровъ, кромѣ юга Франціи и сѣвера Италіи, въ центральной Италіи, дѣлая при этомъ изъ нихъ основное населеніе

¹⁾ Плиніи, IV, II, III, 17 (21), 123: *antiqua Ligurum stirpe*; Ливіи, V, 35: *prope antiquam gentem Laevos Ligures*.

²⁾ Эсхилъ у Страбона IV, 1, 7 (р. 188 С).

³⁾ *Les premiers habitants de l'Europe*. 2-е éd. T. II, Par. 1894, p. 205 слд.

⁴⁾ У Страбона, II, 1, 40 (р. 92 С).

⁵⁾ *The origin of the aryans*, 2 ed., London, 1892, p. 116 слд.

⁶⁾ *Deutsche Alterthumskunde*, III, Berlin, 1892, p. 173 слд.

⁷⁾ Кромѣ раньше указанныхъ его позднѣйшихъ работъ сюда относятся прежніе его труды: „*La stirpe ligure nel Bolognese*“ въ *Atti di storia patria*. Bologna, 1882—1883; *Liguri e Celti nella valle del Po* въ *Archivio per l'antropologia*. Firenze, 1888.

Этрурія, Умбрія, Пицена, Сабинской земли, Лаціума вплоть до крайняго юга, и отдавая имъ три острова: Сицилію, Сардинію и Корсику, не доводя ихъ однако на сѣверъ отъ Италіи дальше сѣверныхъ границъ Швейцаріи¹⁾. За то онъ, какъ мы говорили, не стѣняется вести иберовъ не только черезъ всю Францію, но перебрасываетъ ихъ въ Англію и Ирландію. Очень вѣроятно, что и онъ расширилъ бы границы лигуровъ гораздо больше въ Европѣ, еслибъ ихъ повелъ изъ Африки черезъ Гибралтарскій проливъ впереди иберовъ, которые, наступая на нихъ сзади и вытѣсняя съ Пиринейскаго полуострова и даже съ прилегающихъ къ нему частей южной Франціи, тѣмъ самымъ заставляли ихъ не только отступить къ Востоку отъ устья Роны и перейти на Аппенинскій полуостровъ, но и двигаться къ сѣверу, не только по Ронѣ, но и вѣроятно и по Гароннѣ, а затѣмъ и, далѣе, если вѣрны лингвистическія соображенія Д'Арбуа-де-Жубанвилля. Впрочемъ относительно распространенія лигуровъ въ палеолитическую эпоху въ департаментахъ западной Франціи, какъ и въ Бельгіи, мы можемъ положиться на палеонтологическія и палеознологическія изслѣдованія Иссея²⁾, который, объединяя этихъ древнѣйшихъ лигуровъ съ расой Кроманьонъ, видитъ ихъ также и въ южной Испаніи и даже на Канарскихъ островахъ.

Прибытіе на югъ Европы иберовъ и лигуровъ изъ Африки, представляющееся наиболѣе естественнымъ даже независимо отъ теоріи ихъ хамитскаго происхожденія³⁾, подтверждается двумя фактами. Важнѣйшій изъ нихъ тотъ, что иберійскій языкъ, насколько онъ сохранился въ баскомъ съ его нарѣчіями, обнаруживаетъ ближайшее родство съ языками населенія сѣверной Африки, какъ это блистательно доказано сравненіемъ баскскихъ нарѣчій съ языками кабилльскимъ и туарегскимъ, сдѣланнымъ г. фонъ-доръ-Габеленцъ въ мемуарѣ, прочтенномъ въ засѣданіи историко-филологическаго класса Берлинской академіи наукъ 22-го іюня 1893 года⁴⁾. Второй фактъ

¹⁾ См. его карту, приложенную къ сочиненію *Origine e diffusione della stirpe Mediterranea*.

²⁾ *La Liguria geologica e preistorica*. Genova, 1892, II, p. 356.

³⁾ Его признаетъ и не подозрѣвавшій хамитской теоріи Сьенпарелли въ своей статьѣ: „*Le emigrazioni degli antichi popoli dell' Asia Minore, studiate col sussidio dei monumenti egiziani*“, въ *Atti Академіи Линчеевъ* (*Transunti*, vol. VII, 1883, p. 199—206). Статья эта впрочемъ представляетъ дѣло разселенія народовъ очень неяснымъ.

⁴⁾ См. *Sitzungsberichte* этой академіи XXXI (1893), p. 593—613.

тотъ, что въ одной изъ лигурійскихъ неолитическаго періода хижинъ (*fondi di saranne*) довольно давно уже былъ найденъ моллюскъ, водящійся, какъ доказалъ проф. Стробель ¹⁾ лишь въ тропическихъ моряхъ, именно въ Аравійскомъ заливѣ или близъ него (моллюскъ этотъ называется *meleagrina margaritifera*). Затѣмъ были найдены подобнаго рода моллюски и въ лигурійскихъ пещерахъ, каковы *mitra oleacea*, водящаяся въ Индійскомъ океанѣ, *purpura haemustoma*, *patella ferrugina* и другія, о которыхъ говоритъ Иссаль ²⁾, какъ о находящихся въ Лигурійскомъ морѣ теперь и не находимыхъ въ отложеніяхъ четверичной эпохи, какъ и въ позднѣйшихъ. Какъ ни смотрѣть на эти факты, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ здѣсь указаніе на то, откуда пришли лигуры съ иберами, народы, какъ все заставляетъ думать, близко родственные между собою.

Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно не родство иберовъ съ лигурами, а единство племенъ лигуровъ и сикуловъ. Цѣлымъ рядомъ работъ надъ черепами сикуловъ неолитическаго періода, работъ, которыя мы раньше указывали въ выноскахъ, и сравненіемъ ихъ съ черепами какъ собственной Лигуріи древней и новой, такъ и тѣхъ странъ—древней Этруріи, Умбріи, Пизена, Сабинской земли и Лаціума, равно какъ острововъ Сардиніи и Корсики,—гдѣ жили лигуры, Серджи пришелъ къ твердому выводу, что сикульскіе черепа представляютъ съ черепами всѣхъ этихъ странъ древняго времени, а въ значительной части и по сіе время, одинъ рядъ общихъ всѣмъ этимъ странамъ формъ, и притомъ такихъ формъ, которыя среди другихъ, чуждыхъ этимъ общимъ формамъ, являются самыми малочисленными. И это, является онъ ³⁾, тѣ формы или тины, которые общи съ тинами Египта, сѣверной Африки и Иберійскаго полуострова. Что же касается до элементовъ чуждыхъ неолитическому населенію Италіи, составляющихъ однако значительное меньшинство, то это были по преимуществу эле-

¹⁾ См. ссылку на него у Пигорини *Bullettino di paleon. Italiana* 1882 (а. VIII), въ статьѣ „Scoperte paleontologiche nel territorio di Modica in Sicilia“, р. 21—35 и въ *Atti Академіи линчевъ* 1881—1882 (Transunti vol. VI, р. 156—157).

²⁾ *Liguria geologica e preistorica*, II, р. 344. Не мѣшаетъ замѣтить, что относительно найденнаго Стробелемъ моллюска *meleagrina margaritifera* Иссаль высказываетъ нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ найденный экземпляръ не хорошо сохранился; да кромѣ того, самый этотъ видъ трудно распознаваемъ. Есть похожіи на него виды, напримѣръ, въ западной Африкѣ. Указаніе это впрочемъ ничего не говоритъ противъ прибытія лигуровъ и иберовъ съ Африканскаго берега.

³⁾ *Origine etc.*, р. 68.

менты индо-европейскіе, которые произвели большой антропологическій переворотъ въ Европѣ, и которые, поставленные рядомъ съ прекрасной въ морфологическомъ отношеніи темноволосой расой, занявшей въ незапамятныя времена бассейнъ Средиземнаго моря, рѣзко отъ нея отличаются вездѣ и во Франціи, и въ Великобританіи, и въ южной Германіи, и въ Швейцаріи и, наконецъ въ южной Россіи, какъ и во всей южной Европѣ. Эту пришлую расу, *блую*, г. Серджи называетъ кельтской, придавая этому слову смыслъ собирательный, такъ какъ полагаетъ, что въ то отдаленное время кельты, германцы и славяне будто бы не выдѣлялись въ отдѣльныя группы. Онъ приводитъ ее въ долину По и говоритъ, что ей принадлежатъ тѣ поселенія въ терре-марахъ, которыя, по мнѣнію теперешнихъ итальянскихъ археологовъ съ Пигорини во главѣ, принадлежатъ итадикамъ, то-есть, умбро-сабелло-латинской вѣтви индо-европейскаго племени, сдѣлавшейся, по общему и твердо установленному научному положенію, главнымъ обладателемъ Апеннинскаго полуострова. Г. Серджи этой индо-европейской вѣтви не знаетъ. Онъ считаетъ главнымъ населеніемъ Италіи лигуровъ съ примѣсью пелазговъ въ лицѣ этруссковъ, эвганеевъ и умбровъ (?), которыхъ онъ не причисляетъ къ индо-европейцамъ, а своимъ индо-европейцамъ, то-есть, по его понятію кельтамъ, отдаетъ лишь долину По, считая ихъ примѣсь въ центрѣ и на югѣ полуострова совершенно незначительною.

Такимъ образомъ, если дѣло разсматривать съ точки зрѣнія г. Серджи, то выходитъ, что сикюлы, двигаясь на югъ изъ Лаціума, даже и не сталкивались съ итадиками, хотя бы это были кельты, которые, по его представленію, дальше долины По въ доисторическое время на Апеннинскій полуостровъ не проникали. Все это было бы правдоподобно, еслибы во-первыхъ, мы могли безъ дальнихъ разговоровъ принять, что всѣ сказанія древнихъ объ изгнаніи сикюдовъ изъ Лаціума сущій вздоръ ¹⁾, и еслибы во-вторыхъ, проф. Серджи намъ какъ-нибудь объяснилъ, откуда привился населенію полуострова и въ центрѣ, и на Востокѣ, и на Западѣ и на Югѣ языкъ, который, раздѣляясь на многія нарѣчія и развившись всего болѣе въ Лаціумѣ, представляетъ собой одинъ изъ самыхъ могучихъ языковъ индо-европейскаго племени. Вообще, какъ нами было замѣчено, теорія о хамитскомъ

¹⁾ Лигуры, вѣтвь которыхъ составляли сикюлы, по заявленію г. Серджи двинулись на островъ Сицилію и въ южную Италію съ африканскаго берега или какъ онъ неправильно выражается, „изъ страны, которая была (потомъ?) Нумидіей“.

племени въ южной Европѣ не мало подрывается неумѣньемъ автора ея объяснить господство индо-европейскихъ языковъ въ Италиі и Греціи и неразрывную ихъ связь съ національностью грековъ и римлянъ.

Но если не научно обходиться съ Италией и Греціей, какъ со странами, прекрасные языки которыхъ, два главнѣйшихъ языка индо-европейской семьи въ Европѣ, усвоены населеніемъ откуда-то со стороны, то также не научно и приписывать индо-европейскую рѣчь, какъ природную населеніямъ, арийское происхожденіе которыхъ равно ничѣмъ не доказывается. Для г. Д'Арбуа де-Жубэнвилъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Лигуры, нѣтъ въ которыхъ составляютъ Сикулы, индо-европейскаго происхожденія и что они, вѣроятно, были въ началѣ одинъ народъ съ еракійцами и илирійцами ¹⁾. Мы не будемъ входить въ разборъ большаго труда этого ученаго, такъ развязно безъ твердаго метода разрѣшающаго самыя трудныя вопросы этнологіи, лингвистики и хронологіи. Это не возможно. Авторъ твердо знаетъ все, чего мы или совсѣмъ не знаемъ, или чего доискиваемся ощупью и съ постояннымъ колебаніемъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ онъ мало считается съ фактами, добытыми археологическимъ путемъ, мы приведемъ слѣдующія строки ²⁾: „Такимъ образомъ, Лигузы (?) ³⁾ или Лигуры тождественныя съ Сикулами и съ *Aborigines* или Аборигенами, суть первый индо-европейскій народъ, который намъ показываетъ исторія въ западной Европѣ. Они пришли туда приблизительно за двѣ тысячи (?) лѣтъ до нашей эры. Какъ всѣ индо-европейцы Европы и Азіи, они *воздѣлывали хлѣбныя растенія* (?), умѣли обращаться съ плугомъ (?); какъ всѣ индо-европейцы Европы и Азіи, они *знали бронзу* (?)“ Тутъ сколько предложеній, столько ошибокъ, или совершенно произвольныхъ заявленій, и все сочиненіе автора, при всей его огромной учености, ими переполнено. Съ положительнымъ методомъ къ его книгѣ нечего и приступать. Онъ знаетъ, когда жилъ Италъ или Сикулъ, но о томъ, что Лигуры въ Италиі жили въ неолитическую эпоху, онъ не знаетъ, какъ не знаетъ и того, какъ долго Сикуламъ пришлось ждать на ихъ островѣ бронзовыхъ орудій, чтобы имѣть возможность съ большимъ удобствомъ вырубать въ скалѣ пріютъ для своихъ покойниковъ. А между тѣмъ разсуждать о доисторической жизни народа, оставившаго

¹⁾ *Les premiers habitants de l'Europe*, 2-е éd. I, 1889, 265 слд.

²⁾ *Ibid.* p. 382.

³⁾ Правильное написание *Ligures* онъ объясняетъ ротацізмомъ латинскаго языка. См. *ibid.* p. 356.

послѣ себя вещественные памятники, безъ археологическаго ихъ изученія, въ настоящее время значить лишать себя единственной почвы, на которой можно стоять съ какою-нибудь твердостью. Филологическія и лингвистическія комбинаціи, на основаніи названій мѣстностей, городовъ, народовъ и лицъ, да толкованіе мифовъ—почва, на которой такъ любить двигаться, подобно многимъ другимъ, г. Арбуа де-Жубэнвилль, не могутъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Покрайней мѣрѣ, по вопросу о происхожденіи Сикуловъ изъ книги, гдѣ посвящено Лигурамъ и Сикуламъ около 300 страницъ, не выносимъ почти никакого уясненія дѣла.

Но не даетъ намъ полной ясности, какъ съ этимъ вѣроятно согласится читатель, и положительный методъ профессора Серджи. Что Сикулы были не одно съ италиками, то-есть, съ индо-европейской расой, пришедшей съ Сѣвера на Апеннинскій полуостровъ, это теперь является антропологически доказаннымъ точно такъ же, какъ и археологически. Но что въ Сицилійскомъ населеніи главный элементъ, были Лигуры, къ которымъ должны принадлежать Сикулы, это еще вопросъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ этюдовъ ¹⁾ надъ Сицилійскими черепами неолитическаго (или энеолитическаго?) періода г. Серджи заявляетъ, что новая серія полученныхъ имъ (отъ Орси) семи череповъ, дошедшихъ къ нему, правда, не въ цѣльномъ видѣ, даетъ ему „случай показать, что въ эту именно эпоху сикульское населеніе составляли многіе этническіе элементы“, но эти элементы, прибавляетъ онъ, „принадлежатъ не исключительно неолитической Сициліи, а общи населенію Средиземнаго моря, которое и въ настоящее время сохраняетъ въ неизмѣнномъ видѣ типы или разновидности разсѣянные и смѣшанные среди разныхъ группъ населеній, имѣющихъ отдѣльныя этническія названія“. Эти семь череповъ были—изъ Кастелуччо (4), гдѣ мы видѣли одинъ изъ важнѣйшихъ могильниковъ Сикуловъ, и Коццо дель Пантано (3). Нужно впрочемъ, въ видѣ нѣкоторой поправки заявленія г. Серджи, замѣтить, что часть покрополя Кастелуччо принадлежитъ бронзовой эпохѣ, а могильникъ Коццо дель Пантано и весь къ ней принадлежитъ. Слѣдовательно, въ теченіе длиннаго промежутка времени могли примѣшаться къ Сикульскому населенію этихъ мѣсть элементы, которыхъ раньше не было. Элементы эти могли придти изъ другихъ мѣсть Сициліи; могли придти извнѣ.

¹⁾ „Crani siculi neolitici“ въ *Atti della Società Romana di antropologia*, 1895, р. 281 слд.

Наконецъ, не заключали ли уже въ себѣ Сикулы разныхъ элементовъ, когда пришли на островъ? Замѣчательно, что черепа, принесенные Гальбгерромъ (извѣстнымъ своими находками важныхъ архаическихкихъ надписей въ Гортинѣ) изъ одного могильника на о. Критѣ, микенской эпохи, представляютъ, по словамъ г. Серджи, тѣ же разновидности, какія встрѣчаются вообще по берегамъ Средиземнаго моря. Рѣдка, говоритъ онъ, форма *platycephalus paralleloides*; но за то форма *ovoides subtilis* очень обща народамъ бассейна Средиземнаго моря отъ древняго Египта до Греціи, до Италіи, до Иберійскаго полуострова, до Сѣверной Африки. „Нахожденіе ея на Критѣ въ археологическую микенскую эпоху, въ Этруріи въ 6 вѣкѣ до Р. Хр. въ древнемъ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ влечетъ за собой одно наведеніе—ихъ общее происхожденіе“¹⁾.

Такъ или иначе, по антропологическимъ даннымъ выходитъ то же, что и по археологическимъ, именно, что Сикулы не принадлежали къ индо-европейцамъ или, въ частности, къ италикамъ. Антропологическія и географическія данныя ставятъ ихъ въ ближайшую связь съ Лигурами, составлявшими древнѣйшее населеніе Апеннинскаго полуострова, и въ племенное родство съ африканскимъ племенемъ, во всякомъ случаѣ къ одному племени съ Иберами, Берберами и, пожалуй, съ древнѣйшими Египтянами. Родина этого племени была, мы охотно признаемъ это, восточная Африка, какъ указываетъ несомнѣнная общность основныхъ физическихъ элементовъ у перечисленныхъ народовъ съ населеніемъ странъ, прилегающихъ къ Аравійскому заливу и Индійскому океану,—общность, выясненная г. Серджи въ его антропологическомъ трудѣ объ Африкѣ, на который было нами раньше указано. Нахожденіе среди Лигурійскихъ *fondi di saraphe* моллюска этихъ морей, равно какъ нахожденіе въ лигурійскихъ пещерахъ другихъ моллюсковъ подобнаго происхожденія, служатъ также однимъ изъ указаній, какими пренебрегать нельзя, откуда пришло племя, занявшее въ незапамятные времена сѣверную Италію. Мы, конечно, не беремъ на себя труда поддерживать теорію г. Серджи во всей ея цѣлости, такъ какъ въ цѣлости своей она представляетъ намъ много неиснаго и не объясненнаго, но она несомнѣнно подкрѣпляетъ новыми данными наше убѣжденіе въ принадлежности Сикуловъ къ племени Лигуровъ, какъ думалъ объ этомъ еще въ древности одинъ изъ главныхъ Си-

¹⁾ Ibid. p. 285—286.

ракузскихъ историковъ (Филистъ), и какъ это согласуется съ новѣйшими археологическими изслѣдованіями.

Одинъ изъ талантливейшихъ и ученѣйшихъ германскихъ археологовъ гельдельбергскій профессоръ фонъ-Дунъ, обозрѣвая въ своей рѣчи, произнесенной въ 1895 г. на съѣздѣ филологовъ въ Кёльнѣ, плодотворную дѣятельность итальянскихъ археологовъ за восемь послѣднихъ лѣтъ и коснувшись результатовъ работъ Орси по отношенію къ Сикуламъ, пришелъ по отношенію къ этому народу къ такому выводу: „Связь съ населеніемъ Сардиніи и сѣверной Африки вѣроятна, съ такъ называемыми Лигурами не невозможна“¹⁾. Заявленіе очень осторожное, но, быть можетъ, два года тому назадъ еще отвѣчавшее положенію вопроса. Для настоящаго момента оно было бы слабо. На основаніи всѣхъ данныхъ, какія прошли передъ нашими глазами, мы могли бы теперь относительно происхожденія Сикуловъ такъ сказать: „общая племенная связь ихъ съ населеніемъ сѣверной Африки и съ иберами, родство которыхъ съ берберами теперь научный фактъ, трудно устранима, ближайшая съ Лигурами несомнѣнна“. Усиленію твердости въ заявленіи на эту тему несомнѣнно способствуютъ работы г. Серджи, антропологическія данныя.

Далѣе этого мы пока не пойдемъ. Разбирая археологическія данныя, мы видѣли слѣды культурной связи Сикуловъ съ восточною частью бассейна Средиземнаго моря, повидимому предшествовавшіе микенской, а равно и финикійской торговлѣ. Выясненіе этой связи превышаетъ наши силы и—сѣмъ думать—до поры до времени даже силы современной науки. Кажется намъ однако, что путь къ разъясненію нѣкоторой культурной общности у Сикуловъ съ древнѣйшею Троей скорѣе долженъ идти черезъ Африку, чѣмъ черезъ Европу. Но это дѣло будущаго.

И. Мѣдсестовъ.

¹⁾ Рѣчь профессора фонъ-Дуна напечатана въ *Neue Heidelberger Jahrbücher*, VI, 1896, p. 19—49, въ видѣ уже раньше указанной нами статьи: „Ueber die archäologische Durchforschung Italiens innerhalb der letzteren Acht Jahre“. Указанное мѣсто находится на стр. 36.

ПОПРАВКИ:

Въ первой статьѣ (ноябрь, 1897) на стран. 185 въ примѣч. 2, напечатано: юго-восточный вм. юго-западный; на стран. 197, въ примѣч. 5, слѣдуетъ ~~вычеркнуть~~ слова: „и въ последнее время D'Arbois de Jubainville“.